ISSN 0131—0097 ОКТЯБРЬ № 42 1991

THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ТАЙНЫ МОСКОВСКОЙ ГОСТИНИЦЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 42 (3352)
12 — 19 октября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА. (См. в номере мат. «Отель под колпаком».)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 23.09.91. Подписано к печати 08.10.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 904. Цена 1 рубль.

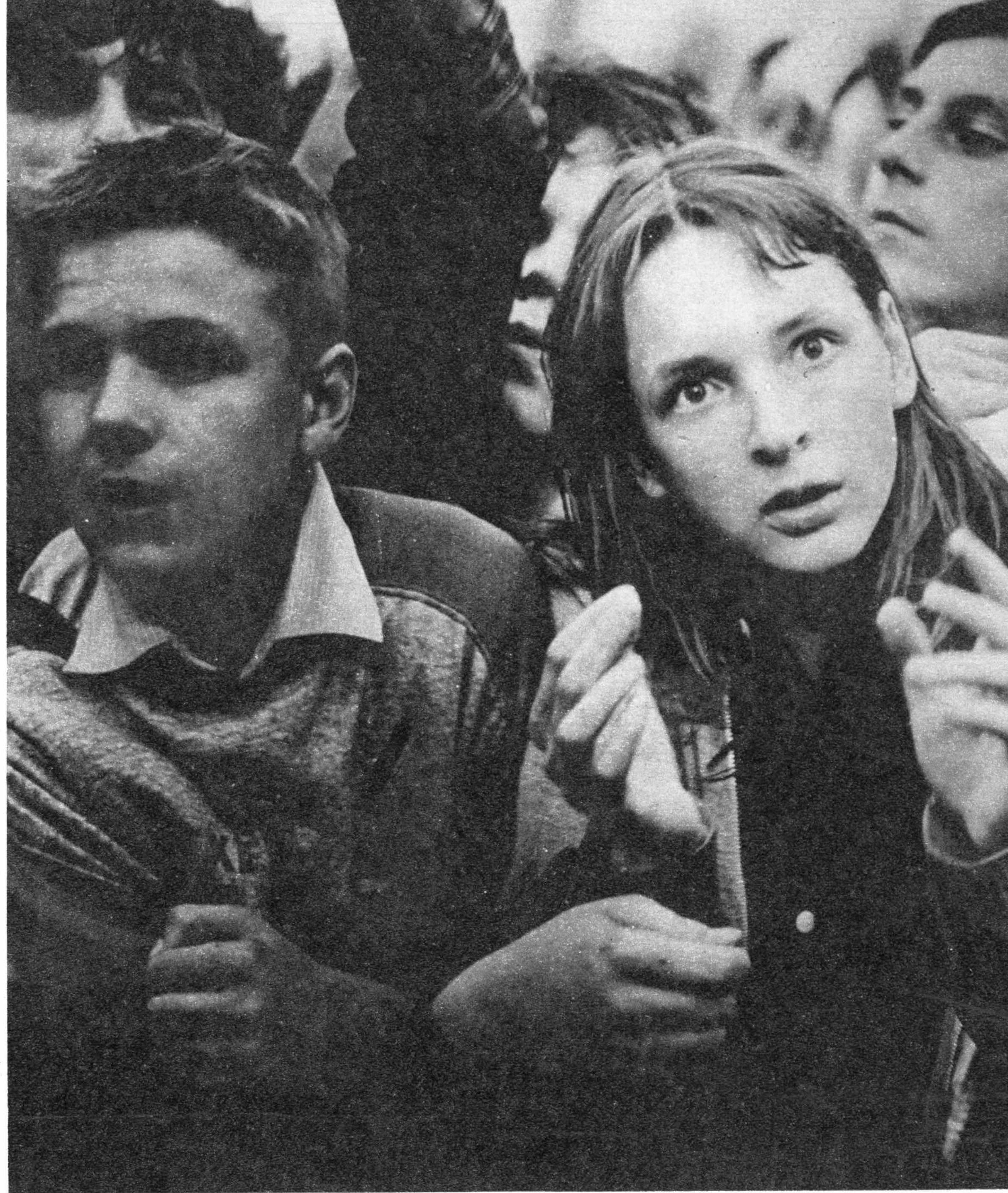
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

БЕЗДНА

Александр ТЕРЕХОВ
Фото
Владимира МАШАТИНА,
Марка ШТЕЙНБОКА,
Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Эх, скучный мы народ, все бы плакать да сморкаться в кулак и мерить чужое счастье единственным аршином. Даже исторический праздник иноземной и родной рок-музыки на Тушинском поле, долгожданный день напора и радости, породил в публике печальное недоумение картинками проломленных переносиц, числом пострадавших телесно и впечатлением силы многотысячной толпы, которую мы без лозунгов, гробов и оркестров, а просто собравшихся откровенно отдохнуть, никогда при жизни и не видали. Все это как-то подозрительно, и пусть рука уже отвыкла разматывать из маленькой картинки большие вопросы и указы по Москве и области, но от сопливой жалости спасения нет. Кто-то непременно бедный. Бедная молодежь... Или — бедная милиция. Да?

Да нет же! Не засудите чужое счастье! Первый раз на советском веку собрались свободно погулять на свой манер люди одного пошиба — и погуляли! Не топчите лучший день их жизни: они годами собирали фотокарточки мужиков с гитарами, рисовали их в школьных тетрадках, тащились под магнитофон, ловили забугорное радио, копили рубли на особую одежду, ждали и не чаяли дожить до такого дня и примчались из Тмутаракани, ночевали на голой земле, терпели голод и лишения и дождались восхода солнца своего!

Их день, их полет, их рассказы обделенным товарищам и будущим внукам это: и поле, и вскинутые руки, и рев, и грохот, и водка, и сцена, и «поганые менты», и летящие бутылки — это все вместе, им было из чего выбрать, и это наш успех, коли мы хоть кому-то способны дать выбор, а теперь только надо стиснуть зубы и честно вытерпеть его, отмыться хоть чуть-чуть от насилия общего выбора.

Их сверстники в форме тоже не стоят общих слез. Они свободно выбрали опасную работу. Мы законами освободили их руки от досадной скованности и мордобоев втихомолку — и они тоже радовались, сумев в меру желания приложиться к общей радости, азартно ответив дубинками и общими атаками на послания бутылочной почты сверстников. Надо привыкать и к тому, что есть и счастье удара с оттягом дубинкой по голове в пределах законности.

И те, и другие пришли и приехали именно за этим. И все получили все, что хотели. Разве это не прекрасно?

Скажу еще: не приведи Господь, по собственной глупости или пьяному ухарству пара человек в отчетах прошли как «безвозвратные потери» — даже это не оправдало бы сомнений в смысле такого счастья. Такое счастье это допускает. И наша слезливость и поразительное внимание к всего лишь рок-концерту как-то странно в стране, давно уже бегло пролистывающей ежедневные смерти кровоточащих окраин, свободу преступных банд, страдания беженцев.

И, более того, негоже морщить носики: ах, но все ж таки «там», на родине рока, это как-то чистенько, гладенько, воспитанно. А почему вы думали, что у нас будет так же?

Если люди пьют и мало знают честную работу. Если люди не имеют духовных пастырей и основ. Если в детских садах воспитатели ненавидят детей. Школьники ненавидят уроки. Врачи — пациентов. Солдаты — весь белый свет. Если на Пасху вокруг церквей пьяная толпа. Если от роддома до кладбища жизнь сопровождается одним огромным хамским хайлом, крохотной черточкой которого присутствует и наша физиономия,— откуда ж вы ждали улыбок, трезвых голов, способности красиво выглядеть? Откуда?

И кроме того, не стоит унывать, лицезрев печальные для тонкой души разбитые пьяные морды: и это наше будущее?.. Да кто вам сказал, что это наше будущее? Надежда — совсем в другой стороне.

Александр Федорович Керенский подбодрил одну гражданку, тускло глядевшую на будущность нашего народа: «Вы видите только бездну снизу. А надо видеть и бездну сверху...»

Наша надежда — в бездне сверху: в поэтах, художниках, музыкантах, честных купцах, культурных предпринимателях, подвижниках в рясах, в погонах; в школах, в неподкупных прокурорах, хороших людях — в народе. Мы ведь не все народ. И не вся молодежь — наше будущее.

Это непривычно, но раз каждый человек хочет чему-то отдаться в этом мире и сделать это поразному — он теперь волен в своей цели, он больше не солдат великой армии. Нам это трудно, поскольку очень властен соблазн поглядывать в тарелку соседа и поучать, чем лучше закусывать, а что полезней.

Для нас это опасно; чтобы смело быть разными, надо, как ни странно, иметь много общего. Тогда чужая радость не переполнится в одночасье и не ринется переворачивать машины и жечь дома спящих, которые имеют о «металле» и «драйве» весьма смутные представления. Этой общностью может быть только культура, нажитая и собранная народом, которая останется с тобой, чему бы ты потом ни пожелал отдаться, определив на всю жизнь какие-то пределы. И тогда громкая музыка не заглушит тихую музыку, а сила никогда не заслонит разум.

Пока же главная наша общность — тоска от несчастья, что довелось родиться вместе, и оттого столь сокрушительно число тех, у кого зудят ноги исправить поскорей эту досадную ошибку.

И если мы так привыкли обязательно пугаться, то

сейчас страшно подметить, что, освобождая себе пространство для полета, мы очень успешно копаем бездну вниз. И у нас не очень получается вверх. Это какое-то совершенно бесшумное падение страны, убиенной руганью и теперь не слышащей слова. Верящей лишь в волшебную палочку рынка, которую загадочное время протягивает нам как карандашик двухцветный и шепчет в поникшее лицо: «У вас не вышло по-своему — так равняйтесь по нам. Сначала черным проводите болезненную для вас линию, а потом сразу красным — воскрешающую. Мертвой водой, живой водой...»

Распадется страна, но окрепнут дружба и уважение свободных народов.

Уничтожим ложную мифологию, но дадим молодежи подлинных героев для подражания.

Двинемся к рынку, но защитим население.

Поднимем цены, но будут товары.

Водка будет продаваться на каждом углу, но ненасильственными путями явится культура питья.

Пустим к себе поток фильмов-дешевок, но только тогда каждому станут доступны шедевры.

Появится много богатых, но появится столь же много мест, где эти богатые сделают нам быстро, культурно, дешево.

Поработаем на потребу толпы, но появятся средства и для народа.

Откроем злачные места, но деньги хлынут в нищие библиотеки, ободранные школы, умирающие театры, малозаметные оклады работников культуры, поднимутся из руин национальные святыни, и станут доступны подлинные духовные ценности.

Дадим дорогу накипи, швали, но как станет свободней и чище дышать от величия свершений раскрепощенного народа, который немедленно встанет с колен и сделает надежным и привычным завтрашнее утро.

Вы знаете, у нас как-то не очень получается с тем, что после «но». После «но» — провисает пустота. Но, но, но — время погоняет, и мы только скачем, и в этой спешке договоров, развалов, битв, следствий как-то совсем в сторонке осталась тихая, неприметная свечечка цели — для чего все это, если не для того, чтобы человек был человеком в любом испытании, мог найти утешение и крепость в своей душе, имел представления о совести, достоинстве, чести — и об этом надо заботиться, как о главном.

Легко на подъем само только то, что валялось в грязи, там сразу объявились и разворотистые молодцы, и денежки заклубились — мы дали им свободу, не волнуйтесь, они себя обеспечат, им есть чему отдаться — а всем остальным? Это здорово, что догоняем по числу зрителей рок-концертов и перегоняем по всем статьям, я имею в виду Уголовный кодекс, но как насчет симфонических оркестров? Музеев? Образования? Человеческой жизни? Есть дела поважнее?..

И это тем грустнее, что, как ни верти, а власть в державе нашей отделена не только от жизни, но и от культуры, и наших ни первых, ни десятых лиц не встретишь в книжном магазине, в картинной галерее без иноземного гостя, в театре — без юбилея или предвыборной кампании.

И, строя наш храм, мы забываем прежде всего главные ценности собрать в алтарь и выстроить его на восток, на восход солнца. Никто не отрицает существования других сторон света, но лицом надо все-таки стоять в сторону надежды.

Перед тем, как играть в «жмурки», человеку завязывают глаза и раскручивают, потом бросают. Он стоит, качается и думает: а куда же лицом я стою?

Победный салют рок-музыки на Тушинском поле помог нам понять, в какую сторону мы смотрим.

А ребятам, собравшимся там, можно только позавидовать.

Михаил ЗАРАЕВ, заместитель редактора отдела публицистики «Огонька»

Массовый подписчик «Огонька» — русский или русскоязычный человек, беспартийный, средних лет, с высшим образованием, работающий в государственном учреждении или на предприятии.

Почему именно сейчас, на седьмом десятилетии существования журнала и седьмом году перестройки, мы изучаем свою аудиторию современными социологическими методами, платим деньги, и, кстати, немалые, за комплексный опрос?

Ну прежде всего эти самые современные социологические методы в прежние годы если и применялись, то в основном за рубежом. Социология в ряду общественных дисциплин у нас была подобна шалуну в строю благонравных мальчиков — вечно под подозрением.

Помню, как в середине шестидесятых спросил у одного видного специалиста в этой области, почему его коллеги защищают диссертации в основном по западной социологии, игнорируя нужды собственного общества? На что мне было отвечено не без раздражения: «Для того, чтобы опубликовать небольшое исследование социальных процессов внутри страны, нам надо метнуть несколько увесистых томов критики буржуазных форм».

Слава Богу, эти времена в прошлом. В прошлом — тихие погромы и грозные постановления, возвышение бездарей, гриф «секретно», который метил всякое правдивое социологическое исследование. Теперь у нас свои Гэллапы, которые что хочешь обследуют, в любую сферу жизни войдут со своими опросами, только закажи. Но не заказывали. Почему?

Некогда мы, журналисты, горько шутили: «У нас два хозяина: партийный аппарат и читатель. Но читатель не может уволить». Теперь хозяин один, и уволить он может в одночасье, не проголосовав своим рублем за твое издание. Это он, читатель, единственный наш кормилец, и ссылки на него, клятвы его именем, обращения к нему обрели не риторический, а экономический характер.

«Правила игры», принятые Службой изучения общественного мнения VP, возглавляемой профессором Б. А. Грушиным, оказались таковы. Опрос подписчиков проводится в четырех республиках — Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан,— дающих 91 процент подписки. Читательская, а также нечитательская аудитории (последнее крайне важно) изучались по регионам России. И в том, и в другом случае обследовались по две тысячи человек.

Сколько людей нас читает, говоря профессиональным языком, какова включенность населения России в аудиторию журнала? Это было первое, что попытались выяснить социологи. 26,6 процента от двух тысяч опрошенных взрослых россиян оказались читателями «Огонька» и 4,6 процента — подписчиками. Итак, на одного подписчика — пять читателей. Около половины из них, как показал опрос, берут журнал у знакомых, треть покупает в розницу.

Кто такой подписчик? Владелец подписной квитанции? Нет, говорит профессор Грушин,— каждый член семьи, владеющей этой квитанцией. Средняя российская семья — четыре человека. И если на Россию приходится в нынешнем году чуть больше миллиона подпис-

ВАШ ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ СТРАНЫ

ных квитанций (две трети общей подписки страны), то реальных подписчиков, стало быть, четыре миллиона. Но напомним: на каждого подписчика — пять читателей. Таким образом, «Огонек» читает, по расчетам социологов, четверть взрослого населения России.

Кто читатель «Огонька»? Подобный вопрос волнует каждую редакцию. И в каждой редакции имеется свое интуитивное ощущение читателя. Ведь невозможно писать, не имея в виду некий умозрительный образ человека, к которому ты обращаешься. Письма, выступления в разных аудиториях показывали: нас читает в большей степени городская интеллигенция либерального толка. Но что встречи, что интуиция в век точного знания и магии цифр? Подавай групповой портрет в количественных измерениях да к тому же в интерьере страны, ее политических страстей и реалий.

Начнем с подписчика как представителя наиболее активной части читающей аудитории. Попробуем заполнить его анкету, благо в заполнении анкет каждый из нас имеет богатую практику. Пол: 57 процентов — женщины. Возраст: на четверть — 40—49 лет, а если брать более широкий возрастной диапазон — от 30 до 55 лет,— то это 63 процента. Национальность: 76 процентов русских и 12 — украинцев. Образование: на 63 процента высшее. Место работы: на 67 процентов — государственные учреждение и предприятие. Представление об особой склонности к «Огоньку» кооператоров и прочих бизнесменов как к органу, защищающему их интересы, иллюзорно. Они составляют 7 процентов подписчиков, что в абсолютных цифрах, если брать Россию,— 70 тысяч человек. Представителей армии, МВД и КГБ совсем мало — 2 процента.

Не упустим и такой характерный момент, как партийность (опрос проводился в июне — июле 1991 года). 82 процента ни в каких политических партиях не состояли. 17 процентов — члены КПСС. На членство в других политических партиях и организациях указали чуть более одного процента.

Каково материальное положение нашего подписчика? У 26 процентов среднемесячный доход на члена семьи свыше 300 рублей. У 41 процента — от 200 до 300 и, стало быть, на семью (если брать российскую из четырех человек) от 800 до 1200. Правда, есть и такая категория: 30 процентов зарабатывает от 100 до 200 рублей на члена семьи. То, что эти люди отрывают от столь тощего семейного бюджета 46 руб. 80 коп. на подписку на «Огонек», дорогого стоит.

Теперь можно типизировать. Итак, перед нами русский или русскоязычный человек, беспартийный, средних лет, с высшим образованием, получающий сравнительно неплохую зарплату из казны. Что ж, вполне достойный собеседник. И к тому же весьма доброжелательный: 89 процентов опрошенных подписчиков, пользуясь пятибалльной шкалой, поставили журналу отметки «четыре» и «пять».

Но это подписчик. А читатель — представитель куда более массовой аудитории? Здесь образовательный ценз куда ниже, чем у подписчиков. Лишь 33 процента читателей — с высшим образованием. Получается, чем выше образовательный уровень, тем больше интерес к журналу. Место жительства читателя, как, впрочем, и подписчика,— город (83 процента), и к тому же у трети — крупный. На селе живет лишь каждый шестой. Стало быть, здесь — резерв расширения аудитории.

Любопытно распределение аудитории по регионам России. Больше всего нас читают в Поволжье — 41,7 процента опрошенных, затем идет Урал — 35,4, затем — Север и Северо-Запад — 25 процентов. А меньше всех в Центре и Центральном Черноземье — 15,5 и 14,3 процента. Почему? Это может послужить предметом особого исследования политических и духовных пристрастий, свойственных тем или иным районам республики, региональной специфики мировоззрения. Интереснейшее было бы обследование, на многое открывающее глаза в понимании истоков, корней народного менталитета.

Ну а пока перейдем к ментальности всей нашей читательской аудитории, к ее политическому мышлению, характер которого социологи попытались определить с предельной конкретностью, выясняя его примерно так, как в фильмах моего детства,— с помощью вопроса:

«Ты за кого, за красных или за белых?». В современных условиях это вопрос о путях выхода страны из кризиса, задаваемый как читателям, так и нечитателям «Огонька». Ответов может быть три. Первый: восстановление идеалов и ценностей социализма, сложившихся за годы советской власти, иными словами, возврат к старому социализму. Второй: построение нового социализма — гуманного, демократического, свободного от искажений и деформаций сталинизма и застоя. Третий: отказ от идей и ценностей социализма, поиск иных путей развития.

Итак, критерий политического мышления — отношение к социализму. За какой вы: за старый, новый или за капитализм? Так вот: среди всех опрошенных россиян, как читающих, так и не читающих журнал, за «красных», то есть за старый путь, высказались 18,3 процента, за социализм с «человеческим лицом» — 41,3. Против всякого социализма — 25,5. И 14,9 процента не захотели сделать выбор.

Вот он, раскол общества! Четверть россиян не приемлет никакого социализма — ни улучшенного, ни старого. У них аллергия к этому слову. Они противостоят 18 процентам своих «красных» сограждан. А между двумя этими полюсами — компромиссное большинство. Его-то выбор в ближайшие годы и определит путь страны.

А что делается в нашей аудитории? Среди читателей «Огонька» сторонников старого социализма лишь 12 процентов. Не так-то уж мало, хотя и куда меньше, чем в среднем по России. Но и приверженцев нового, «очеловеченного», социализма куда меньше — 29,2 процента. А вот противников всякого социализма среди читателей журнала куда больше, чем по России,— 38,7 процента. Таким образом, число людей, принадлежащих к аудитории журнала, возрастает по мере отрицания старых общественных форм и приближения к новым для нашего общества парадигмам.

Отношение к журналу определяется соответственно политическим мировоззрением. Среди сторонников старого социализма положительную роль «Огонька» в жизни страны отметили только 16,9 процента всех опрошенных, среди сторонников нового — уже 33,7, и среди противников — 49,3 процента.

Но у журнала достаточно определенная позиция. Он постоянно обращается к разным реалиям нашего общественного бытия, и прежде всего к рыночной экономике, ее людям — бизнесменам, фермерам, кооператорам, отстаивая, защищая их интересы. От 50 до 60 процентов подписчиков журнала заявили, что всегда согласны в этом с точкой зрения журнала, 27—28 процентов — что лишь изредка. Примерно такое же восприятие освещения «Огоньком» армейских проблем.

Отношение подписчиков к рубрикам, тематическим разделам... Тут нас подстерегала неожиданность. Больше всего нравятся материалы по дореволюционной истории страны. Что это? Поиск нравственных якорей, ностальгическое отдохновение в прошлом? Усталость от сегодняшнего дня, насквозь пропитанного политикой? Впрочем, публикации на политические темы лишь на один процент отстали от исторических. Второе место с ними делит почта «Огонька» — эти живые читательские голоса, как правило, полные боли и гнева. Среди аутсайдеров рубрикации, насчитывающей пятнадцать наименований,— детективы (да, да, представьте себе, детективы!), спорт, литературная критика и поэзия.

Важно, однако, понять, что перед нами усредненный подписчик — и профессор, и портной. Отношение к рубрикам меняется в зависимости от образования. Так, детективы более высоко оцениваются людьми с образованием ниже среднего. Если бы аудитория состояла только из них, детективы поднялись бы с одиннадцатого на седьмое-восьмое места. Более высоко поднялись бы и публикации по искусству, поэзии, будь среди подписчиков еще больше людей с высшим образованием.

Здесь проблема концептуальная: на кого ориентироваться журналу в первую очередь — на массовую аудиторию с ее приземленными вкусами или на элитарную с ее обостренным интересом к культуре. Выбор определяют не только темы, но и подход к материалу, язык, уровень мышления.

Массовость аудитории, в свою очередь, дает экономическое преуспеяние, возможность покупать более дорогую импортную бумагу, ярче, богаче оформлять полосы. Элитарность означает сравнительно небольшие тиражи и, следовательно, худшее полиграфическое исполнение издания. Извечный спор между требованиями рынка и творческими амбициями профессионалов, в высоком смысле спор между мамоной и Богом, исчезнувший в годы идеологического диктата партии, самой определявшей, кому, что и как писать и издавать, и снова возникший теперь в условиях экономической и идейной свободы.

Вернемся, однако, к нашей аудитории. Если обратиться уже не только к подписчикам, но и к читателям вообще, то у них самые высшие места на шкале популярности занимают статьи о современности, художественные иллюстрации и материалы по истории страны. Но и здесь разделение: одним подавай в первую очередь ответы на жгучие вопросы бытия, другим — картинки.

Характерно, что и в предложениях по улучшению оформления журнала подавляющая часть советов — увеличить число цветных репродукций произведений классического искусства. Что ж, вкус традиционный — «сделайте нам красиво». Этот запрос четко выполнялся старым «Огоньком» софроновских времен с его благостными пасторальными иллюстрациями. Говорят, одна такая огоньковская картинка висела в спальне Сталина перед его смертью.

Между прочим, социологическое обследование дало ответ и на вопрос о том, насколько обновилась аудитория журнала в сравнении с доперестроечными временами. Лишь 22 процента опрошенных подписчиков выписывали «Огонек» до 1986 года. Новая аудитория журнала весьма активна в восприятии печатного слова. 58 процентов подписчиков заявили, что они читают или просматривают практически все, еще 38 процентов — многие материалы журнала. Мало того, социологи решили выяснить, идет ли обмен полученной информацией. На вопрос: «Как часто в вашей семье обсуждаются прочитанные материалы?» — 28 процентов подписчиков ответили: «практически всегда», 32 — «часто» и 34 — «иногда». Право же, на такую аудиторию стоит работать. У половины подписчиков своего рода семейные клубы.

Политическая направленность этих клубов очевидна. Предметом обсуждения служат не только материалы «Огонька». На вопрос: «Какие газеты и журналы вы выписываете в этом году?» — 67 процентов наших опрошенных подписчиков ответили «Аргументы и факты», 55 — «Комсомольскую правду», 34 — «Известия» и 23 — «Московские новости». Лидерство среди журналов разделили два очень разных издания — «Работница» (27 процентов) и «Новый мир» (25 процентов).

Думается, что можно говорить о довольно высоком уровне политизированности основной и наиболее активной части нашей аудитории — подписчиков. Но даже и среди более массовой и не столь определенно проявляющей свои вкусы читательской среды главной чертой имиджа журнала оказывается включенность его в политику. В массе своей серьезный читатель видит «Огонек» журналом общественно-политическим. И детектив, и спортивные публикации он готов поискать на страницах других изданий. Не случайно основной читательский заказ, главное пожелание — улучшение жанра публицистики. Постараемся выполнить его.

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

По таким понятиям, как суверенитет, рынок, приватизация, идет такая спекуляция на чувствах народа, такое оболванивание общественного мнения, что без решительного прояснения миллионов голов мы не сдвинемся в экономике ни на шаг.

Н. ДЕМЬЯНЕНКО
Михайлов

Лично я обвиняю КПСС еще и в том, что не смог «состояться», реализовать свои знания, ибо препятствием к продвижению по службе как в армии, так и на гражданке была моя беспартийность; вступать же в партию для меня было равносильно предательству по отношению к близким мне людям, необоснованно репрессированным советской властью.

А. ПАНАФИДИН
Москва

Очень рад, что в нашей стране появляются люди, подобные Г. Стерлигову. Таких людей систематически уничтожали, а их талант объявляли преступным. Но оказалось, что без них, «кровопийц», жить невозможно, что без них экономика дошла «до ручки».

В. МАЛИННИКОВ
Москва

Наверно, будущие просвещенные жители в выборе имен для городской топонимики станут следовать не идеологиям, а общечеловеческой морали и уважению к родной истории. Возможно, вообще пройдет увлечение персоналиями и возобладает естественная топонимика: природа, экономика, эстетика. Угрюмость и помпезность уступят место жизнерадостности, юмору. В Париже есть переулок Кота-рыболова. Будет ли в Москве переулок Кота Леопольда?

Г. КУЗНЕЦОВ
Альметьевск

■

Государственный переворот в стране провалился. Настало время воздать по заслугам действующим лицам этой исторической драмы. Что касается победителей, то главная награда им — сама победа. А вот путчистов следует примерно наказать. Но при этом победителям не должно изменить великодушие. Предлагаю самозваных руководителей чрезвычайного комитета поселить где-нибудь в российской глубинке (можно даже по их выбору) и дать все нормальные блага: максимальную пенсию (132 руб.), талоны на крупу, водку, сахар и так далее. А чтобы не лишать их привычных привилегий, еще по шесть соток земли под сад и огород (можно и по 15, как они предлагали в своем постановлении № 1). Перевоспитание гарантирую. Заодно лет через пять интересно будет узнать, у кого из них сохранится приверженность социалистическому выбору и вера в коммунистическую перспективу.

И. ШИЛО
Минск

■

С большим уважением я относился к С. Н. Федорову, генеральному директору МНТК «Микрохирургия глаза». Блестящий организатор, волевой, энергичный человек, создавший в короткий срок, буквально на пустом месте, десятки глазных институтов, спасший и спасающий от слепоты десятки, сотни тысяч людей. Как можно не преклоняться перед таким человеком?!

И вот передо мной «Огонек» № 37 со статьей С. Н. Федорова «Прозрение». Гениальный хирург, давший прозрение миллионам людей, сам ослеп. Он не видит ничего хорошего в стране, которая его создала, помогла осуществить задуманное. Он видит только, что «создана действительно империя зла, и в качестве ее главного идола везде поставлен, повешен, нарисован, вычеканен, вылеплен Ленин». «До боли в сердце стала видна убогость и жестокость созданной нами под прессингом, диктатом и нажимом КПСС системы».

Я член партии с 1940 года. Вся моя многолетняя трудовая жизнь (я инженер-строитель) прошла под «прессингом, диктатом и нажимом КПСС», которого я никогда не ощущал. Партия и мои товарищи — коммунисты помогали мне работать, успешно возводить сложные сооружения, обогащавшие и укреплявшие нашу Родину. В партии было 16 миллионов человек. Пусть 6 миллионов из них проходимцы, взяточники, преступники. А остальные 10 миллионов?

Да, в истории партии немало плохого, не буду приводить примеры, но очень много, гораздо больше хорошего: наше государство не «империя зла», а могучая держава, прошедшая за короткий промежуток времени грандиозный путь развития.

Что, Федоров этого не знает? Какое же право он имеет говорить, что наши мозги были затуманены «при помощи геббельсовского типа пропаганды, которая начиналась с детского сада и преследовала нас до смерти». Эта пропаганда, основанная на учении Ленина, сделала нас людьми.

Недавно известный режиссер Марк Захаров публично, перед телекамерой, на весь мир, сжег свой партбилет. Что это за поступок? Не хочешь быть в партии — выходи из нее, но зачем такая демонстрация?

Нет нужды доказывать величие Ленина, говорить о его заслугах в создании не «империи зла», а нашего великого государства.

Л. АРСЕНЬЕВ,
пенсионер
Москва

■

Получив очередной номер «Огонька», читаю и с радостью узнаю, что, подписавшись на этот журнал на 1992 год, имею право выписать одно из приложений к нему. Однако существует лимит. Поэтому срочно бегу в «Союзпечать», рассуждая, как, наверное, всякий читатель: надо поскорее, лимит, видимо, небольшой, и меня опередят другие поклонники «Огонька». Но в городском отделении «Союзпечати» мой пыл быстро охладили.

Оказывается, в нашем городе, как и в прежние годы, подпишутся на приложение не те люди, которые читают и любят журнал, а все тот же определенный круг людей, элита. Наверное, многим из них «Огонек» — как кость в горле, а приложением не брезгуют.

На мой вопрос, а каков лимит, конечно, ответа не было. А вот по вопросу, кто же будет подписчиком приложения, кое-что мне разъяснили: все работники «Союзпечати» (кроме киоскеров: не того полета птицы), общественные распространители печати, ветераны войны, городские и школьные библиотеки.

О властях города не говорилось, но я думаю, что без их участия не обошлось. Кто-то же отдал такое распоряжение, устраивающее подобную раскладку. В общем, пирог уже разделен и без моего участия.

Н. СИТЯЕВА
Артем
Приморского края

■

На столе документы. Их много, целая гора. Эту гору за восемь лет родила наша родная советская система круговой поруки в Вооруженных Силах СССР. Суть дела проста: в 1984 году капитан Иван Корнев помешал своему командиру и замполиту злоупотреблять служебным положением и заниматься личным обогащением. Мелкий «бартер» — повестки военкомата менялись на чеки Внешторга... Нежелание лично участвовать в мухлеже стоило офицеру увольнения со службы за два года до заслуженной, хоть и нищенской капитанской пенсии.

Офицер не сдал удостоверение личности и семь (!) лет упорно пытался найти справедливость у вышестоящих «защитников Отечества». Писал капитан маршалу Соколову, был на приеме у маршала Язова... Сейчас обращается к маршалу Шапошникову. Результат пока нулевой — никто не берет на себя смелость создать прецедент восстановления справедливости в Вооруженных Силах...

Необходимо обеспечить защиту порядочных военнослужащих от чиновничьего произвола вышестоящих. Обеспечить собственную правозащиту могут и должны сами военнослужащие.

Речь идет о законодательном разрешении военнослужащим создать и принимать участие в работе не зависимого от государственных органов собственного профессионального союза. Работающая на контрактной основе по поручениям такого союза независимая военная адвокатура, имеющая полномочия отменять незаконные кадровые и другие, касающиеся подчиненных приказы единоначальников, станет реальной преградой для самодурства последних. При союзе военнослужащих есть смысл создать также специальный фонд, который будет иметь функцию «защиты от дурака»: ссуда, которую в таком фонде сможет взять любой военнослужащий, считающий свое увольнение из кадров незаконным, и которая будет возвращена в фонд после решения вопроса в адвокатуре, материально поддержит незаконно уволенного до восстановления справедливости, и не за счет государства.

Пока же остается констатировать, что, несмотря на все события последних месяцев, никто не приступил к реализации на деле положений Всеобщей декларации прав человека для военнослужащих.

Е. МИНИН,
редактор, майор запаса
Одинцово

■

Кто бы ни был у власти, все нас призывают сохранять спокойствие, трудовую дисциплину и так далее. Мои родители — простые рабочие, я — служащая, муж — инженер, двое детей. Наши родители жили очень честно. Кто-кто, а вот они всю свою жизнь соблюдали трудовую дисциплину. Ну и что в итоге? С трудом тянули до дня зарплаты. Короче говоря, мы — типичная советская нищета. Вроде есть все, но любая новая покупка обдумывается 100 раз и, бывает, откладывается. И одежду с мужем носим лет по 10. А сейчас вообще деньги стараемся тратить только на еду. В гости ходим все реже. В магазинах продукты в дефиците, а если что продают, то такая очередь! Я, как назло, в этом году переболела анемией. Нужны витамины, усиленное питание. Смешно! Где все это купить? На рынке? Но там такие цены... И я не верю, что будет лучше. Не верю!

Мой отец умер в 66 лет. Кроме мозолей, грыжи и 300 руб. на книжке, ничего не заработал. Был он плотником, и я помню, каким уставшим он приходил всегда с работы. А пенсии заработал всего 110 руб. и никаких льгот.

Мне больно и обидно за родителей, за себя, за моих детей. Почему все время мы концы с концами не сводим? Почему нам не дают зарабатывать нормально, как в других странах? А наше правительство все за портфели дерется. И все убеждает: что ни делается — только на благо народа. А блага-то не было, нет и не будет...

Смогу ли я воспитать своих детей честными, справедливыми, если вокруг столько лжи?

Н. КОЛЕСНИКОВА
Киев

■

Сейчас, через 6 лет перестройки, угрожающее состояние школьного образования сменилось каким-то тоскливо-забавным. Одна моя коллега, славящаяся как очень жесткий учитель, умеющий самых «трудных» детей сделать... нет, не вежливыми, не добрыми, но управляемыми, была в шоке, когда ее класс за полгода до выпуска... перестал ее бояться! Они

на уроке могли обложить матом любого учителя, не делать вообще ничего, плеваться, драться... Почему? «А в ПТУ нас всех берут с любыми оценками, а двойку вы нам все равно не поставите, Марьванна нас на второй год не оставит». И в школе вместо страха поселился... страх. Только теперь учителя и администрация боялись здоровенных хамов и мечтали скорее от них избавиться. А в жизнь ушли наши дети, познавшие два мерзких чувства: свой страх перед чужими и чужой страх перед собой.

В свое время мне рассказывали, что многие учителя московских школ не могут уверенно решать задачи из стандартного школьного задачника. Я не поверил, но когда я начал работать в школе, у меня был коллега, который детские контрольные проверял, сверяясь с ответом в задачнике, а на вопрос «Где ошибка?» говорил: «Ответ неверный, ошибку ищи сам, а если ты дурак, уходи с урока».

Те, кто сейчас кончает школу, воспринимают все бурные события последних лет не так, как их отцы, привыкшие «колебаться вместе с генеральной линией». Шестнадцатилетним невыносимо трудно поступаться принципами, какие бы они ни были. И вот результат: даже в одной из лучших математических школ страны, где я работаю, трудно убедить ребят в необходимости учебы. Математика, физика? Да, это здорово, они выигрывают всесоюзные олимпиады, но это для них... хобби. Они поступают на мехмат, «потому что так полагается», но на вопрос «Кем ты хочешь стать?» обычно отвечают: «Не знаю, но если получится, уеду в Америку» — или в лучшем случае: «Пойду в кооператив программистом».

Наше будущее — это дети. Когда же мы, взрослые, по-настоящему задумаемся об этом?

Б. КОРСУНСКИЙ,
учитель
Москва

■

Меня потрясла заметка «Почему умирают дети» в № 27 «Огонька». Только, я думаю, те, от кого зависит принять ваше предложение о способе спасти 70% детей из 3 тысяч, заболевающих в год раком крови, не обратят внимания на нее: их дети всем обеспечены, а о чужих детях они не умеют думать. Еще меня смутило то, что вы ищете выход в увеличении торговли оружием — это ведь торговля смертью.

У меня другое предложение. На первом Съезде народных депутатов СССР руководитель Детского фонда сказал, что в год у нас от рака умирает 6 тысяч детей. Ведь всех остальных, которые умирают от других видов рака, а не от рака крови, вам тоже жалко?.. Раз уж не умеем лечить, то надо предупреждать рак, не вызывать его. А для этого следует хорошо знать причины рака. Их много, но самая главная — автомобиль. Его выхлопная труба непрерывно выбрасывает в воздух бензопирен (сильнейший канцероген), а асбестовые тормозные колодки выбрасывают в воздух мельчайшие волокна асбеста, который также может вызывать рак всех органов и у всех людей. И асфальт — канцероген, хоть и слабый. Об этом не пишут, многие мечтают обзавестись автомобилем. Нужна антиавтомобильная пропаганда. Сейчас можно пробиться в печать (напечатали же «Почему умирают дети»), можно вести устную пропаганду, можно вступить в противораковое общество (о его организации писали недавно в «Огоньке»).

Конечно, это не скорый путь, но пока единственно надежный.

Н. КУЛЕШОВА,
кандидат химических наук
Москва

■

«МОГУ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ СССР...»

Я не могу согласиться с позицией Германа Стерлигова, беседа с которым была опубликована в 23-м номере журнала «Огонек». Беда в том, что этот двадцатичетырехлетний миллионер не имеет понятия и не желает знать, как производятся материальные блага, и заявляет, что биржевики «Алисы» «... сами ничего не покупают и не продают, а лишь организовывают этот процесс». На вопрос корреспондента, что такое биржа, этот деятель отвечает: «...честно говоря, я и сам толком этого пока не знаю». Но зато он уверен, что умение спекулировать — это божий дар. Делать деньги из ничего — вот что восхищает миллионера и тех, кто хочет стать богатым, ничего не дав обществу. А кто же будет производить блага, кормить подобных Стерлиговых? Дебилы?

Стерлигов с уверенностью заявляет, «что общество у нас на редкость дебильное», с презрением говорит о тех, кто живет бедно, и с гордостью — об узаконенной спекуляции. Действительно, у нас в стране произошла переоценка ценностей.

Л. МАЗУРКЕВИЧ
Житомир

■

Я один из тех, кто был репрессирован по статье 58, почти полностью отбыл свой десятилетний срок и был реабилитирован в 1962 году.

Я сознательно опускаю вопрос судьбы уцелевших жертв, поскольку знаю, что наша нищая страна не в силах компенсировать ущерб, нанесенный им, более того, лично мне не нужна никакая денежная компенсация, и я счел бы унизительным для себя попытку соразмерить с деньгами те утраты, которые понес за годы заключения.

23 апреля 1989 года я перечислил в Фонд строительства мемориала одну тысячу рублей. Эта сумма для меня значительна. Дело, однако, не в этом. Прошло уже более двух лет, а я до сих пор не могу добиться ответа на вопрос: дошло ли мое пожертвование до адресата? К сожалению, сомневаться в этом в наше время оснований более чем достаточно. Было бы крайне обидно, если деньги осели где-нибудь в недрах бездонного кармана теневой системы.

Наконец получил из Москвы ответ представителя общества «Мемориал» В. Когана-Ясного, в котором, по сути, не сообщалось, получены ли мои деньги. Меня заверяют, что «никакое «побочное» их использование невозможно и морально недопустимо».

Не проще ли было сообщить номер счета? Из этого же письма я узнал, что ведется пока только проектная работа по созданию мемориала. Горько, но, по всей видимости, никому из нас, бывших политкаторжан, не удастся дожить до открытия памятника нашим товарищам.

Ладно, нам к горечи не привыкать. Это реалии нашей действительности. Я вижу большую беду в том, что как-то незаметно и тихо скончался всеобщий пафос первых лет гласности о ГУЛАГе. Я понимаю, что его заслонили события, может быть, более важные для страны. Пусть так, но можно ведь хотя бы периодически сообщать в печати о том, что делается в «Мемориале», если делается вообще? Неужели и ему уготована судьба скоротечных кампаний, которыми так богата наша советская традиция?

П. ГЕЙВАНДОВ
Душанбе

■

Как вы думаете, сколько километров от Курского вокзала в Москве до платформы 118-й км по той же Курской железной дороге? Правильно... 118 километров. Но так было до 2 апреля 1991 года. Теперь, увы, это не так. У нас на 118-м км садовый участок уже много лет. И всегда платформа 118-й км находилась в одиннадцатой зоне пригородного сообщения. Платили мы в старое застойное время за билет выходного дня 6 рублей 30 копеек. Стоимость проезда со 2 апреля этого года значительно повысилась. Плохо это, но мы смирились. Опять же Президент удорожание компенсировал шестьюдесятью рублями.

Но каково же было мое удивление, когда я в критической ситуации (от контролера в поезде) узнал, что платформа 118-й км сейчас находится не в одиннадцатой, а в тринадцатой зоне! И что я, оказывается, еду без билета! В чем дело? Неправильно были врыты столбы километровые при строительстве дороги? Нет, столбы не переносились. А билет выходного дня в результате комбинации с зонами стал стоить 12 рублей 50 копеек. Так и хочется закричать: «Караул! Грабят!»

Ведь завтра чиновнику из МПС и тринадцатой зоны покажется мало и повелит он считать ее двадцать третьей, к примеру.

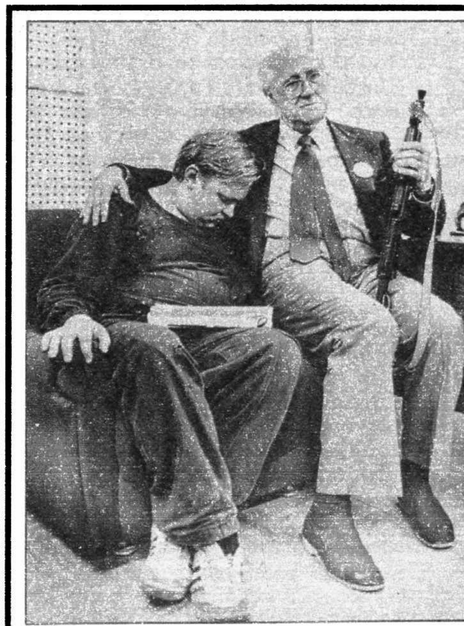
В. САВИЦКИЙ
Москва

■

В киевском отделении Внешэкономбанка на моем счету лежат индийские рупии, заработанные в период командировки, на которые я думал купить что-нибудь из импортного дефицита. Но не тут-то было: за индийские рупии нельзя приобрести даже банку импортного кофе, так как эта валюта не является свободно конвертируемой.

В то же время индийская фирма «Феникс», имеющая отделение в нашем городе, готова продать за эту валюту индийскую и японскую аппаратуру, бытовую технику и многое другое. Однако снять деньги со своего валютного счета я не могу, не имея визы о въезде в Индию. Мне непонятно, что за счета открывает Внешэкономбанк для советских специалистов, работающих за рубежом, если с них при необходимости нельзя снять деньги? Что это за финансовая политика государства, «позволяющая» своим гражданам купить за валюту, хотя и не свободно конвертируемую, только отечественные товары?

П. ТЮРИН
Киев

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Лучшей публикацией в сентябре этого года признана фотография Юрия Феклистова, сделанная в тревожные дни августа во время обороны «Белого дома» (№ 36).

Мы поздравляем Юрия Феклистова с присуждением ему премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ.

ПРОШУ СЛОВА!

ПРОЩАНИЕ С «ПРАВДОЙ»

ИСПОВЕДЬ ПОДПИСЧИКА

Владимир ВОЛИН, журналист, ветеран войны и труда, член КПСС с 1944 года

Эта статья была написана в июле, за несколько недель до военно-партийного переворота. Еще не было трехдневного запрета на демократические и нейтральные издания и милостивого разрешения на выпуск девяти послушных газет во главе с «Правдой». Еще не прозвучали на митинге перед «Белым домом» слова Бориса Ельцина о необходимости национализации «Правды» и «Советской России». Еще не было заявления редакции «Правды» о беспринципной позиции газеты в дни путча и о решении превратить издание в общепартийную политическую газету... И если я все же решил предложить «Огоньку» эту статью, то лишь потому, что все происшедшее в августе укрепило автора в его мнении, и я не стал ничего в ней менять. Во-первых, никогда не вредно оглянуться назад. А во-вторых... но об этом — в конце.

Итак, решено: с 1992 года я выбываю из стройных рядов подписчиков газеты «Правда», в коих состоял свыше полувека (с естественным перерывом на войну). Пять десятков лет я привык каждое утро вынимать из почтового ящика газету — орган Центрального Комитета партии, в которой состою также без малого полвека.

Отлично понимаю, что в наше бурное и непредсказуемое время мое решение не будет иметь судьбоносного характера. Как говорил чеховский доктор Чебутыкин, «одним бароном больше, одним меньше,— не все ли равно?».

Взялся же я за эти «сердца горестные заметы» в надежде, что, может быть, заставлю уважаемых правдистов кое о чем задуматься (пусть не покажется это нескромным).

Умолчу о тех годах, когда ложь была нормальной практикой всей нашей печати, когда подличали все, когда врали о космополитах и врачах-убийцах, о Сахарове и диссидентах, о Солженицыне и Пастернаке. Здесь «Правда» была лишь флагманом в океане дезинформации, «первым учеником» (по Евг. Шварцу). «Время было такое...»

Но вот в последние годы, когда вроде бы подличать было уже не обязательно, одна за другой стали появляться в «Правде» публикации, ложившиеся горькими зазубринами на сердце убежденного подписчика.

Началось это, наверное, со статьи дирижера Альгирдаса Жюрайтиса о зарубежной постановке оперы Чайковского «Пиковая дама». Грубо и недостойно автор обрушивался на художников с мировым именем — режиссера Юрия Любимова, дирижера Геннадия Рождественского и композитора Альфреда Шнитке. Последнего он, не стесняясь, назвал «композиторишка». Жюрайтис назвал. А «Правда» — напечатала! И это о человеке, чье имя стало гордостью советской культуры, кто давно уже во всем мире признан гением современной музыки!

За этим огорчением последовали другие. Три писателя — Юрий Бондарев, Василий Белов и Валентин Распутин — в лучших традициях 1946—1948 годов излили в «Правде» свой гнев на рок-музыку и ее исполнителей. И невдомек было авторам, что рок-музыка (как и всякая другая) — это объективная художественная реальность, существующая в мире не один десяток лет и давшая десятки прославленных имен. И что призывать громы и молнии на головы рок-музыкантов — значит повторять зады Жданова и его приспешников.

Невдомек было авторам этой правдинской публикации, что запрещать рок-музыку — это все равно, что запрещать стихи, написанные одним определенным размером, скажем, дактилем или амфибрахием. К тому же я глубоко убежден, что трое авторов не отличают, скажем, «Пинк флойд» от «Битлз», поп-музыку или кантри — от классического джаза, а наших Юрия Шевчука, Игоря Сукачева или Бориса Гребенщикова валят в одну кучу с халтурными исполнителями бессмысленных текстов.

А потом было еще одно письмо в «Правду» — о журнале «Огонек», за подписями М. Алексеева, В. Астафьева, В. Белова, С. Бондарчука, С. Викулова, П. Проскурина и В. Распутина, ставшее известным как «письмо семерых» (к чести В. Астафьева и к радости поклонников его таланта, он впоследствии «выпал» из этой сакраментальной обоймы, чем вызвал гнев «патриотов»). В былые годы подобная публикация в ведущей партийной газете стала бы поводом для разгона «Огонька», как это было раньше с журналами «Звезда» и «Ленинград», а потом — с редакцией «Нового мира». «Беспрецедентное извращение истории», «ревизуются социальные достижения народа», «в русле оплевывания наших духовных ценностей» — знакомый набор ярлыков, типичный язык политических доносов. Зачем надо было «Правде» печатать эту явно несправедливую кляузу «семерых разгневанных мужчин»?

Осенью прошлого года в пылу борьбы с «митинговщиной» и руководством Моссовета «Правда» поместила ставшие печально знаменитыми «картофельные» опусы тассовца Петруни (об уровне объективности материалов ТАСС говорить не приходится). Публикации сразу же стали посмешищем в журналистских кругах. И неизвестно, кто кому оказал медвежью услугу — автор ли газете, посадив ее снова в лужу, или редакция автору, поневоле сделав его фамилию нарицательной. Если раньше, лет этак двадцать назад, в московских редакциях можно было услышать из уст репортера циничный жаргонизм: «взбодрил позитивчик»,— то теперь стали говорить: «Выдал крутую петруню, строк на двести...»

Но особенно позорной была публикация о Моссовете, где со слов мифической уборщицы говорилось о найденных в помещении... использованных презервативах. Конечно, в борьбе все средства хороши, но не до такой же степени! Как могла центральная газета опуститься до такого уровня — до сих пор не пойму. Не лучшей была и публикация под заголовком «Сопротивление... у писсуара» с ярко выраженной антиельцинской направленностью. Здесь закрытие платного общественного туалета ненавязчиво связывалось с предвыборной борьбой претендента: авось да прилипнет грязь. Естественно, что все эти презервативно-туалетные публикации оставляли новые зазубрины на сердце подписчика, ибо что, кроме чувства нормальной брезгливости, могли вызвать подобные материалы?

Никогда раньше не замечала «Правда» тележурналиста Александра Невзорова. Это и понятно: его резкие, порой на грани фола, высказывания о партийной номенклатуре были газете не по вкусу. Но стоило ему в январских передачах «600 секунд» дать свои одиозные репортажи из Литвы, признанные профессионалами-кинематографистами грубой инсценировкой, видной невооруженным глазом, как тут же «Правда» печатает панегирик на целую колонку под барабанным заголовком «Правда из-под пуль» с восторженными комплиментами: «Речь идет о блестящем профессионале и бесстрашном человеке — телекомментаторе ленинградской программы «600 секунд» Александре Невзорове. Снова он полез в самое пекло, чтобы исполнить свой долг — дать нам всем объективную информацию...» Ах, если бы так! Все простили «блудному сыну эфира»: и бескомпромиссную критику партии и строя («жалкая, жестокая и бездарная власть»), и лихие разоблачения «из жизни шишек» (сделанные, кстати, по-журналистски талантливо и правдиво).

Не хочется говорить о напечатанных в «Правде» статьях историка Роя Медведева, посвященных трехтомнику «Архипелаг ГУЛАГ». Не ему бы, чей облик с такой полнотой высветился перед всей страной благодаря передачам ЦТ со съездов и сессий,— не ему бы писать о Солженицыне. Как и не ему бы «защищать» Сахарова от демократов (в «Советской России»), о чем, впрочем, уже убедительно сказала Елена Боннэр в «Демократической России».

О самой позорной публикации последних лет — перепечатке «Правдой» статьи о Ельцине из итальянской газеты «Репубблика» — сказано и написано уже так много, что не буду повторяться. Газета оказалась на этот раз не просто в луже, а прямо-таки в непролазном болоте, далеко не благоухающем.

Надо признать, что после этого грандиозного конфуза самые оголтелые фальшивки «Правда» все же перестала печатать, передоверив их своей «младшей сестренке» — «Советской России». Бредовый материал о связях Ельцина с итальянской мафией был опубликован накануне выборов именно там. А шустро-развязный молодой сотрудник «Совроссии» на встрече журналистов с кандидатом в Президенты по РТ с восторгом первооткрывателя пытался уличить Бориса Николаевича, всучивая ему экземпляр своей газеты, в то время как улыбавшаяся представительница «Правды» выглядела вполне респектабельно.

И ведь даже не извинились! Впрочем, у лжецов это в порядке вещей. Ведь, по существу, не извинилась перед Ельциным и «Правда»: по закону, опровержение должно печататься на том же месте и тем же шрифтом, между тем лживая статья начиналась на первой (!) полосе так называемым «свистком», а опровержение (если его можно так назвать) — где-то в конце газеты, еле видно (за такие уловки, кстати сказать, наша пропаганда десятки лет клеймила американскую прессу). Было стыдно за коллег по журналистскому цеху.

Особенно развернулись правдисты в дни предвыборной президентской кампании. Словно бы по команде (а скорее всего именно так), один за другим стали появляться материалы с попыткой любым способом опорочить одного кандидата из шести — Бориса Ельцина. И такой он, и сякой, и рейтинг-де у него снижается (а у Рыжкова, естественно, поднимается), и с рабочими он не встретился, и на телеграмму не ответил, и Свердловск вроде бы собираются переименовать не то в Ельцинград, не то в Ельцинбург... Одни заголовки чего стоят: «Час «икс» Бориса Ельцина», «Я не верю вам, Борис Николаевич»...

Но вот Ельцин заболел гриппом. Казалось бы, это не повод для крикливой публикации. Но «Правда» и тут оперативно печатает развернутый материал с издевательским заголовком «Гриппуем помаленьку...», написанный ернически, с дешевым фиглярством: «Грипп миновал! Борис Николаевич выздоровел! Просим метранпажа набрать это сообщение крупными буквами. Дай бог ему и дальше. Тем более выяснилось, что он крещеный». И дальше: «И гово-

рил он зажигательно. Правда, под конец так зажегся, что стало ясно: вот он, грипп-то, и показал себя, температурка-то не спала еще, выходит... Нет, жалко все-таки, что Борис Николаевич совершенно не бережет себя, не может отлежаться, чтобы уж окончательно выздороветь...»

Как человек, несколько десятков лет профессионально работающий в жанре сатиры и юмора, могу утверждать: на таком убогом, примитивном уровне не острили даже дореволюционные провинциальные конферансье!

И вот концовка этого поразительного по бестактности и бездарности материала: «Тем более, что сам Борис Николаевич, хотя и гриппует помаленьку, но полон сил и еще многое для России натворить способен. Особенно, если Президентом ее станет».

Можно как угодно относиться к Ельцину, можно любить его или не любить, можно даже ненавидеть, но элементарные человеческие приличия все-таки надо соблюдать! А если бы демократическая печать таким же манером изгалялась по поводу рыжковского инфаркта (от которого он удивительно быстро оправился, тут же с ходу включившись в предвыборную борьбу,— говорю со знанием дела, как инфарктник)? Что сказала бы тогда «Правда»? Но в приличных изданиях такого себе не позволяют.

Буквально накануне выборов Президента России (специально для пущей, хоть и косвенной, дискредитации Ельцина) «Правда» поместила «интервью по просьбе читателей» с пресловутой С. П. Горячевой, под пугающим заголовком «С такими «демократами» жить страшно». Каких только ужасов тут нет! И «психологический прессинг», и «подонки, способные угрожать жизни ребенка из-за инакомыслия матери»...

Но вот по Российскому телевидению показан фильм-расследование «Звезда и падение Светланы Горячевой», и выяснилось — причем строго документально, с зафиксированными на пленке разговорами,— что ни дома, ни в школе, ни на улице, ни в милиции слыхом не слыхивали о каких-либо преследованиях членов семьи Горячевой. Все оказалось очередной «петруней». Может быть, газета после этого дала поправку, призналась в своей ошибке? Как бы не так!

Но подлинным апофеозом правдиской предвыборной кампании стал неподражаемый шедевр «Предсказуем в непредсказуемости», напечатанный за два дня до выборов. По вымученному наукообразию, средневековой схоластике и — да простят мне авторы, но ведь сами подставились — по откровенной глупости эта статья не имела себе равных за все последние годы. Трое ученых — профессора и доктора наук, два философа и историк (не напоминаю их фамилий, дабы лишний раз не позорить) — скрупулезно изучили книгу и 71 (!) выступление Б. Н. Ельцина, подсчитали, какие слова и выражения сколько раз он повторяет, и на этом бетонном основании сделали сногсшибательные выводы.

Представляю, как потешались не утратившие чувства юмора студенты МГУ и ЛГУ и сотрудники Института социально-политических исследований АН СССР, читая перлы своих преподавателей и коллег: «Анализ смысловых единиц, характеризующих **потребности и мотивы** деятельности автора проанализированных текстов, показал, что главной характеристикой его личности является гипертрофированная потребность Бориса Николаевича во власти — только в книге связанные с нею смысловые единицы в положительной увязке с поведением автора встречаются несколько сот раз (397 — триста девяносто семь)». И ведь не лень было подсчитывать! А чего стоит такое научное открытие: **«Язык выступлений и стиль общения** Бориса Николаевича отличают весьма однообразный словарный запас, тяжеловесность выражений и даже определенное косноязычие, злоупотребление связками «значит», «ну», «я считаю», любовь к жаргону». И еще: «преобладание эмоциональной сферы над рациональной, чувств — над логикой (женский характер)».

Поневоле вспоминаются ученые мужи из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта, один из которых разрабатывал проект извлечения солнечных лучей из огурцов, другой проектировал способ постройки домов начиная с крыши и кончая фундаментом, а третий сочинял книги, переставляя рычажки с буквами в ожидании, что́ из этого получится... Как же эти доктора наук и профессора учат студентов, как они сочиняли свои диссертации? Несчастные студенты, бедная наша наука...

А что было бы, если бы эта тройка ученых приложила свои методы к выступлениям других наших политических деятелей? Особенно по части словарного запаса и «определенного косноязычия», со всякими там «канистуциями» и «Азейбаржаном»... А разве мало материала для «анализа смысловых единиц» дают транслируемые на всю страну со съездов и сессий полуграмотные речи и реплики иных законодателей, элементарно не владеющих родным языком? Однако и «союзники», и партноменклатурщики, и никем не избиравшиеся депутаты от общественных организаций — все это для «Правды» священные коровы.

Но вот, несмотря на все старания, на ложь, поклепы и фальшивки, народ выбрал Бориса Ельцина, выбрал, невзирая на «смысловые единицы» и «женский характер», потому что руководствовался другими критериями и разобрался в своем лидере без подсказок журналистов из «Правды» и «Совроссии». Любимец правдистов Н. И. Рыжков, которому посвящались и целая полоса «Зарубки на сердце» с гигантским семейным снимком, и большая статья «Третий путь» Николая Рыжкова», тоже со снимком и с обязательным упоминанием о его порядочности и чистоплотности, потерпел сокрушительное поражение. Что же, поздравила «Правда» победителя, сохранила лицо, проявила благородство?

Вместо этого — заметки публициста «Выбрали... Что дальше?». И в первых же строках: «Кампания прошла столь стремительно, что надо отдать должное ее проработчикам: цель достигнута, Б. Ельцин — лидер». (А почему не Президент?) И дальше — сплошные намеки, сомнения, «варварские способы агитации», «что там нас ожидает дальше» и т. п. И поздравить-то по-человечески духу не хватило...

Но ложь не обязательно проявляется посредством печатного слова. Умолчание — это ведь тоже одна из форм лжи. А ведь у «Правды» была прекрасная возможность показать свою правдивость и принципиальность, что подняло бы ее заметно пошатнувшийся авторитет у читателей. 6 июля пятая сессия Верховного Совета СССР впервые обсудила доклад парламентской комиссии по вопросам привилегий и льгот. «Известия» и «Куранты», «Московский комсомолец» и «Российская газета», многие другие подробно, с фамилиями и фактами, рассказали о нечистоплотном хапужничестве в высших эшелонах, военных и гражданских. И прямо назвали это явление преступным. Советские люди, замордованные недостойным человека бытом, вечной нищетой и жизнью впроголодь, узнали из газет о чудовищных фактах присвоения по дешевке сильными мира сего государственных дач, мебельных гарнитуров, холодильников, импортной утвари...

Из газет — но только не из «Правды»! Здесь дали краткий, приглаженный отчет с нейтральным заголовком «Дебаты о привилегиях» (оказывается, не разоблачения, а всего лишь дебаты — еще неизвестно, кто прав, кто не прав) — без единого конкретного факта, без единой фамилии генералов и маршалов, зато с желанием опорочить работу комиссии: «поспешные оценки», «нагнетавшиеся страсти», «вскрытые нарушения нарочно муссируются» и, конечно (как же без этого!),— «определенная политическая линия, попытки любыми средствами дискредитировать в глазах общественности новое руководство».

А кто же тот добрый дядя, позволивший разбазаривать государственное жилье и имущество? Да, это он, бывший Предсовмина СССР, персональный пенсионер и несостоявшийся Президент России. Именно он, любимец «Правды» Н. И. Рыжков, подписал распоряжение, благодаря которому и стала возможной эта воровская вакханалия. Тот самый, о чьей чистоплотности, сердечности и порядочности так взахлеб писала «Правда».

Не скажу, что прекращаю подписку с легким сердцем. Как-никак привычка свыше нам дана — полвека получать по утрам газету, которую всегда считал своей, и вдруг перестать. Утренний завтрак перед уходом на работу без «Правды» — это не так просто, особенно по понедельникам, когда другие газеты не выходят. К тому же и хороших материалов в «Правде» немало — дорогого стоят, например, недавняя пронзительная статья Юрия Нагибина о гибели нашей культуры и нравственности, раздумья Виктора Астафьева и др.

А вообще говоря, еще не вечер. Идут ведь, хоть и со скрипом, демократические преобразования в стране, в обществе, в прессе. Почему бы не быть им и в редакции «Правды»? И когда название газеты будет соответствовать содержанию публикаций, когда исчезнут с ее страниц фальшивки, недостойные приемы желтой прессы, тогда я, наверное, снова стану ее подписчиком. «Если буду жив», как любил писать Лев Толстой.

* * *

...И вот — новая «Правда». Если раньше у нее по крайней мере было какое-то свое лицо, пусть и не очень привлекательное, то теперь это — аморфное, бесхребетное, всеядное издание. Слишком резко? Может быть. Но достаточно сравнить нынешнюю «Правду» хотя бы с «Независимой газетой» — и сразу обнаружится резкая пропасть. Потому что и с грифом «Без гнева и пристрастия» можно иметь вполне четкую и определенную позицию. А «Правда»?..

При ее «послужном списке», приведенном выше, трудно ей будет завоевать подлинный авторитет у читателей.

Фото Александра КРЕТОВА.

Надежда АЖГИХИНА

ПРАВДОУСТРОИТЕЛЬ

1

Дождь опрокинул деревню. Повалил набухшие кусты, истоптал траву, смял невысокие стожки на угоре. Дождь разделил частой сеткой два берега реки, смазав очертания леса и скорбный контур монастыря напротив, разогнал по дворам собак, заглушил звуки, оставив только мерное постукиванье по карнизу да шлепанье по пузырящимся лужам возле калитки, только холод у щеки, прижавшейся к стеклу, затянутому серой, мутной пленкой, за которым лилось и лилось, без роздыху, без просвета, утром, и днем, и в сумерках, и снова утром.

Конечно, бывает Веркола и другой — солнечной и звонкой, в красках сельского праздника, когда на поляне перед клубом подбирается рядок школьниц в прабабкиных сарафанах (и то наряды — лазоревые «синяки» и клетчатые пестрядинные — не по росту сегодняшним акселераткам) и покуривают, поблескивая звездочками на фуражках, демобилизованные женихи, гадая, сколько из акселераток все-таки останется после выпускного бала дома; бывает — фантастически тихой, в синем обмороке белых ночей; шумной, до краев наполненной дробным звуком топоров и запахом свежей стружки, шорохом опадающей листвы и огромным, в полнеба, катящимся за край дальнего леса огненным шаром. Но на этот раз в Верколе шел дождь.

Впервые о Верколе упомянул безымянный летописец, повествуя о том, как в конце X века новгородцы, плывущие на крепких челнах к северу, поставили на высоком берегу Пинеги, некогда бурной и вполне судоходной, «верхний кол» — границу славянских владений. Следующая знаменательная запись относится к закату XVI столетия, той поре, когда странствующие монахи обнаружили в ближнем лесу светящиеся мощи погибшего веркольского крестьянина Артемия, обладавшие великой целительной силой, в честь чего здесь был заложен на красной горещелье монастырь. В наши дни о деревне написал Федор Абрамов.

«Пекашино распознают по лиственнице — громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она с тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов?..» Пекашино, чья летопись и драма протекают на страницах абрамовских романов тетралогии «Братья и сестры», имя, ставшее синонимом русской деревни,— это и есть Веркола. А главные герои ее, пекашинцы,— сами веркольцы.

2

Сегодня каждому, кто приезжает в село, покажут и расскажут немало интересного. Первым делом поведут в литературно-мемориальный музей, где собраны предметы местного быта и материалы, связанные с творчеством знаменитого земляка, а потом — и это самое главное — поведут по деревне. И если у вас появится желание — а оно, как правило, появляется после утомительного путешествия, неблизкого даже по нынешним скоростям,— вы услышите много самых невероятных историй о героях и персонажах абрамовских произведений. Одних прототипов Михаила Пряслина вы можете насчитать полдюжины. Некоторые веркольцы, как Данила Васильевич Абрамов (однофамилец писателя, здесь каждый третий Абрамов, остальные почти сплошь — Клоповы и Минины), имеют целый путеводитель для новичков. Помню, как в первый приезд сюда Данила Васильевич, уютно устроившись на нагретой солнцем скамейке, рассказывал: «Пелагея, она же Макаровна, пекариха — вон в том доме жила. Только характером была покруче. Вон по той дорожке, меже к реке ходила, к пекарне. Однажды перевозил ее — так дождь начался, волны, хочу назад, а она не велит, говорит, тесто у меня... Так и доплыли, я «Интернационал» пел, она, не помню чего. А дед — тот точно в печи жил, вон в следующем дворе. И нищенка была. А невесту из-под венца умыкнули — так это в Смутово, не у нас. Он, Федор Александрович, вообще всегда так — ноги от одного берет, голову — от другого...»

Отсюда, с главной веркольской улицы Советской, которая скоро по решению схода станет улицей Абрамова,— видно все: и Иняхинский дом, к которому белой ночью шел Михаил, боясь скрипнуть калиткой, и увенчанную конем избу в Ежемени, где происходит действие «Деревянных коней», и зимник, в котором родился сам писатель. И такое обилие воздуха, крепких бревен, красиво уложенных «в лапу» и «щепу» на углах изб, амбаров и банек, такое богатство окружающего цвета, света и простора, что приезжий, одуревший от трудного пути, от речитатива напевной и щедрой на острое словцо «говори», от дикой красоты берегов и свежего ветра, всерьез решит, что попал в первозданный крестьянский рай, что вот она, незамутненная река народной жизни, от которой так хочет испить изжаждавшаяся душа. Вечнозеленое древо, ось, вокруг которой совершают таинственный кругооборот и природа, и человек, и все рукотворные потуги его несовершенного ума. И наполнится пришелец восторгом и благодатью. Особенно — если никогда всерьез жизнью северной деревни не интересовался и Федора Абрамова не читал.

Посетитель более внимательный услышит на улицах и во дворах другие речи и также в изобилии.

«Все ли правда про нас написано? — переспрашивала меня Александра Андреевна Постникова.— Все правда. И про то, как кору ели и мох. Плохо исть мох, а куда деваться. В войну? Да нет, позже. Палочки же. Работали за палочки. И в лесу тоже. А я в лес пошла пятнадцати лет. Отец-мать умерли, я да сестра. В лесу нас много таких было. Подъем в шесть, проспишь — под суд. Не просыпали. Встанешь в ряд, ноги не шевелятся, валенки не высохли — холод, в ватниках спали. Робишь, робишь, и конца работе не видно. Норма. Вечером приведут в барак, упадешь и спишь. На выходные домой пускали. Так я пришла в дом, холодно, печка нетопленая. Других родители, сестры встречают, а у меня пусто. Пришла я и заплакала».

У Александры Андреевны большой дом, хозяйство, дети. Только вот работать долго по хозяйству она не может. Сердце болит, в кармане фартука или платья всегда с собой валидол. Говорят, от холода, жалуется она. И у многих женщин постарше (мужчин за пятьдесят в деревне мало, наперечет) здесь неважно с сердцем. У старой моей знакомой Евстолии Васильевны Клоповой — тоже. («Все от мороза,— говорит она,— приходили в клуб — чернила застывали, тридцать градусов».)

— Долго, долго не были,— встретила меня Евстолия Васильевна, крепко пожала руку.— И пишете редко. Я вот дома после больницы, да сам болен, операцию делали. Не ходили еще по Верколе? Ну, памятник поставили Федору Александровичу, в этом году монастырь открыли, Людмила Владимировна помогла. Школы до сих пор нет. Председатель сельсовета все тот же...

Евстолия Васильевна рассказывает последние новости. Тетка писателя, Анна Васильевна Абрамова, веселая старушка в повойнике, всегда угощавшая шаньгами с черникой, умерла. И сосед Евстолии Васильевны тоже, позавчера. Дорогу объездную, чтобы грузовики по главной улице не ездили, наконец, построили, но лесу навалили по краям — сил нет смотреть. Сплошная лесная погибель. Приезжих в деревне прибавилось, хотя экскурсии из Архангельска в этом году не прибывают — подорожали путевки, и нет по-прежнему места для ночлега гостям. Фильм про Верколу показали по телевидению. Американцы снимать больше не приезжали, хотя и собирались. Музей работает по принципу «не бей лежачего» — до сих пор не приобрели настоящую избу для экспозиции (Евстолия Васильевна отличается критичностью оценок, несмотря на присущую ей доброту). Удалось отстоять веретье, красивый луг за деревней, где хотели было начать строительство.

— А завтра,— заключила она,— у меня день рожденья. Пятьдесят пять. Так что приходите в гости.

3

Биография Федора Абрамова достаточно хорошо известна. Он родился в 1920 году в бедной семье и был пятым ребенком, рано остался без отца, работать начал раньше, чем читать (небольшая деталь: в 1930 году, «к колхозам», в селе открыли пятилетку, а Федю посчитали сыном середнячки и не хотели брать в пятый класс; о достатке середняцкого сына красноречиво свидетельствуют письма в сельсовет с просьбой дать обувь и одежду). После школы поступил в Ленинградский университет, занимался у Жирмунского, Эйхенбаума, со второго курса пошел воевать, лежал, раненый, в блокадном госпитале, после войны поступил в аспирантуру, заведовал кафедрой... Типичная биография человека того поколения, биография, которая могла бы быть у партийного функционера, чиновника от науки или литературы, во всяком случае, человека вполне лояльного к системе. Он не то что не стал правоверным функционером — постоянно выламывался из установленных рамок, шел поперек, не укладывался. Бросил карьеру и университет, не пошел на партийную работу, едва начав печататься, угодил в герои идеологического скандала, став известным прозаиком, одним из лидеров «деревенской темы», вступил в глубокий конфликт с многими «деревенщиками». «Государственник», трибун, публицист и тонкий лирик; певец русского крестьянина, всю жизнь посвятивший «деревянной летописи» северного села,— и неистовый обличитель народной пассивности, бичующий земляков с поистине аввакумовой страстью; исследователь северной речевой стихии, собиратель «родникового слова» — и убежденный «западник», знаток искусств, проводивший экспромтом экскурсию по галерее Уффици, когда гид не пришел,— это все Абрамов. Про своего первого редактора, боготворимого А. Твардовского, он написал: «Ему недоставало еретичества, чтобы стать гением».

Про него написано немало статей и книг, среди которых замечательные — А. Туркова, И. Золотусского, Ю. Оклянского, но до сих пор его опыт и творчество не осмыслены до конца, и время вносит все новые, дополнительные штрихи к портрету. Издано множество томов, но появляются вещи из писательского архива, подвижнически подготовленные Людмилой Владимировной Крутиковой-Абрамовой,— и открываются новые и новые грани дарования, и ждут читателя многие отрывки и главы, и страницы недописанной работы — «Чистая книга», материалы к которой собирались почти тридцать лет...

Абрамов, не прочитанный как следует нами, недопонятый, не вписывается и в сегодняшние, постперестроечные рамки, согласно которым «деревенщик» означает буколический народопоклонник и — почти наверняка — консерватор, втайне сочувствующий группировкам вроде «Памяти», а писатель, не покинувший страну после 80-го года,— едва ли не пособник стагнации. Быть может, его пример — пример одинокого дерева, упрямо держащегося среди голого поля,— напоминание о том, что личность может сражаться в одиночку с аппаратной мощью, что талант самоценен и противостоит любому режиму самим фактом своего су-

Продолжение на стр. 21.

ОГОНЁК

НЕ СТОЙ
НАД
ДУШОЙ

«Просторы, дали. И еще воля вольная. Не свобода, нет, а особое чувство, которое возникает у вас на Севере. Парение над землей. Особое ощущение жизни, простора, свободы. Чувство полета, крыла. И не за этим ли летят сюда птицы с юга? Чтобы ощутить эту волю, изначальность мира...»

Федор АБРАМОВ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

МММ

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. Оптовым покупателям предоставляется скидка.

**ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!**

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 – 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат A3 – 31500–33000 руб.
Формат AI – 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат A4
«LASERJET II P» – 51000 руб.
«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат A4
«SHARP Z-50» – 28000 руб.
«CANON FC-2» – 30500 руб.
Формат A3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» – по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» – 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва, ул.Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

ВЫШЕ АВГУСТА

Вадим ЧУРБАНОВ

Минувшей зимой на одном из совещаний в ЦК на Старой площади зав. сектором культурной политики КПСС В. Чурбанов (культуролог, профессор, доктор философских наук) заявил, не оглядываясь на слова таблички на своей двери, что у КПСС, равно как и у других политических партий, не должно быть никакой культурной политики. У культуры собственная роль в обществе, которая выше любой политики и идеологии, поэтому культуру надо предоставить самой себе, создав лишь условия для ее свободного саморазвития. Тот спор был решен событиями августа: «культурной политики КПСС» теперь нет, потому что больше нет самой КПСС. Но отечественная культура остается насквозь политизированной, и это создает для нее, как считает автор статьи, смертельную опасность.

Ни одна эпоха испокон веку не оценивала себя адекватно, это общеизвестно. Потомки посрамляли историческую заносчивость петровских реформ, благоденствование царствования Екатерины II, обновление времен Александра II, законотворческую лихорадку Государственной Думы. Николай Иванович Бухарин, конечно, куда как перебрал, пообещав, что новая, социалистическая культура будет отличаться от старой, буржуазной, как симфонии Бетховена от «собачьего вальса». Неадекватной была и его оценка миссии советской власти, когда он заявлял: «Мы, СССР,— вышка всего мира, костяк всего человечества... Потенциально мы — все... Мы — воплощение исторического разума, основная, победоносная, движущая сила всемирной истории». Но и выдающийся интеллектуал, участник недавнего Конгресса соотечественников Лев Зиновьевич Копелев тоже, я думаю, погорячился, назвав недавние события в нашей стране Великой Августовской революцией и заодно заметив, что в наименовании событий 24 — 25 октября 1917 года Великой Октябрьской социалистической революцией ни одно из четырех слов не соответствует действительности — и не великая, и не социалистическая, и не революция, а переворот, и даже — по европейскому календарю — не октябрьская, а ноябрьская.

Давняя, многовековая российская традиция — нещадный суд над прошлым. Конечно, историю России можно вообразить как сплошную цепь неудач. Но дело еще и в высокомерии, с которым чуть ли не каждая новая генерация наших соотечественников самонадеянно полагает, будто предыдущие поколения были хуже и глупее ее, а ее собственные заслуги — непременно окончательное слово истории, после которого она, наконец, пойдет по счастливому расписанию. Но если раз за разом выкорчевывать саженец, заключив, что он не тот, что надо, то древо истории не вырастет. Другие народы научились не вырубать его, а только лечить больные корни и удалять пораженные ветви. У нас же опять — революция, снова гуляет топор переиначивания: живуча, стало быть, проклятая отечественная традиция.

Николай Михайлович Карамзин — один из немногих, кто пытался понимать отечественную историю, а не поносить и осуждать ее. Понять же, по великой и трудной мысли Льва Николаевича Толстого, значит — простить. И Карамзин сделал это. В своей «Истории Государства Российского» он так увещевает «простого гражданина» читать Историю отечества: «Она мирит... с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушилось; она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества». Так великий историк и гражданин говорит об истории России, из которой сам же правдиво и бесстрашно извлекает на страницы своего труда сцены невиданно кровавой междоусобицы народов и князей, свирепости Ивана Грозного, гибельной смуты междуцарствий, позорного рабства и невежества, сохраняющегося в пору, когда мир уже знает Декларацию прав человека и гражданина, парламентские республики, массовое народное просвещение.

Российской культуре всякого исторического периода тоже не по силам, похоже, оценить саму себя адекватно, не говоря уж об отдельных ее деятелях. Самобытность и величие древнерусской иконописи и архитектуры были оценены в нашем отечестве лишь в начале XX века. Современник Гоголя писатель Дружинин утверждал: «Я всегда буду в первых рядах литературы», а драматург Кукольник был уверен: «Кукольника оценит потомство». Зато в нужности своего творчества сомневался Л. Толстой. Интеллектуалы восхищались стихами Надсона. Зато не была оценена по достоинству поэзия Баратынского и Тютчева, многие авторитетные современники считали Чехова незначительным писателем, а его пьесы — несценичными.

Любопытно будет вскоре узнать, какими были действительные самооценки корифеев социалистического реализма, читавших и слышавших о том, что их трудом сотворена «советская социалистическая культура — высшая ступень в развитии мировой культуры». Сейчас же эта «высшая ступень» выдворена со сцены нашей духовной жизни, а если в нее вглядываются и вдумываются, то преимущественно в западных странах, где издаются «антологии литературы социалистического реализма», организуются выставки монументальной живописи времен Сталина, устраиваются ретроспекции советских фильмов 20 — 70-х годов...

На все требуется взгляд с расстояния лет и со стороны. Тот же Л. З. Копелев, погорячившись в оценке политических событий XX века в нашей стране, куда осторожнее в оценке культуры: он убежден, что действительная историческая роль русской культуры нашего века, в том числе той, которая называлась «советской социалистической», верно и полно понята будет лишь нашими внуками и даже правнуками. Ну, а пока историю почти в три четверти века и порожденную этой историей культуру судят ее собственные дети. Судят, опускаясь порой до прислуживания ненависти.

Причин тому — множество. Это и месть за мытарства и попранное достоинство; и стремление всплыть «наверх», столкнув с белых вершин прежде почитаемых и лелеемых; и желание «отбелиться» у многих из тех генералов культуры, которые перебежали на другую сторону баррикад и, как и всякие прозелиты, особенно усердны в вытаптывании того, чему раньше поклонялись и служили. Это, конечно, и торопливость честных попыток осмыслить былое, не дав ему времени отойти на расстояние. Сказывается, я думаю, и общая ожесточенность нравов, которая не минула и деятелей культуры. В конце концов не могла не сказаться на них негуманность политического режима и всего устройства жизни, от которой — и «волевой», по выражению академика Д. С. Лихачева, характер советской культуры, и командные интонации в лирике, и навязчивая нравоучительность прозы, и гигантомания в скульптуре, и брутальность архитектуры. Да и откуда взяться доброте и милосердию, если главной темой литературы и искусства была борьба, главными героями — победители и поверженные, если за 40 лет после 1945 года в СССР было издано около 20 000 книг о войне — по пятьсот в год, по десять в неделю!..

Двух-трех лет хватило, чтобы вовсе не однацветная советская история — вся, целиком — оказалась попранной, а лейтмотивом «культуры периода перестройки» стало осуждение. До того, чтобы понимать, она подняться не смогла. И тем самым, в сущности, повторила, хотя и под иным флагом, большевистскую «культурную революцию», которая, в свою очередь, была вскормлена нигилистической традицией всей предшествовавшей ей отечественной культуры.

Культура — это, можно сказать, перефразируя В. С. Соловьева, гигиена духовной жизни общества, поскольку она пестует нравы и поправляет их болезни. Она может это потому, что, даже усекаемая и притесненная, всегда богаче и основательнее, чем любая, и тем более предпочитающая хирургию, политика и идеология, чем всякая рано или поздно, но неизбежно замыкающаяся в себе религия и чем какое бы то ни было со временем закоснеевшее в догму учение, будь то марксизм, идеи М. Ганди и Л. Толстого или «Нагорная проповедь». Испокон веку во всем мире власть искала оправдание и поддержку в культуре и не сводила с нее глаз. В России же в связи с неразвитостью даже минимума форм общественной жизни и сама культура не сводила глаз с власти. Поэтому исторически сложилась уникальная приговоренность русской культуры к роли амвона и кафедры, судьи и экзекутора общественной жизни, к необычайно сильной связи с политикой. Высокая поэтика «Слова о полку Игореве» не поднимает его над злобой дня политической жизни, что разнит «Слово» с шедеврами европейского эпоса. Даже иконопись с ее каноническими образами и сюжетами и в средневековой Руси, и в начале XX века — и та во множестве образцов становилась своего рода политической публицистикой, откликающейся на «идею времени». «Анна Каренина» — это «семейный роман», но в нем, как известно, все главнейшие вопросы общественной жизни пореформенной России.

Сейчас часто говорят, что чрезмерности, нетерпимость и скоропалительность новых политиков от того, что наша демократия — молодая. Но культура-то наша древняя. Однако в том-то и дело, что в большей своей части в силу политизированности она всегда оставалась юношески максималистской и поэтому не столько укрощняла амбиции современников и укореняла традиции предков, сколько сеяла нигилизм и веру в плодотворность разрушения. Злоба дня захватывала и принижала до политических писателей даже Пушкина и Гоголя, Тургенева и Лескова, Достоевского и Горького.

Неудивительно, что грянувшая в 1917 году в России революция, выразившая дух природного взрыва народного долготерпения, увлекла А. Блока, который усмотрел в ней, в том числе в ее жестокости и разрушительности, не что-нибудь, а... «акт культуры, такой же, как музыка». Громадное число блестящих литераторов и деятелей искусства бросилось в революцию, как люди в горящей одежде бросаются в воду: их звал туда голос предков, столетиями вещавший о благом будущем и о «проклятом прошлом». Что бы сейчас ни говорили о враждебности коммунизма и культуры, а в России коммунизм был детищем именно интеллигенции, в том числе и идея насилия, мести, разрушения. И не какой-нибудь второстепенной интеллигенции! Варваризация коммунизма — тоже плод усилий не только ограниченного Сталина и мало чем, кроме революции, интересовавшегося Троцкого, а и таких интеллектуалов, как Бухарин, Богданов, Луначарский, и многих других. Советская культура лишь унаследовала родимые пятна

предшествующей отечественной культуры, правда, доведя их до размеров чуть ли не всего своего лика, после чего ей уже почти ничего не оставалось, как стать лишь «приводными ремнями» коммунистической идеологии.

Правда, возможность «строительства нового мира» захватила и таких людей, как С. Есенин и А. Толстой, Л. Леонов и Б. Пастернак, идею социализма в ее гуманистической сущности принимали писатели В. Короленко и М. Пришвин, академики В. Вернадский и А. Сахаров. Так что если талант — это наказание, то право талантливого человека на убеждения — разумеется, и социалистические тоже — не должно быть его казнью. А коли так, то «советская культура» — вовсе не сплошная «черная дыра», обрамляемая светом творчества лишь диссидентов и «запретников».

Исторический этап, называвшийся до 19 — 21 августа «перестройкой», освободил культуру. Можно сказать, что никогда за всю тысячелетнюю историю России художник не имел такой свободы, как в последние 2 — 3 года. Но писатели и кинорежиссеры, балерины и эстрадные звезды, библиотекари и кинопрокатчики, поделившись на левых и правых, радикалов и консерваторов, демократов и прокоммунистов, бросили свое ремесло и ринулись в политическую борьбу. Политика почти что целиком заполнила газеты, журналы и книги, экран, сцену, выставочные залы. Не столько историки стали судить об истории, сколько А. Вертинская и С. Говорухин, не столько политологи о политике, сколько Л. Зыкина и А. Адамович, не столько философы о философии, сколько А. Невзоров и Е. Евтушенко. При этом по давней нашей российской традиции политическая активность деятелей культуры в очередной раз мотивировалась скорее ненавистью к существующему режиму одних и привязанностью к нему других, чем той жаждой творческой самореализации, которая мучила, скажем, первопечатника Ивана Федорова, не раз, по его словам, постель свою слезами омочавшего, дабы не скрыть таланта, дарованного Господом Богом. Самоценность культуры и таланта, наиболее полно проявляющаяся в том, чтобы не услуживать тому или иному «направлению», как Гомер или Овидий, Хайям или Чехов, такая самоценность не восстановилась. Культура и деятели культуры, как и в прежние времена, оказались «средствами» политической борьбы. А поскольку никакая власть, никакое правление, говоря словами Пушкина, «не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда», эти «средства» безоглядно детонировали социальный взрыв, который в очередной раз стал «актом культуры, таким же, как музыка».

Победа у стен «Белого дома» положила начало действительно народной революции — с ее упоением надеждами и торопливой решимостью, со стихией и жаждой возмездия, умноженными на генетическую нашу склонность к крайностям, от которых, как кто-то заметил еще в прошлом веке, «не соскучишься». Толпой уже овладела гибельная страсть: победителям — все, побежденным — ничего. Призывы Горбачева, Ельцина, Яковлева укротить ее вряд ли возымеют достаточное действие. Тем более, что множество влиятельнейших деятелей культуры призывает выкорчевать все былое до основания. Но ведь большевики уже «продемонстрировали», что в таком случае побежденные уносят с собой социальный опыт и целый слой культуры. Однако предсмертная записка маршала Ахромеева, решившего покончить с собой потому, что все, ради чего он трудился всю жизнь, погибло, не остудила. А это был голос множества его сверстников, которые сначала оказались заложниками одной политики, а теперь — жертвами другой. Или что за дело до миллионов «бывших» — не важно, благим ли делом были строительство ими Магнитки и БАМа, создание мощнейшего военного потенциала или самой обширной в мире сети культурно-просветительных учреждений? Что за дело до них — когда лес рубят, щепки летят? Не знаю, каков народный обычай поминания самоубийцы, но грубое заявление Нишанова на сессии Верховного Совета СССР в ответ на неосторожное предложение одного из депутатов почтить память бедного Ахромеева, что самоубийство — всего лишь «личное дело каждого»,— не отрыжка ли большевизма с его навязчивым приматом политики, идеологии, идеи над человеком? «О живых же я молюсь, чтобы Господь дал нам быстрее понять, что выше Закона может быть только Любовь, выше Права лишь Милость и выше Справедливости лишь Прощение». Так сказал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в связи с трагическими событиями 11 — 13 января этого года в Вильнюсе. Но, кажется, мало кто внял ему.

Впрочем, Бальзак однажды закончил свое затянувшееся рассуждение о политике такими словами: «А теперь обратимся к более серьезным вещам». Под ними он подразумевал свои романы. И в самом деле, что более серьезно — судьба любой политической партии или проблема доступности культурных ценностей народу? Что «шире», а что «уже» — принципы устройства нашего многонационального государства или участь уникального культурного наследия, в том числе последних почти трех четвертей века? Что нормальнее для людей — подписаться на ворох насквозь политизированных газет и журналов или купить филармонический абонемент, сообщения об очередном мировоззренческом озарении Александра Яковлева или новость о завершении романа Виктором Астафьевым?

Конечно, во времена исторического слома, когда с карты, похоже, все-таки исчезает веками складывавшаяся громадная страна и при этом в ней, ни больше ни меньше, а меняется общественный строй, нормальный человек небезразличен к тому, какие решения принимают депутаты, вывернется ли в очередной раз из им же созданной сложной ситуации Президент Горбачев и что обнаружат в архивах КПСС и КГБ. Но в последние годы мы уже убедились, сколь мимолетными бывают политические перемены.

В «Красном и черном», написанном как раз в период перехода Франции от тоталитаризма к парламентаризму и рынку, Стендаль не удержался от публицистического авторского отступления: «Политика — это камень, привязанный к шее литературы,— не пройдет и полгода, он потопит литературное произведение. Политика средь вымыслов фантазии — это все равно что выстрел из пистолета среди концерта. Душераздирающий звук, но при этом безо всякой выразительности». Куда канули писанные год-два назад стихи Евтушенко? Кто припомнит и кому придет в голову когда-нибудь переиздать, снова поставить на сцене или выпустить на экран сработанные поскорее, чтобы первым сказать «э», романы, пьесы, фильмы?.. «Слово о полку Игореве» и «Анна Каренина» выжили и будут жить не потому, что в них злоба дня, а потому, что они выше политики и идеологий, над ними, а не при них. Художник, исследователь, просветитель, услуживающие политике,— это пытающиеся выкопать котлован культуры на поверхности пруда политики: чем больше стараются, тем сильнее его затягивает водой. Нормальная культура существует для того, чтобы не было революций — этих социальных технологий ушедших веков. У нас — снова революция, потому что у нас мало культуры, у нас снова культурная революция, потому что много политики.

Еще в период от горбачевского Апреля до ельцинского Августа «перестройка» совершила очередной «культурный переворот». В духовную жизнь пришли и осветили ее запретные ранее ценности и имена. И это, безусловно, невозможно переоценить. Но сколько с одного краю прибыло, столько же, вероятно, с другого убыло. А уж это оказалось повторением прошлого, только «наоборот». Когда-то «общественное мнение» если признавало Бунина, Белого, Мережковского, то не было места Герцену, Чернышевскому, Некрасову. Потом считалось, что если есть Горький, Маяковский, Шолохов, ни к чему Набоков, Мандельштам, Ахматова. Культурная революция — это утверждение в культуре губительного для нее принципа «или — или». Такая революция вспыхивала в нашей стране уже множество раз, большевики лишь раздули ее до невиданно губительного масштаба. Путчисты, несомненно, потребовали бы: никаких «или». Но и победа у стен «Белого дома» на глазах пожирается примкнувшими к победителям, которые намеренно или нечаянно вколачивают в массовое сознание то же самое. Упомянуть, что советская власть, сотни тысяч ее учителей, библиотекарей, писателей, деятелей искусства, как-никак, а все-таки что-то сделали для народа, уже становится просто рискованным: запишут в «агенты КПСС».

Между тем краеугольный камень всего здания культуры — ее саморазвитие. А оно нуждается в накоплении культурных ценностей, независимо от политических перемен и идеологических новоизобретений. Конечно, это общеизвестная истина. Булгаковский Коровьев сказал бы по сему поводу: «Тоже мне, бином Ньютона». Но и семьдесят лет назад эта истина была общеизвестной. И после Октября правительство призывало народ — как это теперь делает «Белый дом» — не сокрушать памятники и не разорять архивы, библиотеки, музейные коллекции. Однако большевики решили уничтожить символы «проклятого прошлого», а среди них оказались произведения искусства и архитектуры. Но в нашем отечестве всегда так было: только начни...

Вскоре после Октября прозвучал не услышанный в грохоте революции голос: «отечество в опасности». Но это частность, если «культура в опасности». Сегодня страна разваливается, жизнь людей разлажена, взаимопонимания все меньше и борьбы все больше. Громыхает голос миллионов: «Все, что отобрали,— куда дели?», «Хотим товару и порядку». Но все так или иначе пройдет и образуется, если выживет культура. Если демократия спасет ее — она спасет демократию. Мировая история знает: государства и народы исчезали именно тогда, когда угасала их культура.

Сегодня у нас культура — в опасности. Мало того, что, как и всегда в период политических катаклизмов, интеллигенция первая и более всего нищает, она еще и соблазнилась унаследованным грехом: почти что целиком, безраздельно впала в политику. Говорят, это личное дело и право каждого деятеля культуры, это даже их долг: «...а гражданином быть обязан». Но и ответственность перед народом — не пустой звук. Потому что слово художника наиболее выразительно, а стало быть, и наиболее влиятельно. Участие деятелей культуры в политическом противоборстве в качестве ли идейных пастырей, «разносчиков» ли идей тех или иных политических групп как ничто другое разинтегрирует, раскалывает общество, формирует у людей столь разнящееся мышление, что многие из них становятся, по выражению Лассаля, «взаимно идиотами», неспособными слышать и понимать друг друга.

Кто-то недавно высказал тонкую мысль: спорить можно только с единомышленниками. Единомышленниками во всем быть невозможно, а если было бы возможно, то — не дай Бог. Но разномыслие — не основание для того, чтобы не иметь общего языка и не находить общеприемлемых решений. В конце концов коммунист-ортодокс и демократ-радикал, реакционер и революционер в крайних своих проявлениях стоят друг друга: они не только не стремятся к согласию, но и опасаются его, потому что само их существование и самоутверждение возможно лишь в условиях полярности мнений, в кипящем котле противостояния.

Культура, деятель культуры, стоящий на расстоянии от политики, по самой своей природе и сущности способны пестовать согласие и взаимопонимание людей, мир между ними и взаимопрощение. Политическая борьба — антипод культуры (хотя нормальная политика в странах цивилизованной демократии — это как раз инструмент, использующийся для гармонизации интересов и отношений разных общественных групп). Значит, чем меньше борьбы и чем меньше участия в ней культуры, тем больше согласия и благополучия в обществе.

Однако так не получилось до Августа и тем более так не получается сейчас. Но если сегодня, каким бы ты лично ни был, опасно быть коммунистом, стыдно быть генералом или офицером, не престижно быть профессором-экономистом, то завтра или послезавтра может оказаться, что станет стыдно и опасно быть депутатом или, к примеру, публицистом. Даже несомненно, я думаю, что окажется. Потому что на наших глазах в пене августовской революции рождается новая волна демократов — ультрарадикалов в сравнении с первой, ныне делающей погоду волной. Им уже некого будет сокрушать, кроме реформаторов - шестидесятников, слоя людей, обладающих наибольшим интеллектуальным потенциалом и уже умеривших себя практическим опытом политической деятельности. А это значит, что демократы станут пожирать друг друга, причем зубы молодых, новых демократов окажутся крепче, чем у «стариков». Но тогда станет опасным быть отнесенным к интеллигенции. Так уже было в 20-е годы. Неужто прав был Достоевский, обронивший горькую мысль, которая могла родиться лишь у писателя, наблюдавшего нашу, российскую жизнь? Мысль такая: опыт становится достоянием новых поколений людей лишь тогда, когда он «перетащен на собственных плечах». Неужто вещим оказался Булат Окуджава: «Спите себе братцы,— все начнется вновь, все должно в природе повториться: и слова, и пули, и любовь, и кровь... Времени не будет помириться».

Со школьных лет у большинства из нас существует представление, будто культура только то и делает, что вдохновляет перемены, а деятели культуры будто прогрессивны лишь настолько, насколько они — апостолы обновления. Оснований в российской культуре для такого представления действительно множество. Однако в сущности своей культура консервативна, потому что по самому своему социальному назначению она воплощает традиции, передавая их от поколения к поколению и от века к веку. Потому и говорят, что основание культуры — память, а «носитель» памяти — культура. Поскольку начавшийся постперестроечный период обернулся революцией, настолько же противоположной Октябрю по целям, насколько он повторяет ее начальный этап своими способами и формами, вопрос о естественном, не нарушаемом извне выполнении культурой ее консервативной роли оказывается условием выживания общества. Поэтому спектакль Марка Захарова несопоставимо ценнее сейчас для людей, чем его поджигательские политические идеи и поступки, проза Валентина Распутина и фильмы Николая Губенко куда важнее, чем их подписи под очередным «словом» или «обращением к президенту страны». А если уж многие наши деятели культуры никак не могут сами выйти из круговорота политической драки, то, может быть, пусть парламенты и президенты, политические движения и издания объявят о своем нейтралитете в отношении культуры, неиспользовании средств культуры в своей междоусобной политической борьбе? Попробовать бы хоть один раз за многовековую отечественную историю...

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Людмила САЛЬНИКОВА

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Все мы, независимо от способностей к математике, бережем в памяти школьную аксиому: параллельные прямые не пересекаются. Она полезна в быту, поскольку позволяет ежедневно, входя в свой обустроенный знакомый мир, не думать о том, что где-то пролегают иные пространства, внутри которых жизнь течет одновременно с нашей, но совсем по-другому.

Поэтому мы ничего не почувствовали, когда повесился у себя в чуме шестидесятилетний Александр Никитович. И когда застрелился на берегу таежной реки двадцативосьмилетний Сергей Николаевич. И когда друг за другом ушли в воду двадцатилетние муж и жена, оставив в стойбище посреди холодного осеннего леса свою четырехлетнюю дочь Раю. Мы вообще не знаем, что где-то там, на Севере, неведомые нам люди, названные малыми народами, живут в среднем на восемнадцать лет меньше нас, что каждый второй из них умирает не своей смертью, что к самоубийствам они прибегают в четыре раза чаще, чем все прочие граждане нашего отечества.

А что мы знаем о малых народах, кроме смешных анекдотов про чукчу? Кто там у них еще? Ненцы, ханты, эвенки... Дальше? Дальше, простите, эрудиции не хватает. Это пусть специалист заучивает все двадцать шесть имен малочисленных народов Севера, которых наберется каких-нибудь 180 тысяч человек. Для нашего могучего государства — пустяк.

Как хорошо им всем зажилось при социализме! Из первобытно-общинного строя они совершили небывалый скачок в светлое будущее всего человечества. От Кольского полуострова до низовьев Амура и Сахалина быстро и скоро пошла работа по преодолению отсталости и несознательности коренных жителей, ведущих культурно неполноценный кочевой образ жизни. Сознательные старшие братья привычным широким жестом взяли своих северных соседей под опеку. А как иначе может относиться многочисленный народ к малочисленному? Благотворительность и патернализм стали государственной политикой.

Дрогнула и начала молчаливо отступать под натиском покровителя тысячелетняя северная цивилизация, привыкшая к тишине и бережности. Новая цивилизация — напористая и самоуверенная — по-хозяйски располагалась на новых землях. Под ее лязг и грохот неслышно стали уходить коренные обитатели этих мест.

Добровольный уход из жизни — незаметный, обычный поступок, лишенный драматического смысла. Никаких предсмертных записок и завещания, как принято у «белых людей». Ведь те, безбожники, не ведают, что смерть — всего лишь черта, разделяющая две жизни. В той, другой жизни все так же, только справедливее. И за праведные, и за злые деяния воздается сполна. На покинутый мир можно смотреть оттуда, как из-за стекла, страдая и радуясь за близких, но там тебя уже никто не может прогнать из собственного дома...

* * *

В Ханты-Мансийском национальном округе осталось только 3 процента исконного населения. На территории Русскинского сельсовета проживает около 800 ханты, из них почти 700 ведут кочевой образ жизни.

По меркам нормального горожанина, привыкшего измерять пространство коммунальными метрами, а землю — сотками, Ефим Алексеевич Рускин — непозволительный богач. Его древний хантыйский род всегда жил в здешних местах и через отца передал ему в наследство солидный кусок таежного леса, темную и холодную реку Тлятты, целую гирлянду просторных озер. На шестидесяти квадратных километрах окрест не положено быть никому, кроме Рускиных. Без этого жизненного пространства, вымеренного столетиями, семье охотника и рыбака не прокормиться.

Но об этом знают только те, кто живет одной с ним жизнью. На большой земле на вещи смотрят совсем по-другому. В поселковую контору приезжала важная толстая женщина из Сургута. Вся золотом звенит и в карту пальцем тычет: «Буровые будем ставить здесь, здесь и здесь». Ей отвечают: «Сначала у ханты спросите, которые на той земле живут». Женщина даже задохнулась от возмущения: «По какому праву? Кто дал им нашу народную землю?» От крика подбородок у нее трясется, золотые висюльки в ушах ходуном ходят.

Иные другой подход ищут. В стойбище к Раисе Ивановне Тэвлиной не поленились, на вертолете прилетели: и геологи, и нефтяники, и председатель сельсовета. Заботливые и ласковые в обращении. Сразу же начали предлагать деньги, продукты, бен-

зин. Только бумагу просили подписать. Раиса Ивановна растерялась, мужа и сыновей нет, посоветоваться не с кем, а вертолет грохочет, мотор не выключает, начальство на часы поглядывает. Что делать? Попросила Раиса Ивановна буровые под номерами 49, 51 и 52 убрать с их охотничьих угодий. Гости головами энергично закивали и ручку подсовывают — подписывай, мол. Ну, она и подписала. А буровые не только не убрали — новые поставили.

У Рускиных, правда, вообще разрешения не спрашивали, просто приехали и оттяпали треть семейных угодий, потом еще треть. Было это в начале восьмидесятых, когда нефтяникам никто перечить не смел, а аборигены воспринимались только в сувенирно-фольклорном смысле.

Ефиму Алексеевичу четыре раза пришлось менять стойбище. Раньше рядом с чумом ханты всегда ставили избу для зимы. Теперь делать это бессмысленно из-за частых переездов. Давно научились чум складывать на сани за полчаса.

Ольга Алексеевна, жена Ефима Алексеевича, ведет показывать хозяйство. Сначала кухня — огороженное жердями место на поляне. Сколочены на скорую руку стол и лавки, возле костра — ведро и прокопченный чайник, в широком тазу никак не успокоится только что пойманная рыба. До кладовки надо идти чуть дальше в лес по зыбкой, как батут, влажной подушке из ягеля. Лабаз стоит на высоких подпорках, закрытый на большой навесной замок. Замками ханты научились пользоваться совсем недавно, при советской власти. До того о грабежах они понятия не имели.

Пришлось познакомиться. Теперь разворованный лабаз — дело обычное. Не понимает, видно, пришлый вор, что не табачный киоск грабит, не магазин с товаром, а стратегические запасы еды и теплой одежды, без чего зимой в тайге верная смерть. Ладно бы только случайный вор, целая организация вполне легально может все покрушить. У соседа, Ермакова Олега Дмитриевича, например, нефтепровод через угодья проложили и сожгли попутно избу, два лабаза, склад с мясом и рыбой. Причем даже не оглянулись на содеянное. Сельсовет робко заикнулся, что хоть «Буран» неплохо бы погорельцу выделить, неудобно как-то. Всесильное ведомство пообещало, да забыло...

Чум служит гостиной и спальней. Ольга Алексеевна приглашает внутрь, откидывая полог. Женщины садятся на пол справа от входа, мужчины — слева. В центре — маленькая печка. Очень важно не нарушить правил: женщине нельзя обходить чум сзади, нельзя протягивать руку за печную трубу, нельзя сидеть, скрестив ноги.

На низком столике за печкой в холщовом мешке спрятана от посторонних голова медведя. Ханты считают себя родственниками медведя, а потому любят вести с ним беседы. На секунду медвежья голова выглядывает из мешка, сверкнув желтыми пуговицами от солдатской гимнастерки вместо глаз.

Ловишь себя на умильной мысли: дети природы... Потом совсем банально ужасаешься: как же далеки мы сами от этого состояния. Вот так всю жизнь провести на улице, спасаясь от пятидесятиградусного мороза за тонкой стенкой чума? Без электричества? Без теплой постели с белыми простынями? Забыли мы о своей праматери, о равенстве муравья, утренней росы и человека перед лицом Творца. Природа для нас — непонятная, опасная сила.

Как может она кому-то быть по-прежнему главной опорой и защитницей, полноценно заменяя каменные дома, тротуар, продмаги и автобусы, профсоюз и больницу?

— Может быть, и вправду лучше перебраться в нормальный дом в поселке? Все-таки возраст, тяжело...

Ольга Алексеевна снисходительно улыбается, прощая приезжим их наивность:

— Куда оленей девать буду, а?

Вокруг мягко перекатываются теплые оленьи бока. Она с руки кормит животных свежей рыбой, называя каждого по имени.

— А как вы их различаете?

— Да по лицу. Смотри, чего стало.

Хозяйка ловит и прижимает к груди голову важенки, проводит по ее замшевым рогам рукой. Их красивая форма изуродована огромными опухолями.

— Никогда раньше так не было. Теперь олень умирает — весь синий делается. Собаки даже не едят. Никто ничего не говорит. Почему олень такой худой? Вес совсем плохо набирает.

Нестерпимо такой разговор слышать Ефиму Алексеевичу, он перестает строгать палочку возле костра, тянется в нагрудный карман за жестяной табакеркой и, сердито сопя, закладывает табак за нижнюю губу. Вчера олень из тайги пришел раненый, да еще собаками покусанный, теперь в лес шаг боится сделать. Да что там, самим страшно. У буровиков ведь тоже ружья. А сколько по тайге убитых хантов находят... И ни разу расследования не было.

* * *

Последнее из покинутых Рускиными стойбищ в часе хода по реке. Плыть по извилистой, неспокойной Тлятты чужаку — смертельный риск. Из воды торчат ощерившимися мордами стаи коряг, оставляя для прохода узкие коридоры чистой воды. По берегам пусто, но тревожно, будто кто-то вышел на минуту покурить и сейчас вернется. Это из-за тлеющего костра, из-за оставленной на берегу удочки и незнакомой лодки, уткнувшейся носом в берег. Угодья Рускиных явно посещаются непрошеными гостями.

Причаливаем возле уютной заводи, где в Тлятты впадает Березовая речка. Когда-то сюда любила заходить разная рыба, отдыхая от шума и грязи больших рек. Теперь здесь, по выражению Ефима Алексеевича,— «суп». Деревянные мостки сломаны, в чистой некогда протоке маслянистыми блинами покачиваются на мертвой воде пятна нефти. Липкой нефтяной паутиной накрыло высокую траву по берегу.

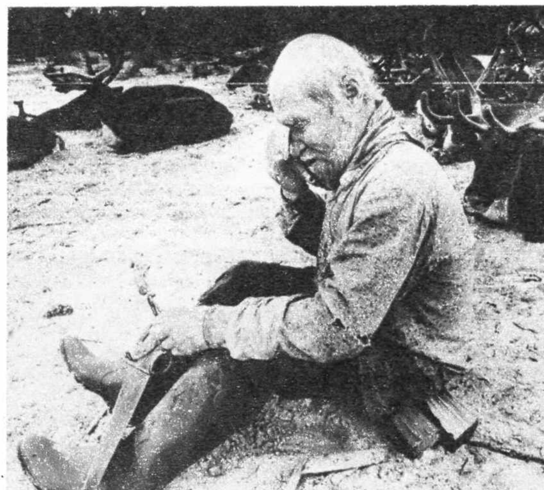
Чуть выше по реке — бор осеннего стойбища. Несколько лет назад здесь был дом Рускиных. Теперь через широкую просеку протянуты гигантские трубы, ковер из зарослей черники и брусники скрылся на дне нефтяных луж.

Ефим Алексеевич долго глядит с лодки на вздыбленную землю, прося прощения у Бога. Из своей жизни, как с другого берега, он силится понять пришедших на его родину людей. До их появления урман, дающий местным жителям в изобилии строевой лес, дрова, пушнину, орех, ягоду, считался ничьим. Божьим. Но никто никогда не брал больше, чем требовала того нужда. Отчего же пришлые с такой жадностью и ненавистью губят землю? Отчего не тушат костров, давая выгореть гектарам тайги? Отчего за грибами ездят в лес на бульдозерах, не разбирая дороги? Видно, новый порядок, названный социализмом, не умеет созидать, хорошо получается у него только убивать...

Территория Русскинского сельсовета — место особое. Здесь в верховьях рек Тром-Аган и Пим сокрыто святилище ханты, манси, ненцев и селькупов. Не дом, не конкретное место, а целый край служит этим народам храмом. Дорога туда заказана не только чужому — любому праздному путешественнику. Мало кто видел эти места, а если и проезжал ненароком мимо, ног с саней не спускал. Еще деды предупреждали: остановишься, сойдешь — враз погибнешь. Не случайно бог Торум строго следит за урочищем. Верховья главных рек, дающих тайге жизнь,— последнее убежище коренных жителей. Сюда уже собрались те, кого согнали с родовых угодий Когалыма, Лангепаса, Сургута. Дальше отступать некуда. Придут сюда буровые, погибнет здешняя природа — и случится новый Чернобыль, настанет конец всему хантыйскому народу, который куда старше христиан.

Но нет предела сатанинским ухищрениям. Именно в самом сокровенном месте обнаружилось вдруг новое нефтяное месторождение — Тяновское. «Сургутнефтегаз», давно промышляющий в здешней тайге, в предвкушении нетронутого жирного пирога во весь голос заговорил о кризисном положении в топливно-энергетическом комплексе страны, о грозящем подрыве государственной мощи. В прежние времена таких заклинаний вполне бы хватило для начала активной деятельности на приглянувшемся месторождении. Однако времена меняются. Теперь принято спрашивать у хозяев — согласны ли они пускать на свою землю нефтяников? В мартовском референдуме участвовало 362 местных жителя. «Против» было повторено 362 раза.

Несмотря на категорический запрет на разработку Тяновского месторождения, вынесенный местными депутатами, председатель Ханты-Мансийского окружного Совета Чурилов и генеральный директор «Сургутнефтегаза» Богданов нашли общий язык. Как заговорщики, тайно, нарушив все мыслимые законы, вплоть до международной конвенции об арктических народах, они заключили договор о бессрочном предоставлении здешней земли нефтепромышленникам. А как же референдум? Его объявили недействительным и назначили повторно на сентябрь. Пока же стали спешно вбухивать в освоение побольше миллионов — начали строить дорогу, карьеры, насосную станцию. Под рукой веский аргумент: вы что, хотите, чтобы народные деньги пропали?

Быть может, впервые вышел из послушного оцепенения маленький народ ханты. Плотной стеной встали они перед крутыми лбами бульдозеров, нацелившихся уничтожать последние родные пределы. Предупредительное пикетирование было мирным, ружья покоились за спиной. И случилось невероятное: впервые нефтяников удалось победить, 22 апреля заседанием президиума окружного Совета решение об эксплуатации Тяновского месторождения приостановлено. Нарушением законов занялась прокуратура.

Но призрачна, ненадежна победа. Гигантское нефтяное ведомство подобно носорогу, не умеющему на полном ходу делать повороты. Кто это там под ногами пищит о своих правах? Каких-то жалких двести хантов? А тут шестнадцать тысяч нефтяников могут остаться без работы, страна недополучит миллионы тонн топлива!

Если вспомнить, сколько раз судьбы народов, целой страны взвешивались у нас на таких весах... Живая человеческая жизнь никогда не перевешивала стальной державной мощи.

* * *

Дети Рускиных появились из тайги под вечер с мешками ягод. Младший сын, Маркс, человек женатый, отправился в свой чум, неся на руках двухгодовалого сына. Жена семенила за ним, закрывая лицо платком. Старший сын, Анатолий, и дочь Тамара зашли в чум родителей.

Первый сын Ефима Алексеевича и Ольги Алексеевны утонул в тридцать лет, первая дочь умерла трехлетней. Тамару не отдали в поселковый интернат — некому работать по хозяйству. Семнадцатилетняя Тамара не умеет читать и писать, почти не говорит по-русски, зато прекрасно охотится, обращается с топором и пилой не хуже братьев.

Она распускает длинные светлые косы, и гребень утопает в ее струящихся волосах. Потом она начинает вышивать бисером кошелек, положив работу на колени. Вдруг Тамара нежно касается моего плеча и несколько раз называет по имени. Ее лицо тихо сияет, и нам нет нужды объясняться. Мы садимся рядом и затеваем старую смешную игру с ниткой, натянутой между руками.

Анатолий неразговорчив. Он внимательно изучает гостей, пока не решается, наконец, вступить в беседу. Наутро, привыкнув окончательно, ведет на просеку, где они с отцом и братом устроили завал из бурелома, чтобы не пропустить тягачи вахтовиков.

— Если они не остановятся, мы все выйдем с ружьями. Да, знаем, что они сильнее, что нас уничтожат. Но лучше погибнуть всем сразу, чем потом медленно вымирать...

Беглого взгляда на устроенный завал достаточно, чтобы понять: тягач легко отодвинет эту гору деревьев с дороги. Но Анатолий упрямо подтаскивает еще несколько сухих стволов. Потом он пытается развести костер, чтобы погреться, но моросящий дождь мешает ему. Тогда он поднимает свое широкое лицо навстречу мелким косым каплям и плачет от бессилия...

* * *

Поселок Русскинские начинался в конце тридцатых — начале сороковых годов на месте, где стояли чумы хантыйской семьи Русскинских. В самом разгаре была кампания по коллективизации народов Севера. В колхоз имени Сталина из-под палки сгоняли жителей стойбищ и велели заниматься диковинным, непривычным для них делом: косить, сажать картофель, выхаживать свиней и коров.

— Председатель был такой ленивый. Все время пьяный. День и ночь. И денег совсем не платил. Говорил: «Вы, ханты, все лодыри и жулики, идите отсюдова!» А мы в войну много работали. У-у-у... Рыбу неводом ловили — вывозить не успевали.

К своим оленям в тайгу не пускали. Колхозное стадо пасли, много тысяч было... Только мерли олени в колхозе сильно. Уполномоченный все ходил. Самарин. Лю-ю-ютый был. Кого арестовал, никто не вернулся. Отца хотел посадить, говорил, что мешок муки украл. Неправда это. Ханты никогда чужого не берет: самый большой позор. Застрелился отец, обиделся очень. Самарин все злобой мучился. Однажды медведя арестовал. Правда... Отвез в Сургут в наручниках, суд устроил. Приговор зачитал: казнить путем отсечения головы. Потом этот уполномоченный в другой поселок переехал, боялся нас. Там, говорят, похоронили его с памятником, пионеров водят...

По нашим скромным запросам поселок Русскинские можно считать вполне приличным. Улица заасфальтирована и кое-где даже освещается. Попадаются новенькие кирпичные дома... Впрочем, это не мешает человеку приезжему в прямом смысле слова умереть тут с голоду. Две недели не работают обе пекарни, на продуктовом магазине безнадежно висит замок. По официальной версии, все продавцы разом заболели. По неофициальной — наступила пора сбора грибов и ягод, и работники торговли решили заняться заготовками.

одобряет сложившиеся порядки. И продавцы, и работники пекарни — милейшие люди, за усердный труд он им даже благодарность недавно объявил и наградил тремя дополнительными днями к отпуску. Его жизнь течет легко и плавно, нигде не пересекаясь с обременительными заботами коренных жителей, хотя их под его началом вдвое больше, чем пришлых.

Прессу Александр Иванович не любит: «Чего разговаривать, идите в сельсовет, там сами бумаги смотрите».

В журнале регистрации смертей ханты, происшедших в этот год, значатся: четыре мальчика от двух до шестнадцати лет и годовалая девочка; пожилой охотник, застрелившийся весной на празднике рыбака; молодая женщина, погибшая от руки собственного мужа; парень, убитый в драке. Необъяснимое самоубийство молодого мужчины выстрелом в живот. Еще одно самоубийство, объяснимое: покончил с собой старый ханты, который лет десять назад зверски убил соседей по угодьям — отца и мальчика-подростка...

На хантыйском кладбище за поселком на каждую взрослую могилу приходится детская, чаще совсем крохотная. Подле безымянных сизых деревянных

на руки взяла — так и летела... Жалко, жалко их... Они ж, как дети, беззащитные, к нашей жизни никак приспособиться не могут.

Всякие проходимцы пользуются, спаивают их по-черному. Бутылку самогона на шкуру выменивают. Через эту водку проклятую они какие-то неуправляемые делаются. Кто в тюрьме, кто в могиле...

С ханты трудно общаться. Вроде бы вот они, рядом, и на вопросы отвечают, и в дом приглашают. Но понимаешь, что ты для них часть внешнего, чуждого мира, от которого они давно отгородились, в котором наотрез отказываются участвовать. Пытаться подстроиться под новые, навязанные силой порядки? Бесполезно, только нестерпимее станет чувство собственной неполноценности. Продолжать жить по-прежнему? Не выходит, привычный уклад без спросу нарушен, своему дому, своей земле уже не хозяин. Хорошо, что есть ширма, за которой можно спрятаться, никому ничего не объясняя,— водка.

Тогда картина сразу проясняется и положение не кажется таким уж безнадежным. Мало ли что способен вытворить хронический алкоголик? И себя сдуру порешить, и других в бессмысленной драке прикончить. Все вдруг стали агрессивными алкоголиками?

По пустым ветреным проулкам, кроме остервенелых собак, бродят заросшие щетиной мужики с пустыми мешками за плечами. Они приехали из тайги за продуктами. Те, кто живет рядом с поселком, могут наведываться за провизией часто. Зато беда тем, кто обосновался далеко. Они выбираются из своего медвежьего угла всего несколько раз в году.

Под козырьком магазина кое-как приладились прятаться от дождя двое. И утром, и в полдень, и в сумерках сидят они неподвижно у закрытой магазинной двери. Ждут. За последние полгода пятый или шестой раз приезжают Тимофей Иванович Кечемов и сын его Семен со своего стойбища, что в сорока километрах. Нельзя больше возвращаться домой ни с чем. В хозяйстве не осталось ни чая, ни папирос, ни соли. А в дальних стойбищах уже по-настоящему голодают, живут на одной прелой муке. Зверя и рыбы совсем мало стало, на семью не хватает. Ссоры пошли между соседями, никогда еще так тесно ханты друг к другу не жили. Не только драки — убийства участились. Про самоубийства и говорить нечего...

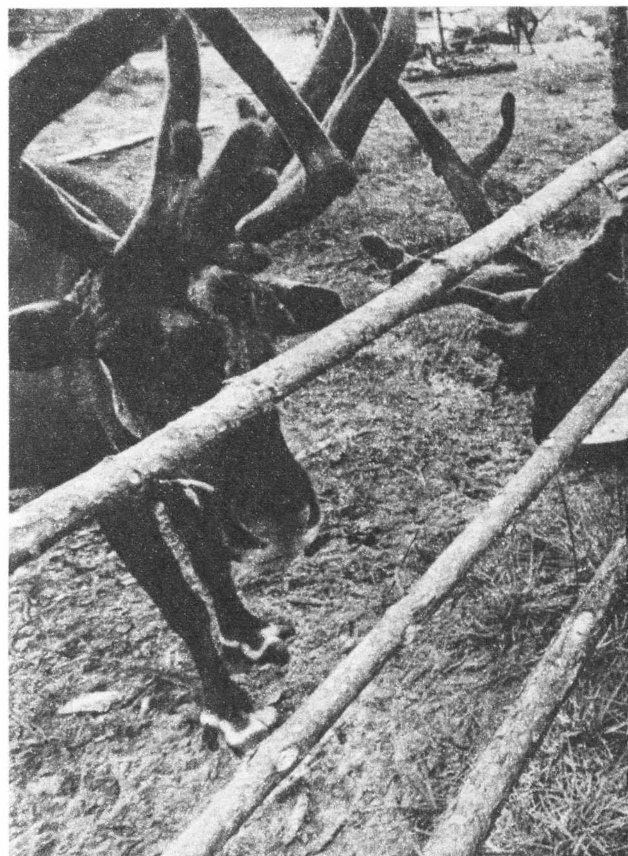
Ханты — народ терпеливый, ждать приучены. Только холодно неделю на ступеньках магазина ночевать. Не предусмотрено в поселке временное пристанище для кочевых жителей. Вернее, предусматривалось и общежитие, и даже отдельные домики, но отдано все геологам, вахтовикам. Видно, более важные они для поселка люди.

Председатель сельсовета Александр Иванович Кривых на редкость спокойный человек. Он вполне

склепов обязательно есть чайники и кружки, кое-где попадаются даже сани для оленьей упряжки. У тех, кто здесь лежит, все необходимое должно быть под рукой. Крест над могилой поставлен для кукушки, пусть она иногда сядет и прокукует на тот свет привет с родной земли.

Тамара Сидоровна Тэвлина проработала фельдшером в поселке всю жизнь:

— Лет тридцать назад у нас стариков полно было, теперь старше шестидесяти редко кого встретишь. Болеют сильно. У многих печеночный глист, от рыбы он заводится. У других туберкулез, да еще в активной форме. А живут-то в одном чуме по три-четыре поколения вместе, детей заражают. Вода у них из речки, по которой нефть плывет. Они же витамины привыкли получать из свежего мяса да рыбы, понимаете? А где столько взять? Да и не разрешают. Прошлый год двоих засудили только за то, что убили медведя шального, который напал на них... Деток ихних особенно жалко, многие не выживают. А ехать в город рожать не хотят, не привыкли. Очень уж они выдержанные, к трудностям приученные. Жалуются в самом крайнем случае, тем более рации в стойбищах нет. Даже точно не знаем, сколько их умирает. Ведь нам, чтобы смерть официально зарегистрировать, надо тело на экспертизу в Сургут везти, а они покойника не дают. По их обычаям, коли помер в тайге — хорони прямо там, на родовом кладбище. Еще и вертолетчики трупы возить отказываются. Одна мамаша своего мертвого ребеночка запеленала в одеяльце, ленточкой перевязала, как живого,

Так ведь организм у хантов иначе устроен, спиртное плохо усваивает...

Солидная экспертная комиссия западных ученых давно сделала вывод, что народности Севера в России обречены на вымирание. Однако прошли все прогнозируемые сроки, а они живут-таки, вернее, пытаются выжить, из последних сил цепляясь за жалкую, нищенскую свою действительность.

В старом коммунальном бараке в первой комнате направо растерянно сидит на полу Капитолина Васильевна. Крупный, упитанный таракан неспешно обползает рваный матрас, брошенный в углу, и направляется к немытым банкам и кастрюлям, сгрудившимся у ног старой женщины. Другой таракан так же неторопливо ползет по ободранным, в желтых подтеках обоям. Больше никого и ничего в комнате нет. Дети и муж Капитолины Васильевны давно умерли от туберкулеза, сама она после того, как зимой в тайге ее ограбили и раздели путепроходчики, с трудом сгибается в пояснице.

Через стенку в соседней комнате лежит на узкой железной кровати человек с парализованной рукой. Угрюмо и неподвижно смотрит он в потолок. К нему редко приходят гости — когда-то он убил трех молодых братьев из этого поселка, отсидел. Иногда по ночам из его комнаты раздаются глухие, невнятные крики, мешающие спать обитателям барака.

В двух тесных комнатах по другую сторону коридора оживленно. Черноглазая молодая Валентина в перерыве между запоями охотно возится с детьми. Сын и дочь в такие дни стараются наесться поплотнее, потому что во хмелю мама кормить их забывает. Третий малыш пытается встать на уродливые, бессильные ножки, но у него ничего не получается. В свои три года он ростом с годовалого ребенка и не умеет говорить. Двое других детей Валентины находятся в детском доме.

В поселке Русскинские идет обычная будничная жизнь...

* * *

Одно из самых страшных китайских проклятий звучит так: чтоб тебе жить в интересное время. Знавала ли история времена, более интересные, чем наши?

Отложенный на сентябрь референдум по Тяновскому месторождению не состоялся. В конце августа «Сургутнефтегаз» устроил в Русскинские сход коренных жителей и убедился, что ханты свою последнюю землю отдавать не собираются. Не желая идти на прямой конфликт, председатель Ханты-Мансийского окружного Совета Чурилов решил дипломатично перенести референдум на более поздний срок и за это время вовсю развернуть психологическую обработку населения.

Ну, сколько, спрашивается, можно жить в дикости? Пора переходить на вахтовый выпас оленей. А что тут такого? Бывшие кочевники смогли бы стать хорошими обходчиками трубопроводов. И одежда, и питание по нормам оператора-нефтяника. Пара валенок на четыре года, единовременно две тысячи рублей на работающего, тысячу на иждивенца... А за это позвольте попросить вас из вашего дома, вообще из вашей жизни, что вели вы тут тысячелетие. Ах, не хотите? Так ведь мы можем силой. Милицию привлечем или кого посерьезнее...

Не потому ли, кстати, переброшен в Тюменскую область Рижский ОМОН?

В сокровенном таежном месте возле молельного лабаза собирались ханты и приносили богу Торуму в жертву корову, прося его остановить белых людей, несущих в их край гибель, предотвратить надвигающееся кровопролитие. Развевались на ветру разноцветные лоскуты тканей, привязанные к веткам, с непокрытыми головами в расшитых бисером малицах стояли кругом мужчины. Их заряженные ружья лежали рядом...

— Самое страшное — нас приучили быть иждивенцами. Долгое время создавалась видимость, что о нас все вокруг сильно заботятся, мы должны только кланяться и с благодарностью принимать подачки. На самом деле все не так, конечно. Из нашей земли выкачивают две трети союзной нефти, а людей держат в нищете, на грани вымирания. Грабеж, ничем не прикрытый. Но попробуй теперь народ растормошить, вывести из апатии. Никто ни во что уже не верит, ничего не хочет. Молодежь по интернатам воспитывается, не то что родной язык — как чум выглядит, забывать стали. Словом, вся система работает на то, чтобы мы окончательно деградировали... Хватит с нас благотворительности, надо переходить к самоуправлению. Пока не поздно. Пока совсем не погибли...

Яков Сопочин с восьми лет жил без родителей, вдали от стойбища. Мать утонула, когда ему не было и двух месяцев, отец сам ушел из жизни семь лет спустя. В отличие от многих сверстников, оторвавшихся от дома, уехавших в город, Яков там не потерялся. Напротив, вырос, окреп, понял его правила и решил действовать. Год ушел на то, чтобы создать свое национальное арендное предприятие «Тром-Аган». Вокруг всевозможные кооперативы появлялись как грибы после дождя, но чтобы ханты открыл кооператив для своих соплеменников... Местная бюрократия встала насмерть.

— Конечно же, я им не нужен, потому что хочу у ханты рыбу, ягоды, пушнину скупать не за копейки, как сейчас коопзверосовхоз делает, а за нормальную цену. Буду тут же все перерабатывать и продавать. Пусть хоть ружья и сети себе хорошие купят, «Бураны». И вообще давно пора принимать статус о родовых угодьях, чтобы никто больше ханты грабить и прогонять с земли не смел.

Настороженно наблюдают за стараниями Якова ханты. Не опоздал ли? Будут ли силы подняться? Нет больше на свете иртышских, среднеобских, васюганских ханты. Совсем нет. На очереди обские, салымские, аганские, ваховские... Быстро пустеет окрестная тайга. Никогда уже в ней не встретишь стойбища Очимкиных, Минчимкиных, Каркатеевых, Сайгатиновых... Не осталось на земле следа от этих хантыйских родов, разве что на кладбище.

Спокойно и равнодушно смотрят они на нас из другого, параллельного мира, который больше никогда не пересечется с нашим.

Вслушайтесь: в расхристанном, оглушающем хоре суверенных наций, хмельных от полученной свободы, нет голосов малых народов Севера. Они пока не пришли на общий праздник. А может, уже не придут? Но каким смертельным, ледяным холодом веет от образовавшейся пустоты...

ОТЕЛЬ ПОД КОЛПАКОМ

Михаил ГОРБАНЕВСКИЙ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Была жара. Жара плыла. В июле было это. Или в августе. Или... В общем, человеку стало плохо: сердце. Это случилось на обыкновенной московской улице неподалеку от метро «ВДНХ» — Ярославской. На счастье, у одного из серых пятиэтажных корпусов, которые многим приезжим известны как гостиница «Золотой колос», стояло несколько машин «Скорой помощи» — «рафики» 30-85 ММЖ, 48-28 МКД, 48-29 МКД, «Волга»-пикап 72-79 ММЗ. Но везение оказалось для бедолаги призрачным: то были машины фальшивого Гиппократа, числившиеся не по медицинскому, а совсем по другому ведомству...

...О существовании учебного центра КГБ по подготовке и переподготовке специалистов из числа иностранных граждан я узнал как раз от иностранца — чилийского коммуниста. Настоящего имени компаньеро не ведаю, а Карлос Родригес и Хесус Фернандес были его псевдонимами, элементарной туфтой, рассчитанной на врачей и медсестер подмосковного санатория ЦК КПСС 28-А, что вблизи города Пушкино. Там чилийский боевик проходил курс лечения, а заодно и сбрасывал вес: возвращаться в Чили для продолжения вооруженной борьбы с хунтой ему предстояло через аргентинскую границу по новому паспорту. А для этого нужно было изменить внешность...

Я же в ту пору, осенью 1979 года, был аспирантом-лингвистом. Лестное предложение знакомого аппаратчика-латиноамериканиста со Старой площади поработать месяц переводчиком в цековском санатории меня обрадовало: большие гонорары при полном (и весьма неплохом!) пансионе для аспиранта — подспорье удачное. Мной заменили неожиданно заболевшего «своего» переводчика. Так я и познакомился с Хайме — такова была партийная кличка чилийца.

Водки и вина в санатории 28-А в ту пору было много, как, впрочем, и женского внимания. В перерывах между медицинскими процедурами и амурно-алкогольными мероприятиями мой чилийский подопечный делился впечатлениями о курсе спецподготовки, который он прошел на загородных базах КГБ, и о контактах с советскими чекистами. Там, в санатории, и в гостинице МГК КПСС «Краснопресненская», где Хайме жил после лечения, познакомился я и с некоторыми переводчиками и наставниками чилийца. Одного года через три-четыре выгнали из «конторы» за пьянство, но до этого он успел корешам порассказать немало любопытного. Судьба сводила меня и с другими работниками этого учебного центра КГБ, с преподавателями русского языка как иностранного...

Должен сделать небольшое отступление: не разделяю смешных или спекулятивных лозунгов типа «Органам государственной безопасности не по пути с демократией!». Их авторы либо по-детски наивны, либо эмоционально перевозбуждены, либо же просто политиканствуют. Аксиома: в любой нормальной демократической стране есть свои спецслужбы, разведка, контрразведка, подразделения по борьбе с терроризмом... Разумеется, многие из этих структур должны были защищать своих сограждан и свои государства от опасности, исходившей из СССР и стран коммунистического блока. Но разве только такую защиту обеспечивали ЦРУ, ФБР, АНБ, БНД, СДЕК, 2-е Бюро, СИС, МИ-5, МИ-6, МОССАД, ШИН-БЕТ и десятки других спецслужб мира?.. Нет, конечно. Я лично не питал к КГБ — в том числе и в связи с непростой историей своей семьи — образно говоря, теплых чувств... Однако уверен, например, и в том, что многостраничный Договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений между СССР и США вряд ли появился бы на свет без огромной, изматывающей работы советской и американской «контор» разведки и контрразведки. Хорошо это или плохо? Для нашего сурового и недоверчивого времени нормально и, увы, логично.

Любопытно и то, что во время военно-коммунистического путча в августе 1991 года первые постановления пресловутого Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР разными структурами КГБ (особенно многими региональными, областными управлениями России) восприняты были неоднозначно. Я уж не говорю о том, что несостоявшийся арест Ельцина, Попова, Лужкова (к даче Президента России колонна бронетранспортеров «опоздала» на 20 минут...) был связан с предупредительными акциями оставшихся верными России нескольких осведомленных о деталях переворота офицеров госбезопасности. Об этом, думаю, еще будет рассказано и написано...

Но это — исключение из общего правила. В целом же в годы так называемой перестройки вплоть до ее последних месяцев истинное лицо КГБ оставалось — пусть в тени или за изощренным камуфляжем — лицом извращения.

Щит и меч КПСС любил не только строить, но и экспроприировать. Оказывается, такое случалось не только на заре советской власти (когда городские и губернские-областные органы ВЧК забрали себе прекрасные особняки, а, скажем, во Владимире — целый православный монастырь...), но и совсем недавно. В конце 40-х — середине 50-х годов выстроили московские власти гостиницы «Золотой колос» и «Ярославская» — полтора десятка кирпичных пятиэтажных корпусов. Скромные отели очень помогли городу при проведении Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года, а позже — просто выручали и выручают Москву, давая кров и пристанище тысячам людей.

Нуждаясь в расширении и новых площадях, руководители КГБ присмотрели к концу 70-х годов аккуратный корпус № 6 гостиницы «Золотой колос». В один прекрасный день постояльцев из гостиницы выселили, кассу «Аэрофлота» аннулировали, а сам корпус закрыли на ремонт.

Споро и качественно провел ремонтные работы взвод солдат-строителей. Правда, уже тогда один наблюдательный житель Ярославской улицы обратил внимание: в петлицах бравых ремонтников поблескивали не трактора, а скрещенные молнии — эмблема войск связи, почему-то облюбованная еще и чекистами (обратите внимание на петлицы курсантов близ зданий учебных заведений КГБ на Ленинградском проспекте, улице Пельше, в других уголках Москвы...).

К отчуждению общенародного достояния в виде гостиничного здания в пользу государственного ведомства так или иначе имели отношение тогдашние руководители Москвы Гришин и Промыслов, а также недавний шеф КГБ и неудавшийся заговорщик Крючков. Вскоре отремонтированный гостиничный корпус уже обживали преподаватели (от взрывного дела до русского языка), переводчики и всякие нужные делу спецы.

Сам процесс преподавания шел на городских и загородных объектах, закрепленных за представителями какой-то одной страны (зачем же монгольскому чекисту контактировать с мексиканцем?). В самой Москве эти учебные помещения могли находиться в отеле «Пекин» (несмотря на название, с давних пор являющегося наполовину ведомственной гостиницей КГБ СССР), в полукруглом жилом здании «конторы» у Калужской заставы — площади Гагарина, строительство которого велось в свое время руками зеков (об этом можете прочитать у Солженицына в романе «В круге первом»); шли занятия и в других местах. На загородные точки преподавателей от условленных мест (например, от станции метро «Площадь революции») развозили на «Волгах» и микроавтобусах.

Не такой уж большой тайной был профиль таких загородных «пансионатов» для жителей близлежащих поселков и деревень. Тем более что при всей суперсекретности, бдительной охране и даже при наличии собак эксцессы иногда происходили самые невообразимые. Однажды ночью при включенной (!) сигнализации на объект то ли «Рябина», то ли «Береза» (сейчас уже всех рассказов моего знакомого переводчика и не упомню...) проникли деревенские подростки. Утащить они умудрились не только приглянувшийся магнитофон, но даже мопед и кое-что, как говорится, уже «по мелочи»... Лишь догадливость и настырность анискиных из местного деревенского отделения милиции помогла вернуть похищенное на секретный объект. ГБ в роли потерпевшего... Согласитесь — не слабо!

Бывали в учебном центре неприятности и покрупнее. В одну группу могли попасть не просто разные по характеру офицеры-иностранцы, а политические

оппоненты или попросту враги: на родине их для учебы в СССР отбирали повсякому. Так вот, в группу афганских гэбистов-ходовцев попали и «парчамовцы», и «халь343кисты» — представители разных соперничавших в НДПА группировок и, разумеется, разных национальностей. Политическими дискуссиями в Москве дело не кончилось: произошла трагедия. Одного афганского слушателя его «компатриоты», избив до смерти (жертве буквально отбили почки, печень, размозжили гениталии), выбросили из окна многоэтажного здания. Случилось это почти в самом центре Москвы...

За шестым корпусом гостиницы «Золотой колос» в ненасытное чрево КГБ ухнул — по той же схеме — и корпус № 3 гостиницы «Ярославская». При этом не только гости столицы лишились трех сотен дефицитных койко-мест. Потери понесли и местные жители. Правда — скорее моральные: в этом здании, на первом этаже, размещалась районная библиотека имени А. Фадеева, услугами которой пользовались обитатели всех близлежащих московских кварталов.

Вот уж воистину права была народная мудрость: «Цека цыкает, а Чека — чикает...» Чик! И нет гостиницы. Чик! Еще одной. Чик! Нет библиотеки...

Бывший шестой корпус «Золотого колоса» так и продолжает принадлежать «конторе». Не знаю, кого и чему учат сейчас педагоги учебного центра. Судя по газетам, прежних слушателей у них вообще не должно было остаться... А может, в ГБ начата какая-то своя конверсия? Впрочем, корпусочек-то в любом случае Москве надо бы вернуть... Господа чекисты! Не худо, говорю, койко-места народу возвратить! А?! Нет, не слышат... Меня и раньше-то только ребята из управления «З» (бывшего Пятого, которым до августа 1991 года руководил 45-летний красавец генерал Валерий Воротников) хорошо слышали. Да и то лишь по телефону — когда я беседовал с Владимиром Батшевым и Валерием Сендеровым из столь нелюбимых господином Крючковым Народно-трудового союза и издательства «Посев»...

Все на месте: сотрудники, столовая, охранная сигнализация (широко используемая при охране границ так называемая «система») на заборе, во дворе многочисленные машины — и свои, и служебные. Ну о фальшивых «рафиках» «Скорой помощи» я уже упомянул. Но и так «учителей» обслуживает солидный автопарк: «Волги» 31-11 ММЖ, 04-32 МОЦ, 08-11 МКО, 05-66 МОЦ, 74-84 ММЗ, 08-89 ММД, 02-97 МКО, 09-94 МКЖ, 09-95 МКЖ, 06-20 МОГ, зеленый фургон 14-63 МНК, «рафики» 48-50 МКА, 82-42 МКВ, 82-54 МКВ, 82-71 МКВ и т. д. Частные «тачки» не называю, дабы не травмировать обитателей здания. И вообще: это уже личная жизнь, вторгаться в которую не имею права — мало ли кто на чем ездит. Я вот на метро люблю...

Во время августовского путча по ночам это обычно пустовавшее здание на четверть было освещено изнутри: в кабинетах работали? Или ждали? Когда уже стало ясно, что переворот провалился, в ту самую ночь демонтажа и свержения на Лубянской площади памятника Дзержинскому, у входа в интересующий нас дом на Ярославской улице дежурил тяжелый трехосный грузовик — крытый ЗИЛ с номером 35-01 МКК... В 0.30 он продолжал ждать. Людей? Архивов? Документации? В любом случае, думаю с печалью, Указ Ельцина о передаче России архивов КГБ во многом носит уже лишь декларативный характер: как становится все более и более ясно, многие следы «контора» успешно замела.

Что же дальше?

Сдаваться на милость победивших в Москве «демократов» сотрудники «краснознаменного» учебного центра, думаю, не намерены. Чего им бояться? Разве что громких названий постов в новом правительстве Москвы? Слова «префект»? Или достаточно амбициозных планов новой власти? Во всяком случае, вряд ли они опасаются даже энергичного префекта учрежденного Северо-Восточного округа столицы (на территорию которого теперь попали гостиницы «Золотой колос» и «Ярославская») В. Г. Систера...

Были свои тайные службы и у прежних правителей России. Конечно, сравнивать их с разветвленной системой ГБ 90-х годов XX века просто невозможно. Однако — убеждаюсь! — у них немало общих черт. Московский подьячий Григорий Котошихин сбежал при царе Алексее Михайловиче в Швецию. Там этот, как сказали бы сотрудники генерала Воротникова, диссидент-невозвращенец написал книгу. Разумеется — о Русском государстве. Не обошел Котошихин вниманием и существовавшего тогда в Москве Приказа Тайных дел. Читайте, не правда ли — что-то знакомое слышится:

«Приказ Тайных дел, а в нем сидит дьяк, да подьячих с 10 человек; и ведают они и делают дела всякие царские тайные и явные... А устроен тот Приказ при нынешнем царе для того, чтобы его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные дьяки о том ни о чем не ведали».

Говорят что нынешние думные дьяки — уважаемые народные депутаты Москвы и России — хотят ведать о современном «тайном приказе» гораздо больше, чем их нестроптивые предшественники времен Брежнева, Андропова, Черненко и «раннего» Горбачева. Вот и первое упражнение на смекалку: кто из них на деле попробует прояснить все обстоятельства исчезновения в карманах советских спецслужб двух больших корпусов московских гостиниц? Так нужных столице и построенных, кстати, на народные денежки со-овсем для других целей...

P. S. Еще в июле 1991 года, до военно-гэбистского путча, дом № 8, корпус 3 по Ярославской улице (то есть бывший третий корпус гостиницы «Ярославская») — от КГБ перешел к новым владельцам, так и не став вновь отелем... То-то в нем весной-летом долго ремонтные работы велись! Потом в здание начали завозить оборудование, мебель, компьютеры. 4 июня, говорят, на рекогносцировку какой-то высокий чин на «членовозе» приезжал — на черной «Чайке» 18-09 ММЗ.

Окрестные жители в неведении томились недолго. Переход к рынку диктует новые, энергичные темпы жизни и работы — и вот уже в конце июля бывшая гостиница украсилась строгой черной вывеской: «Банк «ВОСТОК»...

По данным еженедельника «Аргументы и факты» (№ 29—1991), банк «Восток» входит в первую двадцатку коммерческих банков Советского Союза по оплаченному уставному фонду. Он у «Востока» составляет 167 миллионов рублей, а сумма активов (сведения о валюте баланса с учетом межфилиальных расчетов) — 2182 миллиона рублей (данные на конец июня 1991 г.). Правда, в том же досье «АиФ» в качестве местонахождения банка «Восток» указана... Уфа.

На этом мистерии Ярославской улицы не закончились. В начале августа у парадного входа здания появилась вторая вывеска: «Коммерческий банк «Экабанк» (о нем в досье «АиФ» вообще ничего не сказано).

И последнее: 1 августа в том же доме открылась Московская деловая библиотека. Создана она американской некоммерческой организацией «Фонд XXII век» (президент — Anthony Easton) и советской общественной организацией «Банк идей СССР» (председатель — Сергей Агапитов). Цель? Э. Истон полон энтузиазма: «МДБ станет источником необходимой информации прежде всего для начинающих советских бизнесменов, ориентирующихся на США...»

О деталях передачи (покупки? наследования? аренды?) здания банкам не ведаю. Тут нужны думные дьяки. Солидные, сметливые и беспартийные.

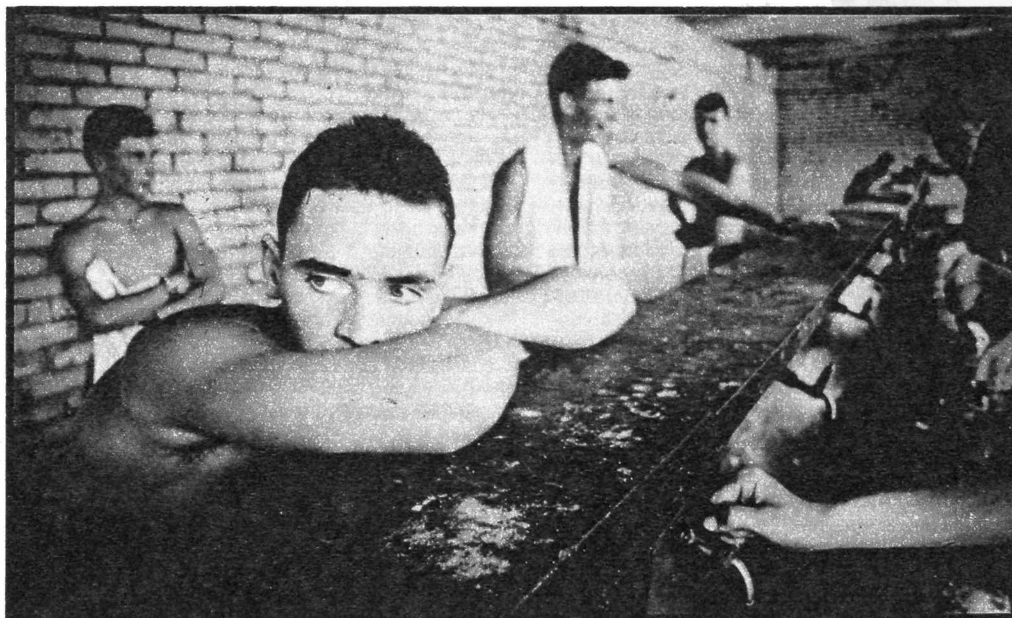
КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Юрий ФЕКЛИСТОВ.
Фото автора.

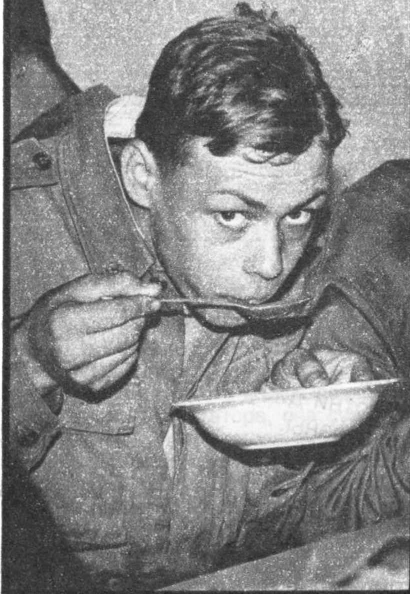
Эти снимки были сделаны в Ногинске, в Московском высшем общевойсковом командном училище имени Верховного Совета РСФСР, за несколько дней до путча. Ничто не предвещало грозы. Курсанты-старшекурсники были в отпусках, офицеры-начальники в свободное от службы время ходили по грибы, а новое пополнение проходило курс молодого бойца. Подъем в шесть утра, зарядка, туалет, учебные занятия по тактике, оружию массового поражения, уставы, строевая подготовка, физическая, обед, и все снова до самого вечера. Так куются офицерские кадры.

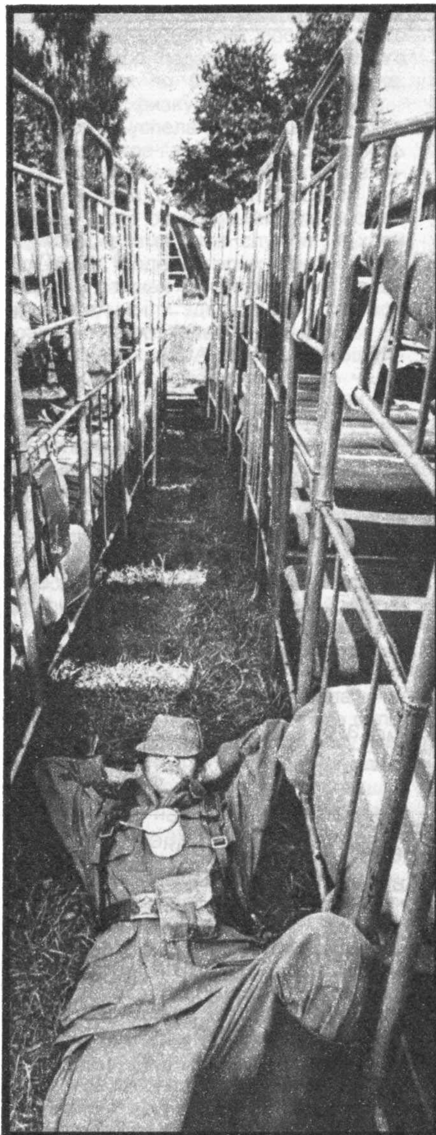
Не знаю, какой будет армия, когда эти молодые курсанты окончат училище. Но хотел бы одного: чтобы им никогда не пришлось поднимать солдат против безоружных людей и выполнять безумные приказы. Ведь один раз я видел курсантов этого училища — 28 марта этого года на Пушкинской площади, где они были выставлены против депутатов Верховного Совета России, имя которого носит училище. Не хочу, чтобы такое повторилось.

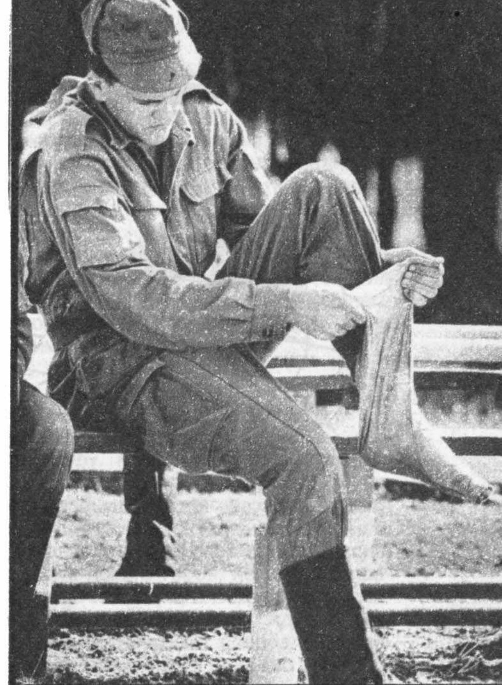

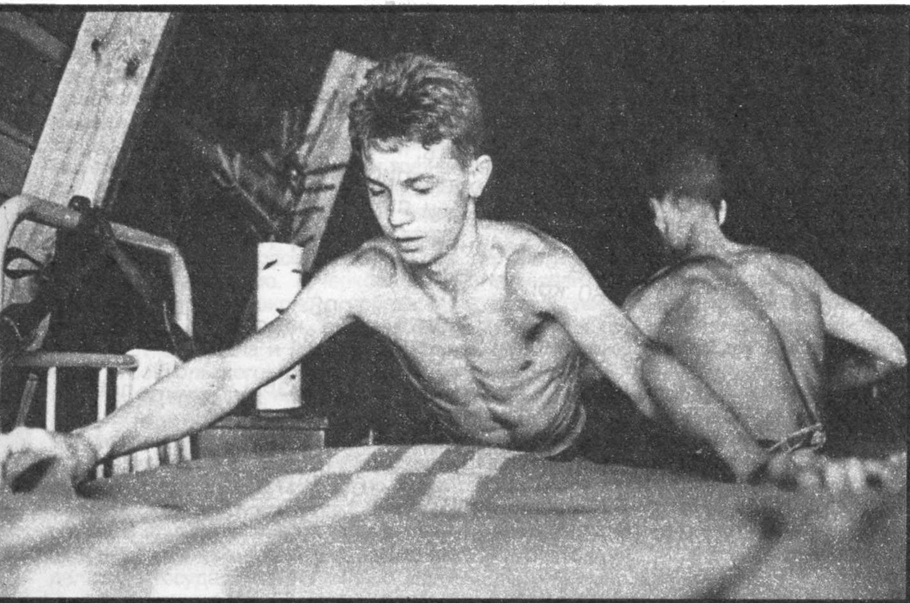

«WEST ЭКСПРЕСС» УМЧИТ ВАС К УСПЕХУ!

Впервые открыта свободная подписка на всей территории страны на ежемесячник «WEST ЭКСПРЕСС».

«WEST ЭКСПРЕСС» поможет найти друзей за рубежом и, самое главное, заработать доллары, марки, фунты. Это единственное издание на русском языке, которое уделяет так много внимания работе за рубежом и международным знакомствам.

«WEST ЭКСПРЕСС» гарантирует в каждом номере несколько десятков адресов иностранных фирм по трудоустройству и сообщает правила переписки с ними, дает образцы необходимых документов, конъюнктуру в сфере Вашей специальности, требования, предъявляемые к специалистам при сдаче на лайсенс. Все эти материалы готовятся для Вас фирмой «ВЕСТЭКС» — признанным лидером мировой имплоймент-информации.

Вы сами найдете себе работу, а оформить документы Вам помогут сотни дистрибьюторов фирмы «ВЕСТЭКС» на всей территории страны.

«WEST ЭКСПРЕСС» также гарантирует в каждом номере не менее ста адресов иностранцев по разделам: бизнес, хобби, переписка, брак. Кроме того, в каждом номере — обширный развлекательный блок:

— сплетни из жизни звезд шоу-бизнеса;
— оригинальные статьи о сексе;
— интимные советы женщинам и мужчинам;
— диеты — от лечебных до голливудских
и многое другое.

Подписка на «WEST ЭКСПРЕСС» — единственный способ учиться жить, работать и зарабатывать, как на Западе.

Только самые энергичные смогли подписаться на нашу газету на 1991 год и уже получают вызовы и приглашения за границу. Мы добились на 1992 год свободной подписки и более низких цен — всего 33 рубля 60 копеек на год (в 1991 году было 100 рублей за полгода).

Наш индекс во всесоюзном каталоге 51008.

Учтите: Вы не найдете «WEST ЭКСПРЕСС» в киосках — только по подписке.

Годовых подписчиков ждут сюрпризы и призы.

Требуйте подписку на «WEST ЭКСПРЕСС» в любом отделении связи.

«WEST ЭКСПРЕСС» отправляется в будущее.

Спешите занять места!

Организация продает быстро и по доступным ценам продукцию фирмы GOLDSTAR. Высший мировой уровень по самым низким для Вас ценам!

– ТЕЛЕВИЗОРЫ

– ВИДЕОТЕХНИКА

– МИКРОВОЛНОВЫЕ ПЕЧИ

– АУДИОТЕХНИКА

– ПЫЛЕСОСЫ, ХОЛОДИЛЬНИКИ И ДРУГАЯ БЫТОВАЯ АППАРАТУРА.

Организация осуществляет гарантийное обслуживание 1 год бесплатно, четыре года — за рубли.

Телефон в Москве — 928-00-30.

ПОКУПАЙТЕ ● ЧИТАЙТЕ ● ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

СТРАННИК

Русский литературно-философский иллюстрированный журнал.

Продолжает традиции писательской журналистики Пушкина, Чаадаева, Достоевского.

В редколлегию журнала входят писатели Галина Белая, Андрей Битов, Виктор Ерофеев, Анатолий Стреляный, Мариэтта Чудакова, а также видные философы, экономисты, политологи.

Учредитель и главный редактор — Сергей Яковлев.

В первых номерах печатаются пьеса Е. Замятина «История одного города», поэма Е. Шварца «Страшный суд», трагическая повесть Г. Демидова и святочный рассказ Б. Черных, статьи Л. Шестова, Д. Мережковского, Е. Чирикова, философские размышления о природе большевизма, о тоталитарном искусстве, о русском авангарде, интервью с И. Бродским, эссе А. Синявского о лагерном языке, письма Н. Толстого (отца Л. Н. Толстого), В. Короленко, В. Шкловского и другие произведения. Журнал иллюстрирован работами современных художников и мастеров фотографии, старинными гравюрами.

Внимание! В 1991 году выйдет 4 номера журнала. Для их приобретения направьте почтовую открытку по адресу: 119034, Москва, ул. Рылеева, 23, корп. 1, издательство «Странник». В открытке необходимо указать вашу фамилию и инициалы, точный почтовый адрес и нужные вам номера. Журнал высылается наложенным платежом. Цена первого номера — 4 руб.

Желающие подписаться на «Странник» в 1992 году (периодичность выхода — раз в 2 месяца, или 6 номеров в год, ориентировочная цена одного номера 8 руб.) должны до 1 декабря этого года: 1) выслать почтовым переводом аванс в сумме 25 руб. по адресу: Москва, р/с 468019 в Московском Морском акционерном банке, к/с 161309 в ЦОУ при Госбанке СССР, МФО 299112 (с пометкой: «Подписка на журнал «Странник»); 2) квитанцию о переводе вложить в конверт вместе с запиской, где указать фамилию, инициалы и точный адрес, и отправить по адресу: 119034, Москва, ул. Рылеева, 23, корп. 1, издательство «Странник».

Принимаются заявки от учреждений и торгующих организаций.

Начало на стр. 8.

ществования. Бесспорное доказательство того, что тоталитаризм обречен по определению, ибо из недр своих, невзирая на весь репрессивный механизм и планомерное оболванивание народа, рождает сопротивление, потенциальную себе погибель.

В литературу Абрамов не просто вошел — вломился, вызвав настоящую бурю. Статья «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» в «Новом мире» Твардовского при всей ровности интонации подвела жирную черту под всем увенчанным наградами «лакировочным» многопудьем бубеннових и иже с ними. И, главное, автор не просто указал на художественную несостоятельность «Кавалера Золотой Звезды» или «Жатвы» — указал на порочный принцип самого подхода лауреатов к теме и выразил сомнение в негативной оценке собственника как такового. Эта публикация, несшая, как теперь хорошо заметно, печать времени, стала (вместе со статьями М. Лифшица, М. Щеглова и В. Померанцева) причиной постановления «Об ошибках журнала «Новый мир» и отстранения Твардовского от руководства. А через несколько лет Абрамов — уже автор романа и книжки рассказов — снова попадает в историю. Очерковая повесть «Вокруг да около», вобравшая в себя все тенденции деревенского очерка от Овечкина и Дороша до Яшина и Троепольского, стала одним из последних прорывов иссякающей оттепели. В нехитром повествовании о хождении Анания Егоровича в проливной дождь по пустому селу, нищему и голодному (мотив ненастья прочно укоренился в деревенской теме, как и бесцельное кружение вокруг нерешаемых проблем), вынесен приговор аграрной политике государства: не только впрямую сказано о рабском характере колхозного труда как о причине всех бед, но и ясен исток — коллективизация. Повесть немедленно была переведена и выпущена дюжиной издательств, а зарубежный исследователь писал, что Абрамов превзошел Солженицына, который пишет о прошлом, а Абрамов говорит о настоящем, которое ничем не отличается от лагеря. Три десятка зубодробительных статей, отлучение на несколько лет от издательств и журналов — таков был итог. Плюс — письмо за подписью 21 земляка, людей, с которыми писатель жил бок о бок, голодал и холодал. «Не туда зовешь нас, земляк»,— утверждали односельчане. Евстолия Васильевна, Нина Афанасьевна и Александра Андреевна рассказывали, как это было, как собрали колхозников в клуб, зачитали письмо и велели подписывать. «Сегодня Абрамова разбираем, завтра — тебя»,— заявил одной из возмутившихся было женщин представитель областной газеты — тот самый, который потом писал трогательные статьи о мужестве знаменитого земляка. На родину Абрамов не приезжал несколько лет.

Потом Твардовскому удалось опубликовать «Две зимы и три лета». Следом вышли «Пелагея», «Алька», «Деревянные кони», и началась битва плечом к плечу с Юрием Любимовым за постановку спектакля по трем повестям в Театре на Таганке, и Абрамов кричал на важных чиновников из Министерства культуры, а потом репетировал без устали с артистами, читая нараспев и удивляясь, как потомственные горожанки Демидова и Славина сумели так точно сыграть северных крестьянок... А артисты вспоминали — и помнят до сих пор,— как в зале после «Деревянных коней» долго не пустели кресла, и москвичи, и приехавшие крестьяне молча думали об одном и том же, и это была единственная в то время реальная смычка города с деревней — смычка в очеловечивании, в неделимости добра и зла, несправедливости и счастья. Шел 1974 год. А в московской школе № 710 сугубо московские инфантильные и изнеженные школьники обсуждали «Альку», и расширялись для них границы мира, и обнаруживались нежданные связи, соединявшие прошлое и настоящее, далекое, казалось бы, и близкое, и пробуждались сонные души...

Наверное, мы слишком скоро торопимся забыть то, что удавалось и удалось нашей многострадальной литературе за прошлые десятилетия. Несмотря на чудовищную цензуру, на купюры и недоговаривания, на изматывающую борьбу с тенью диктатора, она сумела отстоять достоинство слова, представления о подлости и чести, о страдании и мужестве. Она помогла моим сверстникам становиться людьми.

4

День Артемия Веркольского, местного святого, отмечают 5 августа. Артемий, по преданию, был отроком, пахал с отцом в поле и во время грозы был убит молнией прямо на меже. В местном музее (где не все так плохо, как говорила Евстолия Васильевна) можно увидеть иконы, повествующие о житии Артемия и о совершенных им после приобщения к сонму святых чудесах и исцелениях. Мне больше вспоминается другая икона, скромно лежащая под стеклом в Архангельском музее изобразительного искусства, выполненная в несколько необычной манере, хранящей приметы наивного реализма: поле, борона, на которой отчетливо виден каждый узелок, убитый горем отец, павшая лошадь и рядом — ангел на огненной колеснице, стремящийся увлечь Артемия в белой рубахе на небо, к Богу. Эта икона более, чем житие и все комментарии, говорит о том, почему именно мальчик, ничем не известный, стал покровителем села, не книжник и не старец — обыкновенный деревенский ребенок, как память обо всех рано приобщившихся к тяжелому труду и рано ушедших деревенских детях. Вспомнился и праздник этот несколько лет назад, в деревянной часовне Артемия, на высоком берегу. В часовню вела тропинка, и с десяток женщин взобрались на щелье, дошли до часовни, убрали, как могли, внутри. В часовне, видимо, был амбар, помещение перегорожено клетьми, но сохранился деревянный крест и укутанный полотенцами деревянный гробик. Женщины по очереди доставали нехитрые подарки — рушник, расшитый собственной рукой, пирог или просто серебряные монеты — и неумело молились. Помню, как молодой кинематографист, некогда учившийся в семинарии, читал молебен (поступая, мягко скажем, не очень верно). И не верилось тогда, среди одиноких этих женщин, изливающих далекому Артемию свои обиды и слезы, что праздник, некогда шумный по всему Пинежью, вернется сюда.

О Веркольском монастыре написана была в начале века целая книга. Эта обитель слыла одной из самых чтимых на Севере, славилась как источник знания и благочестия. Из дальних селений стекались сюда богомольцы, останавливались в покоях, и странников охотно принимали. Монастырь имел к началу века две мельницы, траволечебницу, собственную электростанцию и водопровод. Иоанн Кронштадтский, ежегодно отправляясь к себе на родину в Суру, непременно останавливался, проплывая по Пинеге на своем корабле, в монастыре, ночевал и служил молебен.

Хозяйство, оставленное монахами, было таким крепким, что несколько лет после революции кормило едва не целый район, в том числе разместившуюся в его стенах сельскохозяйственную коммуну «Новый путь», которая существовала, пока не кончились монастырские запасы. Потом коммуна благополучно развалилась, остатки утвари и стену растащили на строительство и прочие нужды. Я три года назад застала в монастырском дворе гуляющую козу да кота, одиноко обследующего обвалившиеся перекрытия Успенского собора, судя по белеющей разметке, служившего физкультурным залом.

Теперь я успела заметить, что разметка еще кое-где осталась. Но в храме, который превратился из хлева в настоящий храм, с алтарем, высокой люстрой и даже очищенными для реставрации фресками, шла служба. И храм был полон людей, старых и больше молодых, и важные священники из Архангельска служили здесь вместе с отцом Иоанном, настоятелем, и разносился густой бас диакона. А назавтра отец Иоанн крестил сразу восемнадцать человек! Из Суры, Верколы, Ежемени, из Карпогор и Архангельска, крошечных младенцев и взрослых мужиков. Он совершал обряд, и свечки дрожали в руках новообращенных, и была в его лице подлинная гордость, как, наверное, у его древнего тезки, крестившего иудеев в Иордане.

После крещения все двинулись из церкви в Ежемень, к Артемьевой часовне. Под куполом собора прозвенели куранты, возвращенные в монастырь районным исполкомом, где они пребывали с 20-х годов, и загудели колокола, сначала как будто нехотя, потом все сильнее и звонче, разнося звук по лесу, над волнами Пинеги, на тот берег, и ликовал архангельский звонарь, привезший за умеренную плату колокола и решивший передать местным людям свое искусство. Отец Иоанн, высокий, молодой, в темной монашеской одежде, шагал впереди, как и полагается настоящему сельскому священнику.

Отец Иоанн появился здесь зимой, после неустанных хлопот вдовы писателя, Людмилы Владимировны. Приехал из Архангельска и долго ходил по деревне с четырьмя чемоданами книг и облачения, пока не перебрался на тот берег, где высились останки монастыря. Особенного интереса к нему в селе не проявили и на ночлег не позвали. На том берегу он нашел продуваемый ветром настоятельский корпус без дверей, стекол и печки. Спасибо соседям-староверам, приютили православного батюшку, накормили и помогли обосноваться. Свою службу отец начал с работы стекольщика и дворника. Служил в урочное время. Прихожан, кроме соседей, было негусто. Даже перед Рождеством, любимым его праздником. И как ни бодрился Иоанн, в новый год приехал в Архангельск, пал в ноги владыке — нет сил, верните назад. Владыка повелел остаться до Рождества. Людмила Владимировна звонила из Ленинграда: «Оставайтесь, отец Иоанн! Что вы — Сергий Радонежский в лесу один не испугался, а вы-то среди людей!» На Рождество неожиданно приехали люди. На машинах, на санях, по льду. Старые и молодые. И был праздник! Отец Иоанн остался. А весной пришла неожиданная помощь. Группа поисковых отрядов, собирающих материал о войне, завернула в Верколу. И районный стройотряд заявил, что на другие объекты пойдет, когда поможет отстроить монастырь («Комсомол разрушал, комсомол обязан и построить»,— как говорит легенда, заявил секретарь райкома комсомола). Отец Иоанн поселил отрядовцев в братском корпусе и повесил иконку над столом в трапезной. Горластые пионервожатые и комсомольские активисты на нее обращали внимание не слишком, зато полюбили отца Иоанна как родного и сделали вдесятеро больше того, что тот ожидал,— выгребли мусор, копившийся десятилетиями, застеклили собор, подкрасили, подштукатурили, соорудили алтарь, оборудовали настоятельский корпус. Все это — за время летних отпусков.

— Теперь надо баню сделать,— делился планами Валерий Качук, командир отряда (его семья, к слову, в полном составе находилась тут же),— и зимой будем приезжать помогать. Мы нашего батюшку не оставим.

Все вместе мы обедали в трапезной очень вкусной тушенкой с макаронами и пили чай с давно забытым привкусом пионерлагеря. Не знаю, из каких запасов и средств закупалась тушенка на тридцать человек, и знать не хочу. Знаю только, что работают здесь совершенно бесплатно.

— Это все молодежь. Нашего-то брата крепко от Бога отвернули,— говорил бывший учитель труда из соседнего колхоза «Новый путь»,— и рука-то не поднимется перекреститься.

5

Деревенская проза хлынула на нашу литературу, как очистительный весенний ливень. Она принесла с собой новое, необычное для разленившегося слуха слово, нарочито неправильное, и дыхание говоров всех краев России, принесла нового героя, не гордого преобразователя мира, а подчеркнуто аполитичного, органического; идее поступательного движения вперед она противопоставила идею вечного кругообращения жизни, без конца и начала. И женщину нашла не с комсомольским значком, а с подойником, рифмующуюся зачастую с коровой Рогулей, как Катерина у Белова в "Привычном деле». Проза эта сама была соткана из противоречий — восходила к «Районным будням» Овечкина и стеснялась его парторгов, начиналась с «Матренина двора» и никогда о нем не вспоминала, приближалась к грубым реалиям жизни и не могла отрешиться от романтизма своего необычного бунта против канонов соцреализма, невольно повторяя в романтизме своем путь поклонников Шеллинга, известных под именем ранних славянофилов, романтически мифологизируя святость народного существа и незыблемость патриархальных устоев. Авторы прекрасных повестей с течением времени уже не могли вырваться за рамки самими же ими созданных моделей — будь то Матёра или Тимониха, не замечая подчас, что уходящая под воду Атлантида крестьянства не так уж была свята и однородна, во всяком случае, не годится в образцы для современников. Стараясь следовать другой традиции и быть во главе нации, многие из писателей объявляли себя славянофилами, а на самом деле повторяли слова отнюдь не славянофила Н. Данилевского, утверждавшего незыблемость имперского начала, сильной государственности и противостояния Соединенным Штатам Америки. Это началось не сегодня и не пять лет назад. К концу 70-х стало очевидно, что единого потока «деревенская литература» не представляет. Проза начисто размежевалась с публицистикой, и даже среди прозаиков не было единства...

В 1979 году Абрамов выступил с открытым письмом к землякам «Чем живем-кормимся». Это маленькое выступление несколько лет находилось в гуще идеологических споров. Народный заступник и защитник обрушился не только на нерадивое начальство, но и на извечную пассивность самих крестьян. Собратья по перу в большинстве выступления не поддержали. «Для меня эта работа исключительно важна,— писал Абрамов,— знаю, она вызвала неудовольствие у братьев-славян. Да ведь мы с ними по-разному смотрим на народ. Они — на коленях перед ним, каждую мерзость готовы оправдать, а я — со счетом к народу. Я считаю, что в наших мерзостях немалая заслуга и нашего великого народа».

Народ в прозе Абрамова очень разный: на страницах практически каждого произведения мы встретим и праведника, и Иуду (мотив предательства и расправы над соседями очень часто встречается у него), мужественного и труса.

Где же проходит водораздел, где граница добра и зла по Абрамову? В душе каждого, считал он. И повторял известное утверждение самого авторитетного для него писателя — Льва Толсто-

го о том, что душевный труд каждого способен перевернуть мир. «С давних пор существуют два способа перестройки и улучшения жизни,— писал он,— путь социальных реформ и путь нравственного самовоспитания, нравственного самоусовершенствования, которое так усиленно и страстно проповедовал Лев Толстой... Исторический опыт показал, что одними социальными средствами невозможно обновить жизнь... нужен одновременно второй способ».

Народ, полагал Абрамов, состоит из многих уникальных личностей, каждая из которых в силах внести свою долю в усовершенствование мира.

И формулировал свою собственную задачу так: «Надо быть не правдоискателем, а правдоустроителем».

Говорят, что сейчас заканчивается время писателей — властителей дум. Что место займет трезвый профессионал, получающий по труду и не влезающий в духовные баталии. Может быть. Но, наверное, и в будущем останутся люди, заряженные геном «еретичества» и «правдоустроительства», чей талант и темперамент будут устремляться от уютного писательского кабинета в гущу забот и споров. И, быть может, это окажется не так плохо для всех нас. И для литературы тоже.

6

Житник пекут так: в деревянных мисках замешивают ржаную муку с яйцом, солью и маслом. Переворачивают на доску. В это время растапливают печь. Растопить русскую печь — дело особенное. Поленья надо накладывать крест-накрест, не близко, не далеко. Евстолия Васильевна показывает, как это делается, очень медленно, чтобы я запомнила, у дышащей, остывающей печи. Этой печи лет больше, чем свекрови Евстолии Васильевны, Анне, а той уже за девяносто. И все время пекли в ней житники да шаньги, пироги с рыбой, томили кашу и творог, грелись лютой зимой и рассказывали сказки, длинные, как зима, и красивые, как короткое северное лето. Здесь теперь сушатся теплые вещи, промокшие под дождем, и отборная черника. Чернику можно только сушить — сахар на душу дают по килограмму в месяц. Варенья не будет. Да и житников будет немного — муки по кило в месяц, не наугощаешься. Молока в магазине тоже давно нет. Видимо, оттого, что совхоз «Быстровский» производит молочную продукцию. Вспоминают, как несколько лет назад было в продаже прекрасное масло. Зато в новом магазине, кирпичном, напротив старого (закрыт на замок — все равно торговать нечем), есть яйца. И первый раз в сезон зеленые помидоры. Ценно, особенно если учесть, что рынка в радиусе сотни километров нет. Картошку каждый выращивает сам. А коров в селе, где пятьсот человек живет,— с десяток.

Фермера в Верколе нет. Ни одного. Почему? Да потому же, что и в других местах. Некогда этот край, несмотря на холод и болота, кормил пол-России и давал лучший в Европе лес, и строились дома величавые, на века, с конями из лиственницы на крышах, сулившими хозяевам непременное счастье.

Родина моя, почему мы такие? Почему дождь льет над тобой, застилая глаза серой сеткой, и нет исхода?

Я точно знаю: пока в этой деревне не будет другой жизни, мы нигде ничего не добьемся. Сколько бы ни было прекрасных слов и решений...

А на дне рождения Евстолии Васильевны — дай ей Бог здоровья — было весело. Ели вкуснейший житник, на который она такая мастерица, пили водку с клюквенным соком, закусывали соленым помидорчиком и шпротами, даже баба Анна поднялась. И пели за столом женщины удивительные протяжные песни, какие знают и слагают только на Севере. О невесте, отданной в чужую семью, об удалом молодце, о травке зеленой, по которой ходить — не находиться...

Галина ЯЦКИНА: «Я ЧЕЛОВЕК БЕСПОЩАДНЫЙ»

Анастасия НИТОЧКИНА

В последнюю ночь последнего Московского международного фестиваля мы мирно сидели в пресс-баре, болтали, потягивали кофе и вычисляли будущего победителя. И тут в бар ворвался член жюри Душан Макавеев, вцепился в мою собеседницу обеими руками и буквально на последнем издыхании прохрипел: «Срочно нужны три миллиона, Галя! Последняя надежда на тебя...» «Господи,— подумала я,— неужели венгерский режиссер, решив пошутить, ничего поумнее не придумал, как просить у советской актрисы три миллиона!»

Но это не было шуткой. Отдышавшись, Душан Макавеев прояснил ситуацию: «Мы в жюри придумали приз — победители из-за границы должны получить стартовый капитал на постановку совместных фильмов в размере миллиона рублей каждый. Классная идея?! А денег никто не дает! Галя! Спасай!»

И вот тут советская актриса Галина Яцкина меня потрясла. Она преспокойно ответила: «Идея хорошая. Три миллиона достану». Душан Макавеев вовсе не ошибся адресом. Он ведь обращался не к актрисе Яцкиной, а к президенту фирмы «Киноконтакт», которую Галя не просто возглавила, она ее и создала. Так она бизнесмен, т. е. бизнесвумен? Ничего себе.

* * *

А жизнь ее недурственно помотала. Когда-то, после «Слова для защиты» Вадима Абдрашитова, она стала лучшей актрисой года (как быстро все забывается!). В «Уроках французского» сыграла небольшую, но заметную роль, успех закрепился. В театре тоже все складывалось удачно — играла Офелию, Антигону, Катерину, одну из главных ролей в «Автограде-22» у Марка Захарова. И вдруг... пауза. Она уходит из театра, перестает сниматься в кино. Начинает писать диссертацию «Специфика работы театрального артиста в кино и на ТВ», защищает ее настолько громко, что тема диссертации становится обязательной дисциплиной в театральных вузах страны. Потом преподает во многих странах мира...

И вдруг снова резкий поворот в судьбе — Галина Яцкина создает собственную фирму. Гильдия актеров советского кино делегировала ей права внешнеэкономической деятельности. Артисты начинают называть ее «наш министр иностранных дел». Она занимается прокатом. Отправляет победителей актерского фестиваля «Созвездие» за границу, устраивает им там (не здесь!) творческие встречи с интеллигенцией, выступления на радио и ТВ. Рекламу в прессе. Да и сама вспоминает вдруг, что была актрисой,— и за последний год снимается в двух фильмах. В главных ролях...

В общем, передо мной сидела женщина удивительная. Романтическое создание на вид, деловая до жестокости в серьезном. В ее веселых глазах таилась печаль. От природы ли взгляд такой странный? От ролей осталось? Есть книга о ней, которая заканчивается словами: «самая яркая роль..., а из судеб героинь самая увлекательная и яркая — ее собственная жизненная судьба». С этого мы и начали разговаривать...

— Что за крутые жизненные повороты?

— Гороскоп виноват. Мой покровитель Марс — бог войны. Люди, рожденные под этим знаком, вечно мечутся, всю жизнь ищут себя. И после каждого виража им открываются новые горизонты.

— А вы бросили сцену, кино после того, как однажды утром взглянули в предсказания астрологов на следующую неделю?

— Да нет. И говорить о причине не хочется.

— Почему нет? Может, в случившемся с вами есть что-нибудь поучительное...

— Есть, наверное.

...Дело в том, что меня приговорили врачи. Еще в детстве я болела костным туберкулезом. С четырех лет была прикована к постели и первый класс закончила, лежа на спине. Потом с грехом пополам поправилась. Прошли годы, стала актрисой. Вышла замуж, встал вопрос о ребенке. Врачи категорически запретили рожать — могло начаться сильное обострение. Я не послушалась — о чем сегодня совершенно не жалею. Но самые худшие их прогнозы сбылись.

Все труднее давался каждый выход на сцену. Когда играла главную роль с Олегом Янковским в спектакле «Автоград», Марк Захаров ругал меня: «Почему не выходишь в конце спектакля на поклоны? Что за неуважение к зрителю?» Но разве я могла ответить ему, что, проведя два часа на сцене, к концу действия начинала хромать и не хотела, чтобы зрители видели меня в таком неприглядном

виде. Это сейчас я уже успокоилась, могу нормально об этом говорить.

А когда я стала лучшей актрисой года, то вместо поездок на фестивали, чтобы там получать лавры, или — как тогда говорили — «снимать пенки», загремела в больницу почти на два года.

— Вот тут-то и началась диссертация?

— А разве у меня был иной выход? Жить калекой? Смотреть из окна собственной квартиры на счастливые лица прохожих? Это я уже «проходила» в детстве. Ведь мои родители, как они позднее признались, смирились и только из-за этого решились родить второго ребенка. Они не учли того, что я сама захотела быть счастливой.

Мало кто знает, что все проходы в «Слове для защиты» снимались утром, потому что к обеду я уже начинала хромать. А в «Уроках французского» меня вообще привозили на съемки из больницы, забирая под расписку. Появляясь на площадке, я откидывала в сторону костыли и в мгновение ока запрыгивала на грузовик — пригодился первый разряд по гимнастике...

Но это вовсе не было волей или, как вы сказали, жизненной силой. Я была актрисой, хотела сниматься, играть. А врачи вынесли свой приговор: если не уйду из профессии — буду вынуждена после каждой съемки по два года лежать в больнице.

А кроме искусства я не могла ничем заниматься. Поступила в аспирантуру. И опять-таки никакая это не воля, а такое вышло стечение жизненных обстоятельств.

Я лежала в клинике Илизарова в Кургане и каждый день ходила заниматься в библиотеку с аппаратом на ноге, который весил шесть килограммов. Рядом со столом ставила маленькую скамеечку, чтобы ноге было удобнее. Любого человека при любых обстоятельствах не должно покидать желание удержаться на плаву.

Но испытание повседневностью подчас гораздо труднее, нежели экстремальная ситуация. Я знаю, я была на войне в Афганистане.

— Боже! А туда-то вас как занесло?

— А меня однажды спросили: «Ты когда-нибудь была в горячих точках?» Я ответила честно: «Нет, но очень хотела бы посмотреть, что это такое». Вот и поехала. Родители умоляли, плакали, не отпускали...

— Но зачем? Хотелось острых ощущений?

— Не только. Там хорошо платили. Своего рода плата за страх. А у меня... Я воспитывала сына одна, муж умер от инфаркта, когда я в очередной раз лежала в больнице. Ему было всего тридцать семь лет... У меня с деньгами всегда было скверно, и не на кого было рассчитывать.

— А на кого же вы оставили здесь сына?

— С ним оставались мои студентки. Никогда не забуду их помощь.

— В Афганистане было страшно?

— Что значит страшно? Не знаю... Страшно ли, когда тебя под ружьем водят на работу? Наверное, да. Страшно ли, когда нет свободы передвижения по городу? Страшно ли, когда от взрыва в соседнем здании тебя ударной волной отбрасывает к противоположной стене? Опять-таки, наверное, да. Но ведь я вряд ли бы полетела туда и во второй, и в третий, и в четвертый раз, если бы это было безумно страшно. В конце концов я привыкла. Даже к тому, что в гостинице постоянно выбиты все стекла — их просто не успевали вставлять.

Привыкание к войне — когда притупляются все чувства и аномальность воспринимается как норма — гораздо страшнее. Тем более, что остается в тебе на всю жизнь.

— И все же о выживании. Что это — особенность энергетики, заложенная от природы, характер, что?

— Я думаю: чем сильнее нас бьют, тем крепче мы стоим на ногах. И еще. Кого Бог любит, того и испытывает. Впрочем, жизнь гладкой не бывает. Может, и я когда-нибудь сломаюсь. С возрастом все чаще думаю об усталости. Хотя посмотрите вокруг! Сколько людей, которые в лагерях провели по пятнадцать — двадцать лет и выстояли, не сломались. И философское начало сохранили. И лица у них неозлобленные, светлые. Им было гораздо труднее, чем мне с моими мелкими житейскими неурядицами. Я ими восхищаюсь. И всегда о них помню. Может быть, потому, когда стала президентом фирмы и заработала денег, стала им, чем могла, помогать.

— Преподавать, очевидно, бросили?

— Нет. Постоянное общение со студентами, как ничто иное, помогает ощущать, как меняется время. Для меня молодежь не неожиданна, как для многих людей моего возраста. С каждым новым курсом замечаю: что-то меняется.

Когда перестану понимать молодых и доверять им — пойму, что старею...

— Вы уже прожили три жизни — актерскую, педагогическую, теперь идет деловая. Думаете останавливаться?

— Не знаю. Бизнес — тяжелая и изнурительная работа. Но прекрасная. И самая азартная. Чистой воды наркотик! Кроме того, радует, что в бизнесе сегодня нет первых — все непрофессионалы, все одинаково учатся, набивают себе шишки. Бьешься, бьешься, но в результате же что-то получается. Когда-то я мечтала финансировать картины, и мне казалось, что это совершенно недостижимая цель. И сегодня вот подписала договор с объединением Карена Шахназарова «Курьер» о совместном производстве фильма, который стоит более полутора миллионов. Стала сопродюсером всего лишь через год после открытия «Киноконтакта».

— Почему вы бизнесом-то занялись? Из желания хорошо зарабатывать и жить по-человечески или...

— Цель в бизнесе — не зарабатывание денег. У настоящего бизнесмена денег всегда намного больше, чем нужно ему, чтобы жить хорошо, даже роскошно. Не надо путать делового человека с рантье. У многих мечта именно о жизни рантье. А я поняла, что наступает новая эра — эра деловых людей. И если у тебя есть силы рискнуть и кинуться в эту пучину, словно в горную реку, без оглядки,— то нужно это делать. Потом будет поздно — все свободные места окажутся занятыми...

А началось все с того, что я вышла замуж за иностранца. И, будучи просто женой, готовя пироги, принимая гостей, слушая разговоры, я жутко начала скучать, потому что поняла, что способна на большее. «Пора от пирогов переходить к делу»,— решила я. Вот и все.

— Не поэтому ли брак распался?

— Нет. Просто любому иностранцу жить здесь очень нелегко.

— Но ведь так прост был другой выход — вам уехать туда. Многие об этом мечтают. Каких только способов не изобретают!

— Я из этой страны никогда не уеду. Не поверите, но, когда уезжала к мужу в отпуск, дни считала до возвращения. А то и билет брала раньше срока.

За границу стремятся люди, которые там либо вообще не жили, либо выезжали крайне редко. (Я не беру деятелей искусства и литературы, которым здесь просто не давали работать.) Я же объехала 22 страны — бывала в командировках, преподавала. Я все знаю — от коррид и самых роскошных гостиниц до клоповников и трущоб. Меня ничем уже не удивишь. Будучи студенткой, жила в подвале на улице Горького. Будучи замужем за бизнесменом, жила в отеле «Хилтон».

Там я работаю с удовольствием, и меня довольно часто приглашают, потому что я действительно умею «лепить» артистов. Я в этом деле — «краснодеревщик». Но, даже получая валюту, не чувствую себя там «своей». Меня тянет обратно, в контору. Муж считал, что я ненормальная.

— Да вы вроде бы производите впечатление здорового человека...

— Однажды мы с мужем и сыном были в Испании. Зашли в дорогой ресторан. Они заказали лангустов. Я увидела цену и поняла, что на эти деньги можно кормить у нас семью из пяти человек в течение недели. Я отказалась есть этих несчастных, ничего не подозревающих лангустов только потому, что моя страна голодает. Так и сказала мужу. И по магазинам не могу там ходить, потому что мне всюду мерещатся наши бедные женщины с кошелками. Вместо восторга — страдание. Разве это нормально?

— Не знаю... Если хоть кому-нибудь из нашей чудовищной страны удается пожить нормально — разве плохо?

— Вы правы. Поэтому и не осуждаю уезжающих. Обидно, что беднеет культура, и Майя Плисецкая горько признается, что здесь она никому не нужна. У человека всего одна жизнь, и, если мы не можем создать ему нормальных условий для работы, для творчества — значит, мы виноваты, и он вправе сказать нам последнее «прости».

— Не понимаю, почему вы берете вину на себя?

— Так я же здешняя, я часть этой страны, этого народа. Значит, и моя вина.

— Не кокетничаете?

— Зачем? Это не кокетство. Это один из моих недостатков, которым порой мучаюсь. Я человек беспощадный. И к себе, и, к сожалению, к окружающим. Уезжая из Кургана, я спросила Илизарова: «Что вы можете мне пожелать?» Он ответил смеясь: «Галя, вы беспощадны к себе, поэтому поберегите хотя бы ногу, которую я вам сделал».

Очень часто даже перед работниками своей фирмы я ставлю планку, которую некоторые взять не способны. Поэтому со мной трудно работать.

— Ваша фирма очень молода, ей всего год. Но вы уже занимаетесь благотворительностью, помогаете церкви...

— Я чувствую свою вину перед церковью — конкретно перед Храмом Живоначальной Троицы в Голенищеве, что рядом с «Мосфильмом». Когда-то этот Храм был одним из самых красивых и богатых в Москве. Но все украли, когда Эйзенштейн снимал «Ивана Грозного». Иконы долгое время «жили» на студии. Но потом, видимо, нашли пристанище в квартирах кинематографистов. Церковь пришлось закрыть. Потом, совсем уже недавно, открыли. И вся церковная утварь, которая там есть, принесена была старушками-прихожанками из дома.

— Но вы же женщина. Значит, должны быть мягки, сентиментальны в чем-то. Или женщина и бизнес — вещи несовместимые?

— Конечно. Это совершенно не женское дело. И у женщин, занимающихся бизнесом,— лишь оболочка женская.

— И у вас?

— Я не исключение. Я работаю наравне с мужчинами, если не больше. Прихожу в контору к 10 утра, ухожу в 10 вечера. Кроме того, когда имеешь дело с деньгами, совершенно меняются психология и склад ума. Мыслить начинаешь по-мужски. Когда я только пришла в бизнес, панически боялась цифр, бухгалтерии, всевозможных счетов. Сколько раз меня предавали, обманывали. Моя деятельность началась с того, что у меня просто-напросто украли 30 тысяч. Теперь знаю, и сколько пленка стоит, и почем аренда земли, и что такое трудовое соглашение и различные договора.

— То есть женщинам вы не советуете посвящать себя бизнесу?

— Если хочется — ради Бога. Только надо сразу усвоить — женщиной быть вы перестанете.

— Ваш облик романтической женщины как-то совсем не вяжется с деловой хваткой.

— Я — романтическая женщина? Настя, вы что-то путаете. Мои студенты называют меня «айронледи» — железная леди. Есть такая заповедь: если ты умный, никогда не показывай, что ты умный. Если ты сильный — никогда не демонстрируй силу. Старайся развить в своей внешности то, чего не хватает твоему характеру... Вот и все противоречие.

А в бизнесе, кстати, я каждый день должна быть элегантно одета, хорошо выглядеть...

— Чтобы пользоваться женскими чарами?

— А как без этого? Это же часть успеха. Бизнес вообще наполовину строится на личных контактах. А значит, и на личном обаянии и доверии. Разве смогла бы я ночью за три часа достать три миллиона, если бы не знала лично управляющего банком «Восток» Снегирева и не смогла бы его убедить в необходимости и даже престижности затеянного мероприятия? А кроме того, разве мужчины-бизнесмены — бесполые существа?

— Вы говорили, что у вас первый разряд по гимнастике. Вы сейчас поддерживаете себя в форме?

— На это нет времени. Меня природа бережет — дает возможность не соблюдать диет. При этом размер талии остается неизменным — 62 сантиметра. Но я прекрасно сознаю, что моей заслуги в этом никакой. И у косметички не была ни разу в жизни.

— Ну, это уж совсем странно для актрисы.

— Увы, просто жаль времени. У меня теперь одна мечта: чтобы однажды кто-нибудь подарил мне на день рождения рецепт продления суток. Двадцати четырех часов мне катастрофически не хватает, хоть и сплю из них всего пять. Жесткий режим позволяет забыть о косметичках, массаже и прочих приятных процедурах. И даже ледяная ванна, в которую я ложусь каждое утро в любую погоду,— всего лишь способ не заболеть. Семь лет в общей сложности я была прикована к постели — теперь наверстываю упущенное. И, наверное, слишком потребительски отношусь к своему организму. Но ведь «сознательно беречь себя — равносильно самоубийству».

— Неужели не хочется отдохнуть когда-нибудь?..

— Однажды муж мне сказал: «Неужели ты не можешь, как все нормальные женщины, хоть раз в жизни обмотать голову полотенцем и притвориться больной?» Конечно, как любому человеку, мне хочется и тепла, и ласки. Но, видимо, судьба у меня такая...

— Мы сами творцы своей судьбы.

— Я по природе, видимо, одиночка. И в жизни рассчитываю только на себя. Поэтому и тяжело со мной. Мужчины, которые когда-либо находились со мной рядом, видимо, всегда чувствовали этот заряд независимости.

— И приходилось за это расплачиваться?

— А я оптимистка. Верю в хороших людей. Нельзя озлобляться. Верю, что моя фирма будет существовать долго-долго, что я создам независимую киностудию или компанию. Верю, что у меня будет много-много денег и я смогу пригласить на работу Климова, Смирнова, Соловьева и прочих самых талантливых режиссеров.

Сейчас я организовала курсы, на которых учатся 52 студента из разных стран — Англии, Франции, Америки, ФРГ. Изучают русский язык и русское искусство. Для меня это своего рода пристрелка. Мечтаю о частной театральной школе. И она у меня тоже обязательно будет.

Так что в планах я — романтик. Без этого бизнесом заниматься, может быть, и противопоказано.

— Так вы все-таки — романтик?

— Лишь в том смысле, что хочу летать, а не ползать по земле.

ВЕРНЕТСЯ ЛИ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК?

Константин СМИРНОВ

Я люблю твердые знаки. Поставленные в конце слова после финальной согласной, они каким-то мистическим образом вдруг окунают меня в милую атмосферу исчезнувшей когда-то России, во времена моей бабки, извозчиков, конки, живых картин, домашних театров, филипповских калачей, пожарной команды с колоколом и тому подобных примет дооктябрьского житья. Но, потянув в прошлое, они по какой-то неизвестной причине не топят меня в глубине времен, где-нибудь в «золотом» веке русской культуры с его кринолинами и эполетами, гусиными перьями и киверами, буриме Василия Львовича и забавами его племянника. Я вечно застреваю на рубеже XX-го, где-то в 900-х годах, и твердый знак, словно немой свидетель любимой эпохи, кажется мне не послушной советскому новоязу рядовой буквой, вроде его мягкого коллеги, а таинственным масонским символом, чудом уцелевшим в перипетиях нашей горестной истории.

Тем большую нежность испытываю я к названию «Московское товарищество «Дягилевъ Центръ», ибо все его составляющие понятия и слова, их обозначающие, само их начертание переносят меня почти на девяносто лет назад, в те самые дорогие сердцу времена.

Но почему Дягилев? И это, заметьте, в наше-то время, когда следование по стопам Елисеева, Филиппова или, скажем, моего однофамильца Петра Смирнова куда перспективнее для человека с капиталом и деловой хваткой — спрос на колбасу и водку в последние семьдесят с лишком лет сильно превышает спрос на культуру. И все же, как выясняется, и в нашем Отечестве существует еще не изведенная до полного исчезновения порода людей, готовых вкладывать в культуру силы и средства, что, согласитесь, странно. Впрочем, странным это кажется лишь при первом приближении. И что поделаешь, если мы давно приучены жить в извращенной системе координат, когда любое благое дело, не приносящее дивидендов или, того хуже, заранее гарантирующее некий убыток, неизменно рассматривается окружающими как далеко идущие планы надувательства ближних.

Вот, например, что говорит по этому поводу «Словарь иностранных слов», вышедший из-под пера группы авторов в издательстве «Русский язык» в 1979 году. По мнению этой группы, культуртрегер — это «ироническое название человека (обычно колонизатора), прикрывающего свои корыстные, захватнические цели маской распространения культуры, просвещения».

Если же оказывается, что намерения все же были чисты и человек потратил деньги и силы исключительно из высоких побуждений, такое его поведение объясняется исключительно природной дуростью, а уж никак не величием души...

Опасаюсь, что именно в таком контексте воспринимаются многими из тех, кто знает о существовании «Дягилевъ Центра», дела этой фирмы. В самом деле, чего ради, спрашивается, стоило затевать конкурс имени Дягилева среди юных исполнителей? Причем если кто-то думает, что участники конкурса, сиречь «юные исполнители»,— это ближайшие выпускники консерватории или каких-то других прославленных «оранжерей», где произрастает слава отечественной музыки, что в ближайшее время они будут лауреатствовать на мировых музыкальных смотрах и таким образом ширить славу «Дягилевъ Центра», как бы давшего им путевку в жизнь, то этот «кто-то» сильно ошибается. «Юные исполнители» — это мальчики и девочки самого нежного возраста; до творческой зрелости им еще очень далеко, так что связывать с новоявленными лауреатами новоявленного конкурса какие-то честолюбивые замыслы по крайней мере наивно, чтобы не сказать глупо, что и возвращает нас к вопросу о ... . Но если к сказанному добавить, что победители были отмечены весьма дорогими призами вроде импортной аудиоаппаратуры и снабжены приличествующей инфляции стипендией на оставшиеся годы учебы, впору все же задуматься о надувательстве — ведь и дурость имеет свои пределы...

Ну хорошо, пусть будет конкурс, это в конце концов событие единовременное. А вот для чего «Дягилевъ Центру» балетный лицей? Что они, государь император Александръ I? Тем не менее дягилевцы отремонтировали школу, пригласили преподавателей, набрали лицеистов — с этим-то придется возиться долгие годы и вкладывать, вкладывать...

А всевозможные благотворительные акции вроде бенефиса Вахтанга Чабукиани или, скажем, мартовских гастролей группы американских танцовщиков? Они приехали во время отпуска, приехали, чтобы выступить бесплатно. И даже при высокой цене билетов дягилевцы, конечно же, прогорели — прибавьте к деньгам на проживание и на кормежку гастролеров аренду Кремлевского Дворца съездов — и дебет никак не сойдется с кредитом...

Наконец, последнее событие, к которому наш журнал имеет прямое касательство,— выставка скульптора Даниэля Митлянского «Моя Европа», отражение которой вы можете лицезреть на цветной вкладке. «Дягилевъ Центръ» провел ее совместно с Оргкомитетом Конгресса памяти Андрея Дмитриевича Сахарова и редакцией «Огонька». При этом все затраты и львиная доля организационных забот легли на плечи московского товарищества «Дягилевъ Центръ».

Помимо перечисленного, «Дягилевъ Центръ» активно вкладывает деньги в съемки фильмов — две картины уже закончены и одна находится в запуске. А впереди — съемки пятисерийного телефильма о жизни Дягилева, всероссийский конкурс молодых артистов балета, посвященный 120-летию Сергея Павловича, и, наконец, монументальный проект возрождения главного дела жизни Дягилева — Русские сезоны.

Для чего все это в наше бесштанное время, когда все предпочитают делать деньги, и уж если вкладывать, то в вернейшие предприятия? Откуда взялись эти культуртрегеры в эпоху всеобщего развала?

Среди тех, кто стоял у истоков «Дягилевъ Центра», нет ни одного человека искусства или хотя бы искусствоведа: скажем, президент товарищества Юрий Любашевский — социолог, кандидат наук, когда-то преподававший в Академии народного хозяйства. Очевидно, именно это научное прошлое определило приоритет его интересов — много лет назад он стал коллекционировать книги. Вообще же его всегда мучило желание каким-то образом воздействовать на ситуацию в области отечественной культуры, что в те времена даже для профессионала было явлением чисто абстрактным. А что мог сделать он, преподаватель марксистской теории, зажатый в стенах оплота «научной» мысли правящей партии?.. Но желание это оставалось, он делился с приятелями, и они, бывало, предавались бесплодным мечтаниям о том, какие бы книги они издали, чем бы занялись, будь на то их воля и, понятно, деньги.

Отравившись, как говорится, дерьмом в общественных науках, будущий президент бросил научную карьеру и ушел в альтернативную экономику, как это теперь называется. Уход этот обошелся ему недешево — он побывал под судом и во время следствия посетил ДОПР... Но этот штрих стал лишь досадной деталью в биографии Любашевского, несколько месяцев заключения ни в чем не изменили его намерений: во-первых, заниматься делом, во-вторых, стать независимым и, в-третьих, остаться верным себе.

Они начали с коммерции. Была образована ассоциация «Ветер», занимающаяся медико-биологическими исследованиями по оригинальной программе. Затем появился партнер — кооператив «Контакт-культура», специализирующийся на издательской деятельности. И, наконец, 18 апреля прошлого года родилось московское товарищество «Дягилевъ Центръ», учредителями которого стали две упомянутые коммерческие структуры и сам Юрий Любашевский.

К этому времени он добился финансовой независимости, позволяющей безбедно существовать, занимаясь избранным делом. Таким делом стало для него культуртрегерство.

По глубокому убеждению Любашевского, подобные занятия чрезвычайно... прибыльны. Прибыльны по той простой причине, что участие даже в убыточной акции престижно. Ведь каждое такое мероприятие — это пусть и небольшой, но вклад в российскую культуру, это возврат к забытым традициям русского меценатства, это, наконец, реализация естественного человеческого желания делать добро. И, конечно, отличная реклама. Все это продемонстрировали уже первые инициативы «Дягилевъ Центра».

На обязательных по нашим нынешним меркам презентациях к Любашевскому наперебой обращались предприниматели, коммерсанты, представители банковских кругов с предложениями финансовой помощи в любых начинаниях, будь то гастроли, благотворительные акции, конкурсы или выставки. Таким образом, «Дягилевъ Центръ» может спокойно смотреть в будущее — оно видится вполне обеспеченным. А будущее — это в первую очередь возобновление знаменитых дягилевских Русских сезонов, поражавших западноевропейскую общественность на протяжении двадцати лет, вплоть до конца 20-х годов.

Кем был Сергей Павлович Дягилев? Сегодня его назвали бы выдающимся синтетическим продюсером.

«Дягилевъ Центръ» пытается идти той же дорогой, расширив, впрочем, сферу деятельности. Скажем, Дягилев никогда не занимался кинематографом, вероятно, по той причине, что в начале века это искусство было еще в детском возрасте. Его современные последователи активно работают с кино, считая, что их предшественник обязательно сделал бы то же самое, поскольку, как известно, «из всех искусств для нас важнейшим является» именно оно. А недавно товарищество стало соучредителем газеты «Экран и сцена».

Вообще надо сказать, что любое дело, которое они затевают, неизменно начинается со своеобразной оглядки на фигуру Дягилева — стал бы он заниматься той или иной акцией, входило ли это в сферу его интересов? Такой подход, вероятно, сужает область приложения сил «Дягилевъ Центра». С другой стороны, нельзя объять необъятное. Впрочем, жизнь невольно заставляет их делать определенные шаги в сторону от «чистого искусства», адептом которого считался Сергей Павлович Дягилев: еще несколько месяцев назад насквозь политизированная, репортажная, в чем вы можете убедиться сами, взглянув на нашу вкладку, выставка Даниэля Митлянского никак не укладывалась в рамки деятельности «Дягилевъ Центра». После августовских событий товарищество с жаром принялось за подготовку экспозиции, поняв, что башне из слоновой кости перед танками не устоять.

РОССИЯ — ЕВРОПА — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Скульптор Даниэль Митлянский только что завершил цикл работ «Моя Европа». На мой взгляд, это своего рода событие в текущей художественной жизни. Грандиозный по своим масштабам — десять групповых композиций со множеством фигур и предметных деталей в каждой — цикл Митлянского причудливо соединяет в себе философские раздумья и бесшабашно-карнавальное веселье, радость и горечь, почтенную традиционность и смелые новации, устремления в вечность и отклики на злободневные события.

Тематически каждая группа связана с определенной страной Европы, ее жизнью, людьми, характерными чертами. Прежде всего это Россия — с типичными ситуациями буквально последних месяцев: и наши бурные диспуты в «эйфорической» атмосфере «возвращенной» свободы, и даже «Баррикады», созданные буквально по горячим следам (здесь Митлянскому помогал молодой монументалист А. Асерьянц, непосредственный участник трехдневных бдений у «Белого дома»).

Другая часть «российских» скульптурных композиций посвящена коллегам и друзьям Митлянского — замечательным московским интеллигентам, подвижникам и творцам. Название одной из таких групп — «Мы», — пожалуй, подошло бы ко всем портретам этой серии, исследующим «человеческое измерение» нынешней России.

При всей серьезности творческой задачи Даниэль Митлянский никогда не сбивается на высокопарную риторику. Он обладает счастливым (а в искусстве ваяния еще и редчайшим) даром иронии; о серьезнейших, порой драматических коллизиях повествует с затаенной улыбкой, подмечая в людях милые несуразицы, нескладность, самозабвение, отбрасывающие всякую натянутость и внешнюю представительность.

Все работы Митлянского — и «российские», и «Франция. 14 июля 1989 года», и «Италия. Рим», и «Испания. Семейный портрет в интерьере», и «Англия. Рождество в семействе Крокер», и «Еврейский театр Соломона Каца» (вне определенной страны) — объединяет стремление увидеть и показать сегодняшний мир и наших современников с позиций всеобщности, единых и высших начал жизни.

Цикл Д. Митлянского «Моя Европа» нашел достойную выставочную оправу. Его, так сказать, премьеру организовали московское товарищество «Дягилевъ Центръ», Оргкомитет Конгресса памяти А. Д. Сахарова и журнал «Огонек» в рамках III совещания постоянно действующей «Конференции по человеческому измерению», которая ставит своей главной целью помогать безопасности и сотрудничеству в Европе.

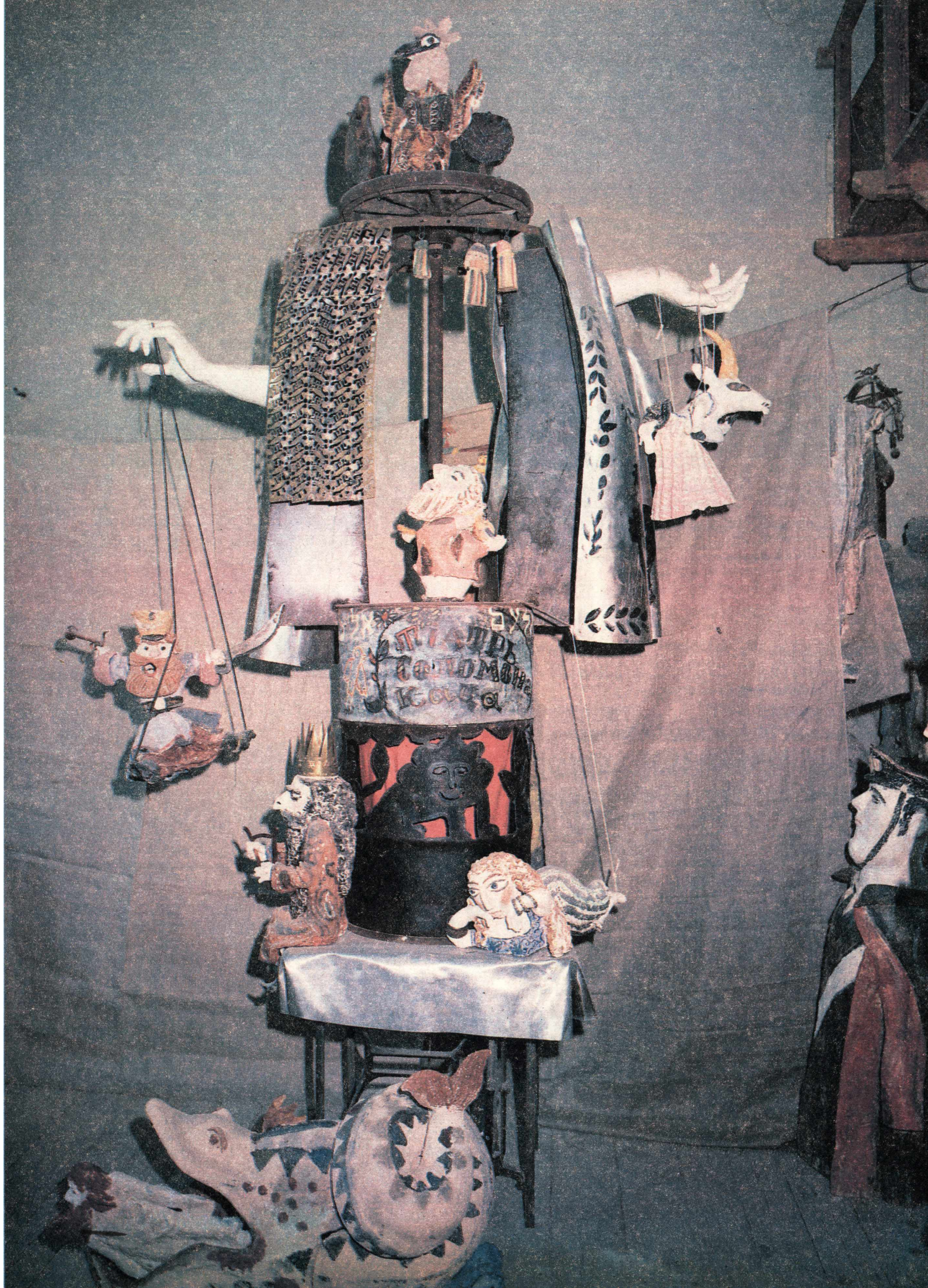
Сейчас выставка экспонируется в помещении московского Фотоцентра на Гоголевском бульваре. В дальнейшем организаторы намерены сделать ее передвижной и показать в ряде городов страны и Европы.

Александр КАМЕНСКИЙ

ОГОНЁК
МАСТЕРСКАЯ
Даниэль
МИТЛЯНСКИЙ

ANIS

ЕСЛИ ВЫ —

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЧАСТНОГО
КООПЕРАТИВНОГО
СОВМЕСТНОГО

ЕСЛИ ВЫ —

ХОТИТЕ ПОДНЯТЬ СОБСТВЕННЫЙ РЕЙТИНГ, А ТАКЖЕ ПРЕСТИЖ ВАШЕЙ ФИРМЫ, И ПРИ ЭТОМ СТАТЬ ОБЛАДАТЕЛЕМ УНИКАЛЬНОГО, ЕДИНСТВЕННОГО В МИРЕ ПРИЗА,—

ЕСЛИ ВЫ —

НЕ СПИТЕ ПО НОЧАМ ОТ МЫСЛИ: «КАК ПОМОЧЬ БОЛЬНОМУ ОТЕЧЕСТВУ»

ЕСЛИ ЭТО ВЫ, МЫ ЖДЕМ ВАС НА КОНКУРС «РОССИЙСКИЙ БИЗНЕСМЕН-91».

Заявки на участие
(с указанием фамилии претендента, его возраста и вида деятельности)
просим направлять до 1 декабря 1991 года
на фирменном бланке предприятия по факсу: (095) 298-43-02,
телефон для справок: (095) 298-38-61.
Организаторы конкурса
Акционерное общество «Анис»,
Государственный центральный концертный зал «Россия»
и объединение «Русь».
Эксклюзивное право на размещение рекламы в рамках конкурса
принадлежит Акционерному обществу «Анис» и фирме «Shadowmere LTD»
Справки по телефону: (095) 382-21-62,
факс: (095) 382-21-62.

Изречь неизреченное, назвать неназванное — одна из сложнейших задач поэзии, едва ли не главная. «Влюбленная женщина чувствует тоньше, чем поэт, но поэт скажет об этом лучше», — писал в прошлом веке один замечательный французский литератор. Но лишь заглянув в океан чувств и понятий, еще не вызванных к жизни, не освоенных речью и разумом, вдруг сознаешь, что «великий и могучий» язык наш подобен детской пианоле в полторы октавы, на которой трудно сыграть что-нибудь путное. И здесь начинается ужас бессловесности, которым проникнуты многие стихи Тютчева, Анненского, Ходасевича, Мандельштама... Думается, что у московского поэта Германа Плисецкого этот мотив обретает особую остроту.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

В СВЯТЫХ ГОРАХ...

Герман ПЛИСЕЦКИЙ

* * *

Ночная память голуба,
в ней голубеют глыбы льда,
в ней громоздятся города,
как театральные макеты,
блистают стекла, как слюда,
при вспышке гаснущей ракеты.

И только пара женских лиц
над смертным холодом столиц,
как прежде, горячи и лживы.
И значит — живы.

И нудно ноет «мессершмитт»,
и тень наискосок бежит
от кружевной радиовышки,
и прошлое, как мелкий шрифт,
неразличимым стать спешит
до следующей яркой вспышки...

ДРУГУ

Глебу Семенову

1

Мы обменялись городами,
где мы любили, голодали,
нуждались в жизненных благáх,
где атмосферою дышали,
единственной на этом шаре,
где мы витали в облаках.

Хватай такси в отчизне новой,
влезай в расшатанный трамвай,
на гаревом кольце Садовой
воспоминания вдыхай.

И я дареными глазами
взгляну на город неродной,
на Невском подавлюсь слезами
при виде женщины одной.

Скачите, бронзовые кони,
в безостановочной погоне
за горьким птичьим молоком!
Ступив на дальний берег Леты,
возьмем обратные билеты
и — разминемся в Бологом.

2

Все у́же круг моих знакомых —
все шире горизонта круг.
И старый друг дороже новых,
дороже многих, а не двух.

Он, старый, не сочтет за позу,
не назовет моей виной
печальную метаморфозу,
происходящую со мной.

А назовет моей бедою,
когда в пиковый час в метро
жизнь, бившая живой водою,
вдруг усмехается мертво.

Мой взгляд рентгеном проницает
весь этот скоростной транзит:
в девчонке — женщина мерцает,
старуха — в женщине сквозит.

И нет нужды жевать мочало
от юности до седины.
Не стало времени. Начала
с концами соединены.

И в этом мирозданье новом,
остановившемся вокруг,
не будет переименован
лишь рядом шедший старый друг.

ПОХОРОНЫ

Неделю душу угнетала
жара, тяжелая, как баржа.
Неделю в воздухе витало
начало траурного марша.

Протяжная взмывала нота —
и тут же обрывалась тупо,
как будто музыкантов рота
натужно продувала трубы.

И вдруг сегодня утром грянул
оркестр под окнами моими.
И я в окно, как в яму, глянул,
одной ногой уже в могиле.

Все было резким и подробным
под властью смертного гипноза:
зернистая толпа за гробом,
вдовы надломленная поза.

А впереди, над мостовою,
в цветах желтели нос и щеки,
чело желтело восковое
и — таяло на солнцепеке...

МИХАЙЛОВСКИЕ ЯМБЫ

1. Дорога в Тригорское

Он гнал коня: в Тригорском ждут гостей!
Гнал мысли прочь: повсюду ждут жандармы!
За эту ссылку в глушь своих страстей
кому сказать: «Премного благодарны»?
За эту крепко свитую петлю,
за эту жизнь, сжимающую горло,
кому сказать: «Благодарим покорно»?
Судьбе? Сергею Львовичу? Петру?

Задумавшись, он выехал из леса...
Ширь перед взором распахнулась вдруг...
Налево, за холмом, была Одесса,
направо, за рекою, — Петербург.
А на холме светился монастырь.
Вокруг чернели вековые ели,
кресты косые под стеной чернели.
Святые Горы — называлась ширь.

Жениться бы, забыть столицы, став
безвестным летописцем — Алексашкой,
сверкать зубами, красною рубашкой,
прилежно выводить полуустав...

Гремели слева синие валы,
плыла в пыли походная кибитка.
Гремели справа зимние балы,
и усмехались сфинксы из Египта.

2. Мазурка

Ах, как пылали жирондоли
у Лариных на том балу!
Мы руку предлагали Оле,
а Таня плакала в углу.

Другим — в аптечную мензурку
сердечных капель отмерять.
Нам — в быстротечную мазурку
с танцоркой лучшею нырять.

Бросаясь в каждый омут новый,
поди-ка знай, каков конец:
что за Натальей Гончаровой
дадут в приданое свинец!

Чужое знанье не поможет:
никто из мертвых не воскрес.
Полна невидимых подножек
дорога через темный лес.

И только при свече спокойной,
при табаке и при сверчке
жизнь становилась легкой, стройной,
как сосны, как перо в руке!

3. К Вульфу

Любезный Вульф, сердечный друг,
из-за прелестницы Аннеты
мы не поднимем пистолеты:
любовь — ребяческий недуг!
Не шпагу, а бильярдный кий
я выбираю. «Не убий!»
«Не пожелай жену чужую!»
А ежли я порой бушую,
так это, Вульф, игра стихий.

Не лучше ль мирная игра
на биллиардах в три шара?
Держись, приятель! Я в ударе.
Я знаю все об этом шаре:
он уклонится от прямой,
внезапно в сторону качнется
и двух других слегка коснется,
как вас коснулся гений мой.

Люби себя, веди дневник,
а мне оставь бессмертный миг
молниеносного удара!
И так всю жизнь: верченье шара
вокруг другого — карамболь.
А в сердце боль, сосед любезный,
для мастеров — предмет полезный,
годится в дело эта боль.

4. Зимняя ночь

Ночами жгло светильник ремесло.
Из комнат непротопленных несло,
как мысль мятежная, металось пламя,
и, бывшее весь день на заднем плане,
предчувствие беды в углу росло.

Уехал Пущин. Легонький возок
скользит сейчас все дальше на Восток —
так он, пожалуй, и в Сибирь заедет!
Ему сквозь тучи слева месяц светит.
Дурны приметы, и мороз жесток.

«Пред вечным разлучением, Жанно,
откройся мне, скажи, что есть оно —
сообщество друзей российской воли!
Я не дурак: колпак горит на воре,
паленым пахнет сильно и давно».

«Нет, Пушкин, нет! Но если бы и да:
ваш труд не легче нашего труда,
ваш заговор сильней тиранов бесит,
и, может быть, всю нашу перевесит
одним тобой добытая руда.

Вот он — союз твой тайный, обернись:
британский лорд, да веймарский министр,
еврей немецкий, да изгнанник польский...
Высокий жребий: временною пользой
платить за вечность. Не переменись!»

Уехал Пущин. От судьбы не спас.
Нетерпеливо грыз узду Пегас,
спал в небесах синклит богов всесильных,
а на земле, в Святых Горах, светильник
светил всю ночь, покуда не погас...

Светская хроника

ДВА МИРА — ДВА ОБРАЗА МЫСЛЕЙ

Если бы любовь измерялась подарками, то среди спортсменок ее больше всего выпало бы на долю теннисисток. Что ни солидный турнир — обязательно какой-нибудь спецприз. Даже на «Санкт-Петербург лейдиз оупен» двум финалисткам — Ларисе Савченко и немке Барбаре Ритнер перепало по сорокатысячной шубе. Ларисе как победителю досталась норковая, Барбаре — из черно-бурой лисы.

Славная традиция бросать даме под ноги или на плечи (в зависимости от ситуации) русские меха была принята на вооружение устроителями теннисных турниров еще два десятилетия назад. Тогда спорт делился на профессиональный и любительский. И наш единственный международный турнир по статусу относился, естественно, к последнему, а это значит, что денежный стимул для привлечения звезд терял смысл. В качестве компенсации зарубежных гостей вели на ближайшую звероферму и были там по-русски щедры. Чемпионка чемпионок Маргарет Корт не обходила меха, а заодно и Москву своим вниманием. На Западе популярны подарки другого рода: победителям вручают ключи от супермашины. Так, Штеффи Граф по итогам прошлого года, который она закончила номером первым в классификации «Крафт Дженерал Фудс», достался новенький 60-тысячный «ягуар». «У меня всего лишь 2 машины,— заметила Штеффи,— «опель» и «омега». С удовольствием прокачусь на новой».

У нашей чемпионки мысли были другие. Получив шубу, Лариса тихо спросила: «Где же мне ее носить?»

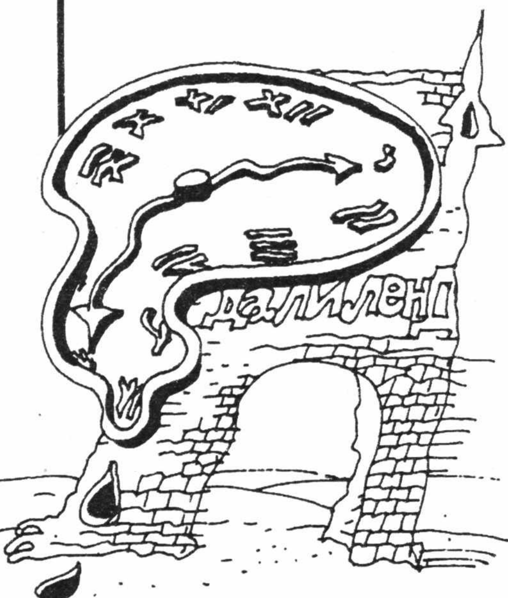
А ДИПЛОМАТУ — ЗА ТРОЯК

Наш дипломат и в своем отечестве живет как в некоем подобии «прекрасного далека». В буфете МИД СССР советским послам предлагается пиво марки «Гессер» по неправдоподобной ныне цене — 3 руб. 20 коп. за банку. Рубль, оказывается, кое-где еще что-то стоит. В фирменном магазине «Гессер», что на Тверской, такая банка стоит 22 рубля. В кооперативных ларьках пиво этой марки обходится еще дороже. А возле Савеловского вокзала с гражданина, которому нужно срочно «поправить здоровье», могут содрать и пять рублей за бутылку обычного «Жигулевского».

«ДИСНЕЙЛЕНД» ДЛЯ БОЛЬШИХ

Сюрреалист Сальвадор Дали, вполне реалистично сознавая себя гением, объявил Испанию единственной наследницей его шедевров. Художник официально заявил, что лучшие его работы должны выдержать испытание временем на его родине, в городе Фигерасе (Каталония). Еще при жизни Дали здесь был создан театр-музей, экспозиция которого постоянно пополняется бесценными картинами художника. В прошлом году здесь побывало около 640 тысяч любителей прекрасного (или ужасного?).

Хранителей музея недавно осенила идея создания «кошмарного» города,

названного в честь художника. Сам Дали, не страдавший недостатком воображения и честолюбия, до такого не додумался. Наиболее выразительный из проектов Далиландии предполагает строительство на побережье Каталонии курорта с парком развлечений.

Далиландия — мир грез и фантазий великого сюрреалиста — вскоре будет наводить жуть на кредитоспособных отдыхающих.

АНЖЕЛИКА БЕЗ КОРОЛЯ

Лика Ялинская — самая популярная женщина в Белоруссии. С ее появлением вновь засверкали увядшие было «Верасы», она снимается в кино, с успехом участвует в конкурсах красоты. В нынешнем году Лика к своему званию «Мисс Минск» прибавила убедительную победу на престижном конкурсе «Мисс фото СССР-91». Да и как ей было не стать лучшей из лучших, такой непредсказуемо меняющей имидж и всегда очаровательной?!

Но не секрет, что у популярных людей часто не складывается семейная жизнь, да и просто дружеские отношения не отличаются постоянством. Не избежала, к сожалению, таких проблем и Лика. Не везет ей в любви... Поэтому и приходится сейчас Лике самой воспитывать ребенка, решать бытовые проблемы, которых у нее не меньше, чем у обычной женщины. И куда только смотрят холостые джентльмены? Хотя, кто знает, может, эта крепость кажется им слишком неприступной?..

О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Глобальный конфликт разгорелся между представителями различных факультетов МГУ. Как это сейчас чаще всего бывает, причиной ссоры стала неподеленная еда. Перво- и второкурсники журфака и геофака не поделили сгущенку и «сухой паек натовского солдата», выданные им в качестве поощрения после поездки на картошку. Видимо, решив, что журналисты ценнее геологов (или прожорливее?), администрация университета поощрила студентов журфака в два раза сильнее (по 4 банки и 4 пайка на нос, геологам же — по две банки и два пайка). До драки дело не дошло, хоть до этого было недалеко.

У РАЗБИТОГО КОРЫТА?

Постоянные читатели «Светской хроники» уже знают о том, что отечественный рок-идол Борис Гребенщиков остался у разбитого «Аквариума» и ныне выступает со своей группой «Б. Г.». Но мало кто обратил внимание на то, что в жизни Бориса были и другие изменения, происшедшие после зарубежных поездок.

Сейчас на руках у Б. Г. не осталось ни одного из знаменитых перстней, которые некогда вызывали восторг у поклонников и иронию у прессы. Сам музыкант в интервью отшучивался, дескать, изучаю влияние камней на организм. После заграничных вояжей и общения со знаменитым Дейвом Стюартом, музыкантом известного дуэта «Юритмикс», Борис свои исследования закончил — то ли материальные затраты на это подействовали, то ли скромнее быть решил. Так или иначе, но теперь в перстнях Дейв щеголяет. У Б. Г. же осталось только обручальное кольцо. Да и то поговаривают, что он вскоре и его может лишиться. Но это, как говорится, не дай Бог...

ТОЛСТЫЙ БУМАЖНИК И ТОНКАЯ ТАЛИЯ

Знаете ли вы, какой модой охвачено сейчас население Парижа? Мода не зависит от пола, возраста, только в какой-то степени — от толщины кошелька. Это мода на так называемые «лайт» — облегченные продукты питания. Дело в том, что французы не в силах отказаться от обильной пищи, но панически боятся поправиться. Поэтому выпускаются малокалорийные сметана, масло, сахар, пепси-кола, соки, колбасы, сыры, мясо и даже... пиво. Как свидетельствует реклама, «лайт»-пиво содержит третью часть калорий, содержащихся в обычном.

В общем, французы едят со счетами в руках. Или скорее с калькулятором. К их чести надо заметить, что они думают не только о себе, но и о своих четвероногих друзьях — собаках и кошках. Для них тоже выпускают специальное «лайт»-питание. Животные, конечно, не могут поделиться впечатлениями об облегченных продуктах, но, когда французский корреспондент «Светской хроники» попробовал малокалорийную, но довольно дорогую колбасу «лайт», он был сильно разочарован...

Жаль, что в стране гастрономов люди забывают вкус настоящей пищи. Они рискуют стать товарищами по несчастью с одной «отдельно взятой»...

САМОУПРАВСТВО ПО-УТЯНСКИ

Утянское самоуправление (как выяснилось, существует и такой орган власти) приняло решение: разрешить в литовском селе Антикальнис построить особняк американскому миллионеру Г. Блюджюсу, который недавно вспомнил, что является уроженцем здешних мест.

Правда, власть здесь не совсем бескорыстна: миллионер обещал за это финансово поддержать родное местечко, а также помочь развитию литовской промышленности.

ВУНДЕРКИНД

Москвич Сережа Шаргунов сначала пошел в первый класс, а немного позже вступил в партию под названием «СВОБОДА». Точнее, сначала ее основал, а потом стал первым ее членом. Где партия — там и партийная пресса. Поэтому Сережа начал издавать и свой журнал, который называется так же, как и его партия,— «Свобода». В свет вышел уже третий номер издания. А сам Сережа (ему сейчас десять лет) заявляет, что его партия должна объединять в своих рядах всех здравомыслящих людей. Из которых он, естественно, самый здравомыслящий.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ТАЙНА

Очаровательно смуглая певица Уитни Хьюстон решила нарушить клятву никогда не говорить с прессой о личной жизни. К тому же, как призналась звезда, ей надоели глупые слухи о том, что она лесбиянка. Поэтому наконец-то прозвучало заявление о ее романтической любви с суперзвездой Голливуда Эдди Мэрфи.

«Я люблю Эдди и знаю, что он любит меня,— поведала Хьюстон.— В моей жизни есть мужчина. Нам хорошо вдвоем. Зачем же мне еще женщины?»

С СОБОЙ В МОГИЛУ ВАН ГОГА УНЕСУ

Ценители живописи в Японии и иных частях света восприняли с содроганием заявление миллиардера Риоэй Сайто. Подобно скифам, которые по обычаю уходили в лучший мир вместе с оружием, женой и любимой лошадью, Сайто завещал похоронить себя вместе с дорогими его сердцу картинами — подлинником Ренуара «Мулен де ла Галет» и «Портретом доктора Гаше» кисти Ван Гога.

Эти картины были приобретены миллиардером в Нью-Йорке на аукционах в прошлом году. Цена каждого из шедевров — приблизительно 80 миллионов долларов, и их владелец не без снобизма сообщил печати о своем намерении умереть вместе с бессмертными творениями. Сообщение Сайто настолько встревожило мировую общественность, что коллекционер был вынужден выступить в свое оправдание. «Я всего лишь хотел убедиться, что на аукционах «Сотби» и «Кристи», где я купил эти полотна, меня не надули»,— заверил он репортеров.

ДОЛЖНИК В РОЛИ СПОНСОРА

— Что проку от этого конкурса? — ворчали скептики по поводу телеконкурса молодых исполнителей «Ялта-91». Но с ними трудно согласиться: молодые таланты нашли своих поклонников, зрители — новых «звезд», спонсоры — множество заинтересованных партнеров. Но больше всего повезло редакции еженедельника «Советский патриот». Она с помощью телеконкурса «Ялта-91» обнаружила своего пропавшего без вести... должника в лице Анатолия Хлебникова, главы международного агентства «Анатолекс», которое было одним из спонсоров конкурса.

Предприимчивый А. Хлебников года полтора назад взял у «Советского патриота» 10 тысяч рублей на проведение конкурса «Мужчина года-90», обещая всячески рекламировать еженедельник. Но, увы... Конкурс почему-то не состоялся, реклама, естественно, тоже, да и деньги назад получить оказалось невозможно, так как шоу-бизнесмен Хлебников поменял название своей фирмы и скрылся из виду.

Теперь редакция «Советского патриота» благодаря конкурсу «засекла» пропавшего без вести дельца и надеется через суд вернуть свои кровные 10 тысяч, которые за прошедшее время несколько обесценились, но все равно будут очень кстати...

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Вера Лаврешина, Наталья Быканова, Василий Тянитолкаев, Анн-Софи Вегнье. Использованы материалы информационных агентств «Евро-Икс» и «Студинформо». Фото Е. Моргуновой и А. Ломохова. Рисовала Евгения Двоскина. Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ КАЛИГУЛЫ

Видать, по молодости лет рискнул режиссер Владимир Панжев проэкспериментировать в таком развеселом жанре, как пародия. С некоторым нахальством, характерным для дебютантов, он решил спародировать все и вся, и смешал в картине сюжетные ходы и эпизоды из «Калигулы», «Ночного портье», «17 мгновений весны», «9 с половиной недель». Естественно, по праву автора, добавил кое-что и от себя. Приправил изрядной порцией эротики на все вкусы (впервые в отечественной ленте — акты лесбийской любви) и получил эдакий кинококтейль с терпким названием «Яд скорпиона».

Надо сказать, режиссеру повезло с актерским составом — особенно с двумя исполнительницами главных женских ролей. Одна из них, Алена Масуренкова, уже прославилась, снявшись в очередной серии знаменитой «Эммануэли» — «Московской весне». Репутацию скандальной, но талантливой актрисы имеет и сыгравшая роль активной лесбиянки Клеопатры Ирина Толстых. Она очень (ну просто очень!) свободно и независимо держится перед камерой, понапрасну искушая иных режиссеров, из-за чего, как правило, и возникают скандалы вокруг ее имени. Сама же Ирина — человек строгих правил и к сексу относится очень серьезно. «Мне нужно чувствовать, что мой партнер хотя бы в этот миг готов для меня на все, так же, как и я для него,— говорит актриса.— И потом, у человека должна быть свобода выбора во всем. Поэтому я с таким пониманием отношусь к представителям сексуальных меньшинств — лесбиянкам, которых я играю в кино, и гомосексуалистам (кстати, мой муж тоже гомосексуалист). А внутренняя раскрепощенность помогает мне во время съемок».

Что же, можно поздравить молодого режиссера — и фильм снял, и эротический опыт приобрел, и с интересными людьми пообщался. Чего и нам, зрителям, желает.

Вам надо только позвонить,
и желаемое станет действительным.

ТЕЛЕ-МАРКЕТ

Заявки на сделки купли-продажи
из любой точки страны по телефону: 972-59-18, 972-59-28, 972-59-38, 972-59-48, 972-59-58, 972-59-68

ТЕЛЕ-МАРКЕТ

принимает информацию только от организаций.
Предложения о создании региональных
представительств отправляйте по факсу

(095) 117 26 30

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ.

ПСАЛМЫ

Натан ЩАРАНСКИЙ

Натан (Анатолий) Щаранский... Это имя мы не раз слышали в советской прессе: шпион, клеветник, изменник, идеологический враг, сионист. И на волне западных «голосов»: правозащитник, жертва репрессий, борец, сионист... Кто же он на самом деле? Сейчас Щаранский, живущий в Израиле, сам рассказал о себе в книге «Не убоюсь зла». Она уже вышла в девяти странах мира. Подготовлен автором и русский вариант книги. Предлагаем читателям «Огонька» фрагмент из нее, полный текст книги будет опубликован рижским издательством «Век» и редакционно-производственным агентством «Олимп» при издательстве «Советский писатель». Арестованный в 1977 году, Щаранский был приговорен к 13 годам заключения по абсурдному обвинению в шпионаже. Деятельность его как активиста еврейской эмиграции и члена Хельсинкской группы ничего общего со шпионажем не имела. Это был период, когда власти предприняли новое наступление на права человека: за месяц до ареста Щаранского были посажены за решетку его друзья по Хельсинкской группе Гинзбург и Орлов. В 1986 году, после девяти лет «отсидки» в тюрьмах и лагерях, Щаранский Указом Президиума Верховного Совета СССР «за поведение, порочащее высокое звание советского гражданина», был лишен советского гражданства и «как американский шпион» выслан за пределы СССР. В самолете, увозившем его на Запад, Щаранский сделал заявление, подводившее итог его жизни в Советском Союзе: «...Я убежден в том, что, помогая желающим выехать из СССР и тем, чьи гражданские права нарушались, я защищал не только их личные интересы, но в конечном счете — интересы всего общества, в котором был вынужден жить вопреки своему желанию. Поэтому я надеюсь, что зачитанный мне сейчас Указ не последний документ в моем деле, рано или поздно меня признают невиновным, а тех, кто преследовал людей за их убеждения, накажут...» Не станем раньше времени оценивать книгу — это право читателя. Как к ней ни отнесись, несомненно одно: ее актуальность, нужность в свете нынешних событий. Ибо в ней — ГУЛАГ семидесятых — восьмидесятых годов, ГУЛАГ, не отодвинутый историей, а еще живой, хватающий нас за руки и бьющий по голове сегодня. «Я спешил рассказать о тех, кого оставил в ГУЛАГе, и поделиться опытом с теми, кто еще может там оказаться, — пишет Щаранский.— ...Именно там, в ГУЛАГе, среди нераскаявшихся «узников совести», сохранился и выжил «вирус» свободолюбия. Сегодня он вырвался на волю, и мне хочется верить, что у КГБ не найдется против него «вакцины».

В конце февраля восемьдесят первого года у меня отобрали книгу псалмов. Я сразу же написал протест, и в лагерь прибыл представитель пермской областной прокуратуры.

— Долг государства,— заявил он,— защищать вас в заключении от вредных влияний, а влияние религии вредно, поэтому религиозная литература изъята у вас с нашего согласия.

Я понял: это серьезно. Тогда я решил для начала объявить забастовку: отказался выходить в рабочую камеру, пока мне не вернут псалмы. Сначала меня лишили свидания на два года вперед, а затем, прождав три дня, посадили в карцер на пятнадцать суток. Кончился срок — опять перевели в камеру.

— Выходите на работу?

— Только когда вернете псалмы.

Мне стали добавлять еще по пятнадцать дней карцера. Один день кормили по норме 9-б, на другой — давали только черный хлеб и стакан кипятка на завтрак, обед и ужин. Стало трудно переносить холод, особенно ночью. Хорошо еще, что карцерные роба и штаны были на меня велики: я прятал руки поглубже в рукава, натягивал робу на голову и согревался тем, что удавалось надышать в это свое укрытие. Вот когда наконец сказались преимущества моего роста!

Я слабел день ото дня, даже на зарядку не оставалось сил. Кружилась голова, снова начали болеть глаза и сердце. На такие пустяки, как кровоточащие десны, я уже просто не обращал внимания. Так прошли тридцать дней, сорок пять, шестьдесят, семьдесят пять...

Я давно перестал реагировать на окрики надзирателей: «Не лежать на полу!» Я старался найти такую позу, в которой легче расслабиться, и опять «уходил в самоволку», думая о родных и о родном. Собственно, ведь моя борьба за сборник псалмов была прежде всего борьбой за память об отце, за сохранение связи с Авиталью*, с Израилем, с еврейством...

На семьдесят пятый день, когда, наверно, даже в глазок можно было увидеть, что силы мои на исходе, власти сбавили темп и стали добавлять не по пятнадцать, а по пять суток.

— Выходите на работу?

— Только тогда, когда отдадите псалмы.

— Пять суток карцера.

Именно в это время у меня появились соседи; смежные камеры ШИЗО «ожили».

Первым посадили Вазифа Мейланова....

Между тем число дней, проведенных мной в ШИЗО, подходило к сотне. Однажды утром, услышав голос Вазифа, я попытался подтянуться на подоконнике, чтобы взобраться на него, но в глазах неожиданно потемнело, в ушах появился какой-то гул, и я потерял сознание.

Придя в себя, я увидел, что лежу на полу, и услышал испуганный голос вертухая, зовущего меня по фамилии. Заметив, что я открыл глаза, он сказал:

— Сейчас придет врач, я его уже вызвал.

По инструкции открывать дверь камеры надзиратель имеет право только с напарником; поэтому, пока не пришли врач с офицером, он лишь наблюдал за мной через кормушку. Меня это устраивало: впервые я лежал на полу карцера совершенно законно, не нарушая инструкции. Голова гудела, перед глазами плыли какие-то пятна...

Врач измерил мне давление и сказал коротко:

— Он должен лежать.

Вертухай отомкнул и опустил нары.

— Принесите ему постель.

Тут надзиратель заупрямился:

— В карцере не положено.

Тем не менее после нескольких телефонных звонков начальству врач добился для меня матраца, подушки и одеяла. Впрочем, это была последняя уступка администрации. В тот день я сидел на хлебе и воде, и в обед к этому скудному меню добавилась разве что кучка лекарств.

*** Авиталь — жена Щаранского.**

— Как же можно лечить человека и одновременно морить его голодом? — кричал из своей камеры Вазиф.

— Еда ему сегодня не положена,— невозмутимо отвечал вертухай.

«Медицинская помощь оказывается Щаранскому лишь для того, чтобы сделать процесс разрушения его организма более плавным»,— писал Мейланов в тот день в очередном резком заявлении прокурору, за которое он соответственно снова был наказан. Я же по слабости ни о каких протестах и думать не мог, лежал себе, наслаждаясь мягкой и уютной постелью, и вспоминал показания врачей на моем суде: «Это все ложь, в карцере никто потерять сознание и даже просто заболеть не может. Поместить туда имеют право только с разрешения врача, и каждый день мы контролируем состояние здоровья заключенного».

Я пролежал так несколько дней, потом врач пришел снова, померил давление, и постель у меня отобрали: здоров. Прошли сутки, и я опять почувствовал себя плохо: к головокружению и слабости добавилось еще одно неприятное и пугающее явление — сердце стало стучать в каком-то рваном, пулеметном ритме. В очередной раз пришел врач, послушал меня и заявил:

— Вегетососудистая дистония в форме криза. Освободится место в больнице — положим, а пока потерпите.

К счастью, очередной мой пятисуточный карцерный срок заканчивается, и меня все же переводят в ПКТ *. Нары тут тоже заперты днем на замок, но зато есть лавка, на которой я и лежу с утра до вечера. Сердце продолжает строчить рваными очередями, и так будет еще несколько недель, пока меня не заберут наконец в больницу.

...Когда после возвращения из больницы в карцер прошел месяц, я понял: еще немного — и все повторится сначала. Отступать от своего требования вернуть мне псалмы я, конечно, не собирался, но, чтобы не сидеть сложа руки в ожидании очередного обморока, я потребовал ручку и бумагу и написал заявление на имя Генерального прокурора СССР. Это было не первое мое заявление такого рода, не десятое и даже, пожалуй, не сотое. Правда, ни одно из этих обращений ни к каким особым изменениям в ситуации не привело, разве что меня за них несколько раз наказали, но писать их стоило хотя бы потому, что это была какая-никакая, а борьба, не позволявшая внутренне расслабиться. Ведь когда ты настаиваешь на своих взглядах, обвиняешь власти в преступных действиях, всегда есть опасность, что тебя накажут, что условия, в которых ты живешь, станут еще худшими. Поэтому каждое такое письмо важно прежде всего для тебя самого: оно свидетельствует о том, что ты не поддался страху и остался хозяином своей судьбы.

Совершенно неожиданно это мое заявление оказалось единственным из всех, написанных мной за годы заключения, принесшим вполне конкретную и весьма ощутимую пользу. А случилось это так. Составив черновик, я полез на подоконник, чтобы прочесть текст своим товарищам. Дежурный прапорщик несколько раз потребовал от нас прекратить разговоры, но потом замолчал: прислушивался. Он даже вышел на улицу и встал под моим окном, чтобы не пропустить ни слова, а я продолжал:

— «Во время суда надо мной в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, чтобы доказать клеветнический характер нашей деятельности, в качестве свидетелей привлекли лагерных врачей. Они утверждали, что наказания, применяемые к заключенным, не могут нанести ущерб здоровью, что упомянутые, среди прочего, в документах Хельсинкской группы случаи потери сознания заключенными в карцере, сердечных приступов и тому подобное — чистейший вымысел: эти случаи якобы не могли иметь места, ибо в лагерях и тюрьмах существует система медицинского контроля. То же самое утверждалось и в документах, представленных Министерством внутренних дел и Министерством здравоохранения».

Дальше я описывал все, что произошло со мной за последние месяцы, и продолжал:

— «Итак, наказание карцером, которое в документах обвинения представлено как ограниченная пятнадцатью сутками особая мера, необходимая для усмирения особо опасных, буйных преступников, в действительности используется для последовательного разрушения здоровья идейных противников режима. Мой личный опыт доказывает: правда была в наших заявлениях, объявленных клеветническими, а не в документах, представленных следствием. Будут ли мои обвинители и теперь заявлять, что ничего подобного не было и быть не могло?»

— Ну, конечно, будут! — смеясь, воскликнул Вазиф.— Вот представь себе, что З.,— и он назвал фамилию прапорщика, стоявшего под моим окном,— спросят за зоной: правда ли, что вы морите в карцерах людей голодом? Правда ли, что они там теряют сознание? Правда ли, что вы не даете им даже их собственные продукты, которые хранятся в кладовой? Что ответит З.? Что этого не было и быть не может! Верно ведь, З.?

Мы все трое посмеялись, причем к нам неожиданно присоединился сам З.

— Конечно, не было! — сказал он, отсмеявшись.— А что — разве было? Не упомню такого.

Каково же было мое изумление, когда минут через десять кормушка открылась и З. протянул мне записку. «Где в кладовке твои продукты и что из них тебе принести?» — прочел я...

В конце октября меня неожиданно выводят на улицу. Мы идем к тому самому административному зданию, в котором квартирка для свиданий, где полтора года назад я встречался с мамой и братом. Неужели? Но нет — это заседание выездного суда. Судья, заслушав представление лагерной администрации о том, что я не стал на путь исправления, не раскаялся в содеянных преступлениях и своим поведением плохо влияю на других заключенных, быстро объявил решение: три года тюрьмы. Этот приговор подвел итоги двенадцатимесячной борьбы за сборник псалмов. За год я провел в ШИЗО сто восемьдесят шесть суток...

Когда-то в Лефортове от меня требовали покаяния, осуждения сообщников, обещая взамен скорое освобождение и возможность, оказавшись на воле, в Израиле, взять свои слова обратно. Тогда я сформулировал для себя три причины, по которым был не вправе это сделать: такой поступок подорвал бы силы соратников, ослабил поддержку на Западе и подвигнул КГБ на новые расправы.

Но уже в то время я ощущал, что все мои аргументы лишь частные случаи некоего гораздо более общего принципа, что где-то в самой глубине моего подсознания живет невидимый контролер, автоматически диктующий отрицательный ответ на каждое очередное предложение КГБ. Это он, вероятно, подсказывал мне: если вступишь с ними в торговлю, если начнешь их «понимать», если станешь лицемерить, то обязательно вернешься в то рабское состояние двоемыслия, в котором пребывал первые двадцать с лишним лет жизни. Чтобы повысить свою сопротивляемость соблазну и оставаться на время вне досягаемости КГБ, я тогда изо дня в день, из месяца в месяц укреплял свою духовную связь с моим миром. «Мы нужны друг другу»,— сказал я однажды Авитали, и сейчас в ГУЛАГе наша взаимная зависимость возросла тысячекратно. «Пришло время этой книжке быть с тобой»,— писала жена перед самым моим арестом, а потом я много месяцев сидел в карцере, чтобы сборник псалмов действительно был со мной. Отдать мне его или нет, решал, конечно, КГБ, но именно там, в темном и холодном карцере, я слышал не только голос Авитали, но и пение царя Давида.

Великий псалмопевец был не единственным, кто присоединился к моей семье и друзьям, чтобы поддержать и защитить меня. Уже в Лефортове Сократ и Дон Кихот, Одиссей и Гаргантюа, Антигона и Гамлет пришли мне на помощь. Я чувствовал духовную связь с ними, их судьбы перекликались с моей, они шли со мной через тюрьмы и лагеря, были рядом в пересылках и на этапах. И в какой-то момент у меня появилось странное ощущение возникшей вдруг обратной связи, не только мне было важно, как вели себя они в разных жизненных обстоятельствах, но и им, существовавшим или придуманным много веков назад, для оправдания пути, который они когда-то избрали, было далеко не безразлично, как поступлю сегодня я. И точно так же, как каждый из них влиял на поведение людей из разных стран в разные эпохи, и я сегодня, приняв правильное решение или сделав верный выбор, могу вдохновить или разочаровать тех, кто был, и тех, кто будет...

Это странное, мистическое ощущение взаимосвязи всех душ во времени, пространстве и человеческом воображении возникло у меня в мрачной реальности ГУЛАГа, где солидарность зеков была единственным способом противостоять миру зла и где поражение каждого из нас становилось трагедией для всех. Чувство это укрепилось в карцерах, душа принимала телепатические передачи друзей только в том случае, если наши сердца были настроены на одну волну. Осознание всеобъемлющей общности и солидарности, у которых нет ни пространственных, ни временных границ, окончательно пришло ко мне во время голодовки, когда человеческий голос из их мира, голос мента или тюремного врача, окликал меня по имени лишь тогда, когда им предстояло влить в меня очередную порцию «живой воды» и напомнить мне, нанизанному на резиновый шланг, что еще не поздно к ним присоединиться. Но все меньше они занимали меня, все реже останавливался мой взгляд на сером интерьере их камеры, в которой я был вынужден жить, но все чаще задерживался он на фотографии Авитали, стоящей на фоне водопада, и я с радостью уходил вслед за ней в наш мир.

«Распалась связь времен»,— говорил Гамлет в минуту отчаяния, оказавшись вдруг лицом к лицу со злодейством. Я же восстанавливал эту связь, заключив братский союз с теми, кто помогал мне защитить достоинство, и не только свое личное, но достоинство человека, созданного по образу и подобию Творца...

* * *

В памяти сохранились быстро сменяющиеся кадры последующих событий.

Вот мы летим через Средиземное море на маленьком самолете, посланном израильским правительством. Вот я выступаю в аэропорту, почти не понимая собственных слов, и пою: «Хорошо и радостно быть с братьями вместе». Я так часто пел эти слова из псалма один, в карцере, а сейчас пою их вместе с тысячами братьев и сестер, приехавших в Лод.

Я крепко сжимаю руку Авитали, боясь, что она вновь ускользнет и все опять окажется только сном.

Лишь глубокой ночью в Иерусалиме, в Старом городе, я отпустил ее ладонь, толпа разнесла нас в разные стороны, и я поплыл на чьих-то плечах к Стене Плача.

Держа в руках нашу Книгу псалмов, я поцеловал теплый камень и произнес древнее благословение:

«Барух... матир асурим» — «Благословен Он, освобождающий узников!»

* **ПКТ — помещение камерного типа, внутрилагерная тюрьма.**

Михаил БЫКОВ

Катастрофа! Так почти единодушно охарактеризовали хоккейные специалисты выступление сборной СССР на Кубке Канады. Но что стоит за этим?

Ах, как хотелось бы найти аргументы, доказывающие случайность происшедшего! К сожалению, их нет. А может быть, к счастью. Ибо по-доброму у нас в стране редко что решается. Непримиримое желание изжить что-то плохое появляется лишь после того, как получим по голове.

Для начала такой факт. В дни подготовки сборной к Кубку Канады на подмосковной олимпийской базе «Новогорск» состоялось собрание команды. Слово взял бессменный начальник сборной последних лет Роберт Черенков:

— Чтоб укрепить дисциплину на тренировочном сборе, Федерация хоккея СССР разработала систему штрафов игроков. Платить будете в валюте. За нарушение режима и халтуру, опоздания на тренировки и забытый дома свитер сборной...

Сборники сидели и молчали. Услышанное не укладывалось в голове. Первым очнулся Алексей Касатонов.

— Вы что, с ума сошли? — без всяких деликатностей спросил защитник «Нью-Джерси дэвилз».— Или вы ребятам зарплату в валюте платите?

Тренеры, почувствовав, что терпение игроков на пределе, предложение федерации, разработанное наверняка не без участия аппарата сборной, «замяли». И все осталось, как было. Формально инцидент оказался исчерпанным.

Ну а фактически? Интересовался ли кто-нибудь из хоккейного начальства, какое впечатление произвела на ребят очередная идея, придуманная «наверху»?

И давайте задумаемся, что за этой идеей стоит.

Игроков заранее хотели обобрать в расчете на премиальные в Кубке Канады. Кстати, прецеденты есть. Еще в 1989 году после победы на молодежном чемпионате мира глава нашей делегации Валентин Козин своей волей лишил ведущих игроков команды Федорова, Буре, Малыхина, Ивашкина, Могильного внушительной части премиальных долларов за несуществующие проступки. Вернувшись из Америки в Союз, зампред федерации на всякий случай подстраховался статьей в послушной «Правде».

Мало того, что подобные поборы юридически незаконны. Федерация — организация общественная, и не ей отбирать заработанные деньги.

Сборная страны — объединение добровольное. Хоккеисты в ней не работают. Играя в свитерах с надписью «СССР» на груди, они выполняют моральное обязательство перед Родиной. В первую очередь это касается хоккеистов, выступающих в зарубежных клубах. Они согласились играть за национальную команду в свое свободное время, когда с удовольствием могли бы загорать на пляжах Флориды или потихоньку набирать форму в своих клубах перед очередным сезоном. Сравнение грубое, но доходчивое: представьте себе, что Каспаров подвергается наказанию за нарушение в шахматной партии, сыгранной на досуге в домашних тапочках.

Тут уместно уголовное словечко — «беспредел». Он наступил в нашем хоккейном хозяйстве давно, еще во времена царствования Тарасова. И теперь, когда тайное становится явным, вылезает наружу во всем своем безобразии.

Особенно ярко и безжалостно «беспредел» хоккейной мафии, включающей в себя аппарат Федерации хоккея, сборной страны и элитных столичных клубов, проявляется в отношении к Игроку. Тому самому Игроку, без которого не было бы ни федерации,

ни сборной, ни хоккея как такового.

Исторически сложилось так, что в национальной сборной, а стало быть, и в хоккее, хозяйничали тренеры ЦСКА и «Динамо». Жесткий, подчас до идиотизма, армейский порядок стал нормой в этом популярнейшем в стране виде спорта. Но до поры до времени сравнивать свою жизнь, систему отношений и ценностей хоккеистам было не с чем. Все ограничивалось межклубной возней из-за звезд, в которой неизменно побеждали армейско-динамовские силы. Еще бы! В руках тренеров этих команд были мощные стимулы: столичная прописка, материальные блага, главное — право включения в сборную СССР, а значит, выезд за рубеж, валюта, мировая слава. Генералам, меценатствующим в спорте, стоило только шепнуть...

И шептали. Постоянно. В Москву собирали приличных хоккеистов со всей страны. Не хотели ехать добровольно — привозили силой, под предлогом армейской службы в СА и МВД — КГБ. Красноречив пример челябинского «Трактора». Сергей Макаров, Бабинов, Стариков, Мыльников — все эти игроки, призванные в ЦСКА (читай: сборная СССР) Тихоновым, оттуда. Не много ли — четыре звезды мирового класса за несколько лет?

Стоило парню оказаться в ЦСКА — «Динамо», как в прессе появлялось благовидное объяснение: игроку надо расти. Но почему он должен расти именно в Москве, а не в родном городе, мне непонятно. Или призывать в сборную из того же Челябинска трудно?

Смысл этих переездов из провинции в столицу на поверхности: чтобы и мысли не возникало, что кто-то способен одолеть во внутреннем первенстве СССР ЦСКА. И тогда логичным становилось назначение на самый «вкусный» хоккейный пост армейского главного тренера. Виктор Тихонов только подработал систему, придуманную «патриархом» — Анатолием Владимировичем Тарасовым.

Но в конце 80-х система первый раз дала сбой. «Дело Фетисова» показало, что хоккеисты уже отнюдь не бессловесные дураки. Толчком к бунту великой ларионовской пятерки (без Касатонова) послужил резко возросший интерес к нашим звездам в Национальной хоккейной лиге.

Удивительно, что хоккейное руководство слишком поздно сообразило о грозящей из-за океана опасности. Когда первый наш рейнджер Сергей Пряхин из «Крыльев Советов» только покупал билет на самолет «до Канады», можно было предугадать, что именно приглашения из НХЛ неизбежно и довольно быстро уничтожат неконтролируемую власть главного тренера сборной и функционеров федерации над хоккеистами.

— Они, по-моему, до сих пор не способны переварить мысль, что и вора могут ограбить,— заметил как-то один из тренеров с периферии, чьей фамилии не хочу называть из соображения его безопасности.— Поэтому так болезненно реагируют на предложения звездам из-за рубежа. Нисколько не угрызаясь совестью по поводу сбора дани с немосковских команд. А ведь только в этом межсезонье в ЦСКА и «Динамо» оказались почти все перспективные молодые ребята: Житник, Наместников, Козлов, Юшкевич...

Сейчас в НХЛ играют 16 советских хоккеистов. Плюс Константинов и Буре, чьи контракты подписаны в сентябре. Подавляющее большинство из них — армейцы и динамовцы. Лишнее доказательство того, где у нас сконцентрированы звезды. Давайте проанализируем, как уезжали эти спортсмены в лигу.

Ларионов, Макаров, Крутов и Фетисов выдержали полугодичную борьбу с Тихоновым и иже с ним, прежде чем получили право демобилизоваться — и в прямом, и в переносном смысле — из ЦСКА. Насмотревшись на их мытарства, сбежал Могильный. Спустя год воспользовался случаем Федоров. В прошлом сезоне после двухмесячной забастовки отправился в НХЛ Гусаров. Татаринов в то же время поставил ультиматум перед главным тренером «Динамо» Юрзиновым: или отпустите, или не знаю, что сделаю. И Владимир Владимирович понял: сделает. Отпустил. Арифметика простая — две трети советских «канадцев», играющих в «основе» клубов НХЛ, уехали туда с боями.

Казалось бы, сей печальный опыт должен был научить тренеров и функционеров. Ничуть не бывало.

В августе всем кандидатам в сборную страны предложили подписать новые клубные контракты, явно ущемляющие хоккеистов в правах и по-прежнему ничего не гарантирующие им. Так, Павлу Буре дали на подпись контракт, в котором годичный срок игры за ЦСКА был изменен на трехлетний. Подобным образом попытались закабалить и Давыдова, Чибирева, Костичкина — второй эшелон армейской команды. Сопротивлялись этой процедуре и ребята из «Динамо». Но в итоге, когда на карту было поставлено участие в Кубке Канады, «сломались». Буре и Давыдов выстояли. Буре в начале августа сказал мне так:

— Олимпиаду хочу отыграть. И первенство мира в Чехо-Словакии. А уж потом — в «Ванкувер кенакс».

Его отец, известный в прошлом пловец Владимир Буре, вторил сыну, говоря, что еще сезон Паша отработает в ЦСКА.

Но требование о подписи измененного контракта спровоцировало Буре на конфликт. В итоге на Кубок Канады он не поехал, сборной не помог, а в НХЛ все-таки играть будет уже в этом сезоне. Спрашивается, кто выиграл?

С капитаном сборной и ЦСКА Владимиром Константиновым произошла еще более несправедливая история. Кто виноват, что Владимир серьезно заболел? Но в ЦСКА вопрос поставили так: не хочешь умирать на армейском льду, ковыряйся со своими проблемами сам. Два месяца Константинов терпеливо ждал, когда хоть кто-нибудь из начальства займется его будущим. Положение-то у него было — не позавидуешь. Страшный диагноз, поставленный специалистами из госпиталя имени Бурденко, запрет на физические нагрузки, угроза потери единственной профессии — с одной стороны. Фальшивое звание лейтенанта, перспектива служить нестроевым в армейском обозе — с другой. И никаких просветов, так как армейское спортивное начальство, не желая брать на себя ответственность, отфутболивало хоккеиста от одного полковника к другому. Убедившись, что в ЦСКА ему никто помогать не собирается, Константинов принял предложение «Дейтройт Рэд Уингз» подписать контракт, гарантирующий ему работу и лечение.

А почему не хотел подписывать новый контракт Чибирев? Ему приглашение из-за океана пока «не грозит». В ЦСКА он попал, как молодой и перспективный, из киевского «Сокола». Но в армейском клубе не сложилось. Остался Игорь на вторых ролях. И едва это понял Тихонов, как все обязательства ЦСКА перед Чибиревым канули в Лету. В том числе и обещание предоставить ему в Москве жилплощадь. Это требование не было капризом избалованной звезды. Чибирев жил на подмосковной базе ЦСКА «Архангельское», в двухместном номере. Его жена — в Киеве. А весной у них родился ребенок. Естественное человеческое желание видеть родных Чибирев удовлетворял таким образом: в редкие выходные садился в ночной поезд и мчался на Украину. На следующую ночь — обратно. Но стоило неразгоревшейся звезде заикнуться об обещаниях трехлетней давности, как его по-армейски послали. И вот контракт с ЦСКА на исходе, почему бы не отпустить парня домой? Ни в коем случае, звучит ответ, в ЦСКА некому играть.

Казалось бы, стоп! Пора остановить этот конвейер, калечащий судьбы молодых ребят и лишающий нас классных игроков. Но зреет новый конфликт вокруг восходящей звезды Алексея Ковалева, без его ведома зачисленного в Голицынское училище КГБ. Обрабатываются армейскими скаутами родители 16-летнего талантливого тольяттинского парня Виктора Козлова...

Легче всего свалить все беды отечественного хоккея на отъезд игроков в заграничные клубы. Бегут, мол, ребята из страны в землю обетованную, где все измеряется в долларах. И ничего тут не поделаешь.

Да, бегут. И не скрывают, что одна из главных причин — разница в оплате их труда у нас и там. Но ведь уезжают не только из Советского Союза. В НХЛ играет больше финнов и шведов, чем наших. Однако, отработав два-три сезона в профессионалах, скандинавские звезды охотно возвращаются домой и продолжают выступать за местные клубы. В большинстве случаев лучше, чем до отъезда. Так как опыт профессионального хоккея только прибавляет им мастерства.

А вот от советских игроков я что-то не слышал, что они горят желанием вернуться в родной хоккей. Денег, заработанных в НХЛ, с лихвой хватит на богатую жизнь в Союзе. Но нет таких, кто хотел бы завершать хоккейную карьеру на Родине. Уж лучше где-нибудь в Европе, во второразрядном клубе доиграть.

Выходит, не только в деньгах хоккейное счастье. Александр Кожевников признался, приехав в отпуск в Москву из Швейцарии, где он сейчас выступает за никому не известную команду:

— Как представлю, что снова окажусь в нашем хоккее, дрожь берет. Тренерский диктат, бесконечные сборы, дворцовые интриги — ну их к дьяволу...

А Сергей Федоров, играющий за клуб НХЛ «Дейтройт Рэд Уингз», сам уже не верит, что последний год работы в ЦСКА жил в тесной однокомнатной квартирке у друзей, был вообще человеком без паспорта. Уж если мы хотим сохранить советский хоккей, вообще спорт, то просто необходимо скорее решить и бытовые проблемы, встающие перед одареннейшими людьми, приносящими стране, между прочим, сотни тысяч долларов.

Попадая в насквозь коррумпированную, построенную на лжи и надувательстве систему большого хоккея, юноши постепенно утрачивают всякие понятия о «патриотизме», «чести клуба» и прочая. О какой нравственности можно говорить, когда на чемпионаты мира вместе с функционерами федерации едут их жены, селясь на базе сборной СССР? Когда в списки премированных десятидневным отдыхом в Италии за выигрыш чемпионата страны динамовцев включаются люди, не имеющие к команде никакого отношения? Например, председатель Мытищинского горисполкома. Когда игроков заставляют подписывать пустые ведомости на зарплату, как это водилось до недавнего времени в ЦСКА? Когда в командах насаждается атмосфера стукачества и подсиживания? Что говорить, из 30 мест, выделенных сборной СССР на Кубке Канады, одно, как в старые добрые времена, принадлежало сотруднику КГБ...

Сейчас идет поиск виновных в горьком поражении на Кубке Канады. Совсем свежие слова Виктора Тихонова:

— К Олимпиаде мы подберем состав из двух сборных страны и, надеюсь, сыграем достойно.

Но разве дело в составе команды или в тактических просчетах в том или ином матче? Проблема куда серьезнее: хоккеисты-звезды не хотят играть в советский хоккей.

И пока существует нынешняя система большого хоккея, в которой игроку отводится место безропотного исполнителя, а теперь и выгодного товара на экспорт, выигрывать мы не будем. По крайней мере как прежде.

…НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ СССР ПОДДЕРЖИВАЕМ, ОДОБРЯЕМ

Земля у нас одна

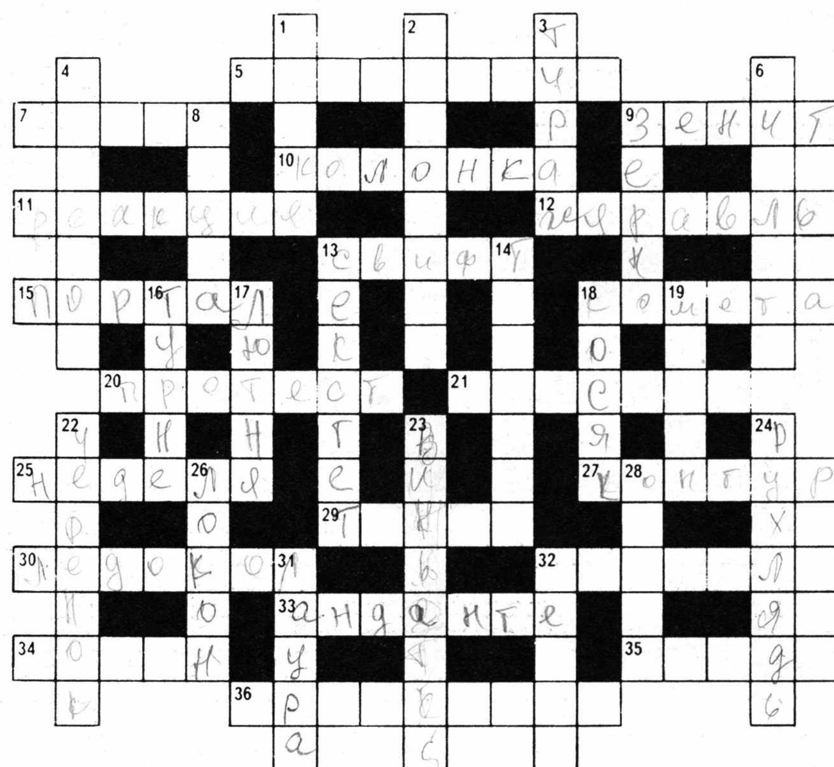
Фото
П. АГАФОНОВА. (Пермь)
Г. АРХИПОВА. (Свердловск)
Г. ВЛАСОВА. (Саранск)
В. КУДРЯВЦЕВА. (Новосибирск)
И. ЦИПИНА. (Москва)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Публичное обсуждение вопроса, проблемы. 7. Государство в Северной Африке. 9. Верхняя точка небесной сферы. 10. Водопроводное устройство с краном на улице. 11. Буквенное обозначение химических процессов. 12. Крупная птица, обитающая на болотах. 13. Английский писатель, автор романа «Путешествие Гулливера». 15. Архитектурно оформленный вход в здание. 18. Небесное тело, движущееся по вытянутой орбите. 20. Решительное возражение. 21. Японский порт на острове Кюсю. 25. Единица исчисления календарного времени. 27. Внешнее очертание. 29. Опера Д. Пуччини. 30. Мощное судно для плавания в замерзающих водных бассейнах. 32. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 33. Музыкальный темп. 34. Советский архитектор. 35. Фруктовое дерево. 36. Бальнеологический курорт в предгорьях Карпат.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Река, одна из составляющих Амур. 2. Видоизмененный подземный побег растений. 3. Количество экземпляров печатного издания. 4. Песня на слова А. В. Кольцова. 6. Химическое соединение, содержащее водород. 8. Действующее лицо в опере А. П. Бородина «Князь Игорь». 9. Семя хлебных злаков. 13. Музыкальный ансамбль. 14. Строфа. 16. Поездка артистов на гастроли. 17. Старинный струнный инструмент. 18. Стая птиц, рыб. 19. Басня И. А. Крылова. 22. Отрезок побега, ветки для прививок. 23. Рисунок в начале книги, главы. 24. Меховой товар. 26. Вьющаяся прядь волос. 28. Один из первых советских писателей, педагог, автор произведений, посвященных подросткам. 31. Действующее лицо в трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость». 32. Промысловая пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 41

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сказание. 9. Ортоклаз. 10. Интродукция. 11. Холст. 13. «Квант». 15. Дидактика. 17. Статус. 18. Астат. 19. Дахлак. 20. Флейта. 21. Монтаж. 23. Хохлач. 25. Комод. 27. Реестр. 29. Репетиция. 30. Очерк. 32. Шелиф. 33. Ассортимент. 34. Ткаченко. 35. Телеграф.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Экспонат. 2. Тацит. 3. Непрядва. 4. Хоккеист. 5. Коряк. 6. Заманиха. 8. Падекатр. 12. Светофильтр. 14. Восхождение. 15. Диспетчер. 16. Аудитория. 22. Имитатор. 24. Обечайка. 25. Копновоз. 26. Дециметр. 28. «Талисман». 31. Катет. 32. Штрек.

1 руб. Индекс 70663

НЕ ЖДЕТ РЫНКА, ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ, ДЕЛАЯ ВАШИ РУБЛИ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫМИ УЖЕ СЕГОДНЯ.

Мгновенная поставка со складов в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Минске по договорам лизинга с оплатой только в рублях продукции ведущих зарубежных фирм.

СЕГОДНЯ В НАЛИЧИИ:

- **телевизоры, видеомагнитофоны, видеоплейеры**
- **телефоны, телефоны с автоответчиком, калькуляторы, телефаксы и термобумага к ним**
- **холодильники, пылесосы, СВЧ-печи**

НАШ АДРЕС:

117593, Москва, «Ортэкс».
Телекс: 131310 ORT SU
Факс: (095) 427-64-10
Телефоны:
427-11-01 (5 линий),
427-57-36,
427-66-11

Представительство в Санкт-Петербурге:
проспект Карла Маркса, 84, «Ортэкс».
Факс: (812) 245-21-25
Телефон: 245-12-51

Представительство в Киеве:
Киев-1, гостиница «Москва», «Ортэкс».
Факс: (044) 229-37-21
Телефон: 228-00-19 (5 линий).

Представительство в Минске:
Минск, проспект Машерова, 65, «Ортэкс».
Факс: (0172) 23-74-79
Телефон: 26-98-18

ЭСКАРТ